

ТАЙНАЯ ВОЙНА НАПОЛЕОНА

ВЛАДЛЕН СИРОТКИН
**АЛЕКСАНДР
ПЕРВЫЙ
И НАПОЛЕОН**

ДУЭЛЬ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

**Владлен Георгиевич
Сироткин**

**Наполеон и Александр.
Дуэль перед войной**

Вместо предисловия

Дипломатическая и разведывательная предыстория эпопеи Отечественной войны 1812 года – неотъемлемая часть всей истории России нового и новейшего времени. Именно в кризисные годы «грозы 12-го года» складывалась геополитическая стратегия Российского государства на весь XIX и начало XX в. – установление баланса сил в Европе и мире после потрясений Великой французской революции, подписание союзов – «браков по расчету» (Тильзит), определение принципа «раздела сфер влияния» в Европе и на Востоке, идеологические изыски в дипломатии и т. д.

Привнесенные французскими якобинцами пропагандистские приемы в дипломатию и военное искусство («мир хижинам – война дворцам») в период наполеоновских войн, как и передовые военные тактические приемы (рассыпной строй солдат, артиллерия на конной тяге и т. п.), стали достоянием всех воюющих сторон. Вслед за «бюро по контролю за общественным мнением» (французская Директория, 1797 г.), преобразованным Бонапартом в пропагандистское «ведомство Фуше», аналогичные «бюро» и «ведомства» создаются и в странах-противницах Франции – Великобритании, России, Австрии, Пруссии, Швеции.

«Война перьев» Наполеона и Александра I породила целый ряд устойчивых лжеконцепций, которые будут эксплуатироваться дипломатами и политиками Европы и мира последующие два века, особенно, в глобальном идеологическом противостоянии СССР и США после Второй мировой войны.

Скажем, запущенная еще в 1806–1807 гг. пропагандистская «утка» Наполеона о «русской угрозе» Западу (фальшивое «Завещание Петра Великого») окажет огромное воздействие даже на К. Маркса и Ф. Энгельса и принудит И. В. Сталина в 1939 г. выступить с критикой отцов-основателей марксизма.

Наоборот, «анафемы» Священного Синода Русской православной церкви в 1806–1815 гг. против «исчадия ада – Буонапартия» трансформируются в уваровскую триаду «самодержавие – православие – народность» (1832 г.), ставшую знаменем не только монархистов царской России, но и неомонархистов России «демократической».

Вместе с тем, эпоха наполеоновских войн (и Отечественная война 1812 г. как их неотъемлемая героическая часть) оставили глубокий след в истории, культуре, архитектуре и Франции, и России. Станция метро «Иена», улица «Тильзит» рядом с площадью «Этуаль-Шарль де Голль», мост «Аустерлиц», бульвары имени наполеоновских маршалов, Триумфальная арка и музей Инвалидов наконец: на арке выбиты поля сражений в России, а в Инвалидах (музее французской армии) хранятся отбитые русские знамена и пушки – в Париже, как бы перекликаются с теми же знаками русской воинской славы в Москве – восстановленным Храмом Христа-Спасителя, музеем-панорамой «Бородинская битва», отбитыми у французов пушками у Арсенала в Кремле.

Характерно, что инициаторами создания монументальных памятников и эпопеи 1812 года, и войн 1805–1814 гг. выступили два главных фигуранта этой

военно-дипломатической дуэли – Наполеон и Александр I.

Отрадно, что и в XXI веке эта память не иссякает, и не только о победителях, но и о побежденных, причем не в одной Российской Федерации. Так, стараниями нашего современника неутомимого профессора Фернана Бокура, директора частного Института наполеоновских исследований в Париже, на р. Березине у гор. Борисова в Белоруссии 16 ноября 1997 г. был поставлен второй памятник «павшим Великой армии» (первый с 1913 г. стоит на Бородинском поле).

Мир или война с Наполеоном?

Великая французская революция 1789–1799 гг. не только смела абсолютизм во Франции, но и оказала огромное революционизирующее влияние на другие страны. Страх перед «революционной заразой» и стремление защитить устои легитимизма вызвали к жизни антифранцузские коалиции.

Республиканской и Консульской Франции в 1792–1800 гг. удалось не только отстоять Отечество, но и отбросить армии феодальных коалиций от дореволюционных границ страны. Заметную роль в этой справедливой войне в 1793–1797 гг. сыграл молодой генерал Бонапарт. Его сравнительно легкий государственный переворот 18 брюмера (9 ноября) 1799 г. привел генерала к вершинам власти во Франции.

Но если внутри Франции Наполеону сравнительно легко удалось в 1799–1804 гг. закрепиться на престоле, то на международной арене дела обстояли сложнее.

Стремление Наполеона путем провозглашения империи во Франции подчеркнуть разрыв с революционным прошлым страны, встать в один ряд с «законными» монархами Европы для облегчения дипломатической и военной экспансии и поисков союзников в борьбе против Англии первоначально наталкивалось на отказ легитимистской Европы. Для рядового русского мелкопоместного дворянина или прусского юнкера Франция в конце XVIII – начале XIX в. психологически оставалась «исчадием революции», а Наполеон – ее «революционным генералом». Поэтому

союз с ним представлялся едва ли не как предательство интересов дворянского класса, и на первых порах дипломатия феодальных государств не могла не считаться с этими настроениями.

Кстати, и для самого Наполеона эта психологическая предубежденность дворянской Европы против его мнимого «якобинизма» служила немалой помехой: не случайно после провозглашения в 1804 г. империи он упорно добивался признания своего нового титула «императора французов» феодальными дворами, включая соответствующий пункт в статьи мирных и союзных договоров.

Весьма любопытно в этой связи свидетельство одного из близко знавших Наполеона лиц, небезызвестного князя Меттерниха. «Одним из постоянных и живейших огорчений Наполеона, – писал князь, – было то, что он не мог сослаться на принцип легитимности как на основу своей власти... Тем не менее он никогда не упускал случая, чтобы не заявить в моем присутствии живейший протест против тех, кто мог вообразить, что он занял трон в качестве узурпатора.

«Французский престол, – говорил он мне не раз, – был вакантным. Людовик XVI не сумел удержаться на нем. Будь я на его месте, революция никогда не стала бы совершившимся фактом...»

Вместе с тем требование признать его императором, кроме династических соображений, диктовалось и вполне практическим стремлением закрепить за Францией новые территориальные приобретения, ибо в официальный титул Наполеона включался не только «император французов», но и «король Италии», «протектор» Рейнского союза германских государств и т. д.

Дипломатическое признание императорского титула Бонапарта (обязательное требование наполеоновской дипломатии в 1804–1807 гг.) автоматически означало юридическое санкционирование всех новых захватов Франции, осуществленных ею к моменту этого признания. Между тем ярко выраженное стремление наполеоновской дипломатии пересмотреть всю систему европейских дипломатических соглашений, сложившихся к концу XVIII в., наталкивалось на сопротивление участников антинаполеоновских коалиций, видевших в этой политике Франции угрозу «европейскому равновесию». Душой этих коалиций с самого начала стала Англия.

Основным преимуществом английской дипломатии в конце XVIII – начале XIX века в борьбе против Франции было то обстоятельство, что она действовала не в одиночку, а в составе антифранцузских коалиций, щедро снабжая своих союзников оружием, деньгами, предоставляя им свой военный и торговый флоты.

Поэтому с первых дней своего правления Наполеон поставил перед французской дипломатией задачу расколоть этот антифранцузский фронт, заключить союз с партнерами Англии или, на худой конец, нейтрализовать их.

Из всех союзников англичан по антифранцузским коалициям самый большой интерес в этом отношении представляла Россия. Крупнейшая континентальная держава Европы, она обладала могучей армией и оказывала огромное влияние на международные отношения начала XIX в.

Приспособление царизма к складывающимся новым производственным и общественным отношениям в

послереволюционной Европе находило отражение как во внутренней, так и во внешней политике.

Причин для такой позиции имелось несколько. Главной из них была потребность в освоении обширных территориальных приобретений, осуществленных правящими классами России к началу XIX в. на западных (польско-литовские земли) и особенно южных (Северное Причерноморье) границах империи. Поскольку новые границы Российской империи были закреплены соответствующими международными соглашениями, постольку основная задача царской дипломатии в тот период состояла в сохранении этих соглашений как выгодных на данном этапе правящим кругам России.

До тех пор, пока Франция и Англия открыто не посягали на эти соглашения и не угрожали своей военной силой непосредственным границам России, часть правящего класса Российской империи считала для себя выгодным некоторое время находиться в стороне от англо-французского политического и торгового соперничества. Эта тенденция проявилась еще до революции при Екатерине II. Страх русского дворянства перед «революционной заразой» временно ослабил эту тенденцию, выдвинув на первый план стремление к консервации в Западной Европе феодальных порядков. Однако с началом наполеоновской эпохи во Франции и обострением прежнего англо-французского соперничества она ожила вновь. Сторонники нейтралитета России называли эту тактику политикой «свободы рук».

Политика «свободы рук» в англо-французском конфликте отражала также стремление правящих классов России эпохи Александра I получить известную

передышку для некоторых внутривнутриполитических реформ: государственного аппарата (учреждение министерств в 1802 г.), образования (в частности, увеличение числа университетов и создание лицеев), экономического освоения южных областей (создание «Комитета о устройении Новороссийской губернии») и т. д.

Наиболее четко основные принципы политики «свободы рук» применительно к международной обстановке начала XIX в. были изложены в докладе управляющего Коллегией иностранных дел В. П. Кочубея, зачитанном им на заседании «негласного комитета» 25 августа 1801 г. Кочубей проанализировал внешнюю политику Екатерины II и Павла I, причем все его симпатии были на стороне первой. Затем он подробно остановился на отношениях России со всеми основными странами Европы к моменту воцарения Александра I, сделав следующий вывод: «Наше положение дает нам возможность обойтись без услуг других держав, одновременно заставляя их всячески угождать России, что позволяет нам не заключать никаких союзов, за исключением торговых договоров».

Наиболее полное воплощение политика «свободы рук» нашла в соглашениях России с Англией и Францией. 17 июня 1801 г. в Петербурге была подписана англо-русская морская конвенция. Несмотря на то, что эта конвенция по форме носила характер частного соглашения по одному вопросу, по существу, это был политический договор, определяющий характер англо-русских отношений. Конвенция носила компромиссный характер: Россия отказывалась от попыток укрепить лигу держав так называемого второго вооруженного морского нейтралитета – детище Павла I, но Англии не удалось привлечь Александра I на свою сторону для продолжения борьбы с Францией.

И, наконец, вершиной политики «свободы рук» были франко-русские соглашения, подписанные 8—10 октября 1801 г. в Париже. Это был первый русско-французский мирный договор после революции. Статья 1-я восстанавливала нормальные дипломатические отношения по образцу русско-французских до 1789 г. Обе стороны брали обязательства не оказывать «ни внешним, ни внутренним врагам другой никакой помощи войсками или деньгами под каким бы то ни было наименованием». Статья 5-я договора предусматривала заключение франко-русского торгового договора. Впредь до его заключения коммерческие отношения должны были строиться «на основаниях, существовавших до войны».

В целом договор означал признание Франции де-юре равноправным государством Европы, конец обвинений в распространении «революционной заразы».

Царское правительство официально признавало внутренние изменения в буржуазной Франции. Одновременно договор был свидетельством признания со стороны крепостнических кругов России того факта, что революция во Франции закончилась и там, «слава богу», правит «законное» правительство. Франция становилась равноправной в сообществе великих держав Европы. Мирный договор с Россией означал большую победу французской дипломатии.

Заключенная в дополнение к мирному договору секретная конвенция определяла будущие франко-русские отношения. Конвенция не решала ни одного из спорных вопросов, но в ней проводилась идея дипломатического сотрудничества России и Франции при урегулировании двух основных спорных вопросов – германского и итальянского. По существу, это был раздел сфер влияния в Европе на базе статус-кво 1801 г. и установления совместного влияния России и Франции на дела Центральной Европы и Южной Италии.

Несмотря на явное нежелание правительства Александра I на первых порах вмешиваться в англо-французский конфликт, и английская, и французская дипломатия не оставила надежду привлечь Россию на свою сторону. Англичане взывали к легитимистским чувствам царя и его ближайшего окружения, усиленно ссылаясь на имевший уже место прецедент – дипломатическое и военное участие России в I и II антифранцузских коалициях. Французы же всячески расписывали выгоды франко-русского союза. Однако позиции наполеоновской дипломатии были слабее – опыт скоропалительного и неудачного союза 1800 г., заключенного Павлом I с Францией, выявил в дворянских кругах России сильную антифранцузскую

оппозицию. Нежелание считаться с настроениями дворянства стоило Павлу I жизни – в ночь с 23 на 24 марта 1801 г. он был убит. В числе участников этого дворцового заговора были и сторонники возобновления англо-русского союза против Франции.

В 1801–1803 гг. оба посла – английский посол Сенг-Эленс (и сменивший его в августе 1802 г. Уоррен) и французский посол генерал Гедувиль – настоятельно домогались союза своих правительств с Россией. Поводом для привлечения царя на свою сторону они избрали вопрос о посредничестве России в англо-французском конфликте из-за обладания островом Мальтой в Средиземном море, имевшим важное военно-стратегическое значение. Однако правительство отклонило предложения о русских гарантиях статута острова Мальты и заняло позицию нейтралитета в новой англо-французской войне, возобновившейся в мае 1803 г.

Мирная передышка 1801–1803 гг. была использована верхушкой дворянства для определения внешнеполитического курса России, прежде всего в отношении Франции. По вопросу о будущих франко-русских отношениях среди русских государственных деятелей не было единства мнений. Наиболее отчетливо выделялись две точки зрения.

Представители первой делали и акцент на прошедших во Франции внутривластных изменениях (приход к власти Наполеона и его заявление – «революция закончилась»).

Превращение Франции из источника «революционной заразы» в «нормальную» державу ставило ее, по их мнению, в один ряд с буржуазной парламентарной монархией в Англии, которая отнюдь не угрожала феодально-крепостническим устоям России. Поэтому часть русских правящих кругов уже не видела в борьбе против Франции прежних задач реставрации королевской власти и склонна была принять установившийся во Франции буржуазный строй. Не отказываясь от задачи поддержания феодально-абсолютистского строя в Европе, эта часть правящих кругов вместе с тем пыталась акцентировать внимание русского дворянства, а также крупного русского купечества на задачах закрепления и расширения сделанных при Екатерине II территориальных завоеваний. Вместо дорогостоящих и невыгодных, по их мнению, войн с Францией вдали от русских границ за идеи легитимизма они предлагали встать на прежний путь поддержания в Европе

равновесия между Англией и Францией, Австрией и Пруссией, а острие внешней политики России обратить на Восток (укрепление и расширение позиций царизма на Кавказе, в Закавказье, балканских провинциях Турции, в Средней Азии и на Дальнем Востоке). Практически эта точка зрения временно нашла свое выражение в политике «свободы рук» 1801–1803 гг.

Наиболее часто в защиту этой концепции в дотильзитский период выступали министр коммерции Н. П. Румянцев, министр морских сил Н. С. Мордвинов и вице-канцлер А. Б. Куракин. Так, Румянцев, разделяя принципы политики «свободы рук», считал, что наибольший эффект она принесет тогда, когда в Европе удастся создать политическое равновесие (баланс) трех государств: Англии, Франции и России. Последняя, не беря никаких дипломатических обязательств по отношению к любой из двух других, должна поддерживать самые тесные торговые связи и с английскими, и с французскими купцами.

Но поскольку Англия сумела занять преобладающее место в русской торговле на Балтике и тем привязала к себе русских экспортеров, Румянцев выдвинул целую внешнеторговую программу избавления от этой экономической зависимости. В частности, он предлагал начать активное освоение морского торгового пути через Черное и Азовское моря. Вступая в открытую полемику с «англофилами», стремившимися доказать неизбежность экономической зависимости России от Англии в области морской торговли, Румянцев отстаивал возможность и необходимость для России иметь свой, отечественный торговый флот.

Представители другой точки зрения не видели или не хотели видеть в государственном перевороте Наполеона удушения революции. Они по-прежнему отстаивали идею вооруженной борьбы России в союзе с Англией и другими державами против Франции. По их мнению, лишь военный разгром наполеоновского государства ликвидировал бы угрозу экспансии Франции в Европе и позволил России заняться внутренними проблемами. Только вооруженная наступательная борьба с Францией даст России возможность не только сохранить, но и увеличить территориальные приобретения. Поэтому они выступали против каких-либо мирных, а тем более союзных переговоров с Наполеоном. Ссылаясь на давний опыт англо-русского дипломатического и торгового сотрудничества, имея опору среди дворянства и купечества на севере и в центре России, они упорно отстаивали концепцию самого тесного англо-русского союза. Наиболее яркими представителями англофильства в первые годы царствования Александра I были кратковременный министр иностранных дел России (март – октябрь 1801 г.) Н. П. Панин, многолетний посол в Лондоне С. Р. Воронцов, его брат канцлер А. Р. Воронцов, посол в Вене А. К. Разумовский.

Наиболее последовательным «англофилом» был С. Р. Воронцов. Крупный русский помещик, Воронцов провел свыше 20 лет в Англии на посту русского дипломатического представителя. Противник революционных идей, сторонник безоговорочного и самого тесного экономического и политического союза России и Англии, он всю свою жизнь был убежденным противником Франции, которая, по его мнению, навсегда останется источником «революционной заразы» для

европейских монархий. Он отрицал необходимость каких-либо переговоров с Францией, решительно боролся против франко-русского сближения при Павле I, за что и был отстранен последним от поста русского посла и подвергся опале.

В период интенсивного обсуждения внешнеполитического курса России (первые годы правления Александра I) программа самого тесного союза с Англией была изложена в записке Н. П. Панина «О политической системе Российской империи» (июль 1801 г.).

Возражая тем, кто считал, что Россия должна проводить политику «свободы рук» и неучастия в союзах (намек на В. П. Кочубея), Панин доказывал необходимость союзов для «удержания пограничных государств в рамках их нынешнего могущества». «Естественными союзниками» России, по Панину, были Австрия, Пруссия и Англия. Особенно необходим был союз с Англией: «Политические и торговые отношения между нашим и лондонским дворами основываются на полном совпадении интересов и невозможности столкновения последних, пока и тот, и другой придерживаются своей обычной здоровой политики».

Панин отрицал угрозу морского могущества Англии для России. Более того, вместе с Воронцовым он подвел теоретическую базу под это утверждение: целиком приняв мнение, изложенное Воронцовым в ранее написанной записке о вооруженном морском нейтралитете, Панин заявлял: «Поскольку Россия не имеет и иметь не может активной торговли, рост морского могущества Англии не только не причиняет ей никакого вреда, но даже приносит ей большую пользу, удерживая дворы Севера (Пруссию, Швецию и Данию. – *В. С.*) в состоянии слабости, сохранение которой нам весьма желательно...».

Из всего этого Панин делал следующий вывод: «Стало быть, в том, что касается торговли, интересы Англии не противостоят нашим, и, напротив, торговля с нею приносит России весьма большую пользу, приводя в обращение крупные капиталы; что касается политики, то и здесь мы видим то же совпадение интересов обоих государств». По мнению Панина, основная угроза для России исходит от Франции как нарушительницы европейского равновесия. «Опасности, грозящие Европе, – писал он, – имеют три различные причины: деспотизм и честолюбие Франции, честолюбие Англии, распространение революционного духа. Надо выбирать между тремя, как как всех их сразу избежать невозможно... Исходя из этого принципа, легко доказать, что самая большая опасность для России исходит от Франции, что и предрешает сближение с Англией».

Таким образом, записка Панина в наиболее концентрированном виде выражала точку зрения тех кругов, которые требовали безоговорочного союза с Англией против Франции.

Александр I и его «молодые друзья» в 1801–1803 гг. пытались занять позицию «центра». Надо сказать, что политические симпатии большинства «молодых друзей» (А. А. Чарторыйского, П. А. Строганова, Н. Н. Новосильцева) были на стороне сторонников вооруженной борьбы с Францией. Позднее все трое (особенно Чарторыйский) стали одними из главных вдохновителей и организаторов III антифранцузской коалиции. Однако в 1801–1803 гг. они воздерживались от поддержки сторонников той или другой точки зрения.

Неизвестно, как долго придерживались бы в Петербурге тактики «свободы рук», если бы Франция

снова после небольшой передышки (вызванной главным образом заботами Наполеона по укреплению своей власти внутри страны) не начала дипломатическое наступление сначала на Балканах, а позднее в германских государствах. Оно ставило под угрозу то неустойчивое равновесие сил России и Франции, которое было зафиксировано в парижских соглашениях 1801 г.

25 июня 1802 г. в Париже наполеоновская дипломатия заключила мирный договор с Турцией. Но Франция не ограничилась одними дипломатическими демаршами. На восточном побережье Италии она начала концентрировать войска, готовя военный десант на западные Балканские провинции Турецкой империи. Заигрывание эмиссаров Наполеона с турками, с одной стороны, и угроза прямого военного вторжения на Балканы в случае провала этого дипломатического флирта – с другой, не на шутку встревожили руководителей внешней политики в Петербурге.

Царская дипломатия со времен Екатерины II всегда очень ревниво относилась к действиям любой другой иностранной – будь то английская или французская – дипломатии в Константинополе. И было из-за чего: в конце XVIII в. России удалось заключить с Турцией не только мирный (1792 г.), но и союзный (1799 г.) договор. Они закрепляли за Россией все территории, отвоеванные у Турции в XVIII в. (юг Украины, Крым, Северный Кавказ), а главное – открывали Черное море, обеспечивая свободный проход русским судам через Босфор и Дарданеллы. Южнорусские помещики и купцы только-только получили, наконец, свободный выход в Средиземное море, как вновь над проливами нависла угроза: наполеоновская дипломатия, играя на еще не заживших ранах турецких пашей или шантажируя их

угрозой войны, подбирала ключи к воротам из Черного моря.

Не менее активно стала действовать наполеоновская дипломатия и в германских государствах. Игнорируя парижские соглашения 1801 г. о совместном с Россией влиянии на германские дела, она посулами или угрозами начала склонять на сторону Наполеона вечно враждовавших между собой германских князей.

Действия Франции повлекли за собой немедленную реакцию России. Особую заботу вызывали Балканы.

К числу мер, призванных помешать проникновению Франции на Балканы, относилось превращение островов Ионического архипелага на Адриатическом море в русскую военно-морскую базу. Тем самым правящие круги России пошли на прямое нарушение статьи 9-й франко-русской конвенции 1801 г., гласившей, что «иностранных войск на сих островах более не будет», а также на отмену принятого 15 июня того же года решения Государственного совета о выводе русских войск из Неаполя и с Ионических островов.

Интересно отметить, что именно один из сторонников «свободы рук», тогдашний министр иностранных дел В. П. Кочубей первый в докладной записке Александру I от 30 декабря 1801 г. предложил, превратить Ионические острова в опорную базу России, послав туда специального представителя, военные суда, артиллерию и войска. В феврале 1802 г. предложение В. П. Кочубея было одобрено, и в августе из Одессы на Ионический архипелаг прибыл русский полномочный представитель граф Г. Д. Мочениго во главе экспедиции в 1600 солдат и офицеров на пяти судах.

К осени 1804 г. Россия на Ионических островах имела уже около 11 тыс. солдат и свыше 16 военных кораблей. Кроме того, Мочениго было поручено спешно создавать военные формирования из албанцев, черногорцев и греков под командованием русских офицеров. По приказанию Александра на острове Корфу был создан также военный комитет по обороне

Ионических островов и балканского побережья от возможного вторжения французов из Италии.

Весьма характерно и то обстоятельство, что, несмотря на отчаянные призывы неаполитанской королевы не выводить русские войска из Неаполя, Александр I все же приказал их командующему генералу Бороздину погрузиться на суда и отправиться на Ионические острова.

Следует отметить, что в других районах Европы Россия не предпринимала в 1802–1804 гг. таких шагов.

Это достаточно наглядно свидетельствует, что для правящих классов России общеполитическая задача защиты легитимизма в Европе уже начала уступать место боязни потерять свои собственные позиции, хотя в ответном письме к неаполитанской королеве Карлотте царь патетически восклицал о верности делу защиты «законных» монархов от «узурпатора. Бонапарта». Александр I довольно четко отделял общелегитимистские задачи от непосредственных интересов правящих классов России.

Угроза изменения статус-кво на Балканах и в Германии, исходившая от Франции, усилила аргументы противников тактики «свободы рук». Первым выступил А. Р. Воронцов. 24 ноября 1803 г. он представил царю «Записку в доклад», в которой набросал общую картину экспансии Франции на севере Германии и в Италии. Особую угрозу интересам России представляли планы Наполеона в отношении Турции. Высадка французской армии на Балканах, по мнению Воронцова, означала бы неминуемый распад Оттоманской империи. Не ограничиваясь констатацией фактов, Воронцов предлагал начать немедленную подготовку к войне против

Франции. Доклад Воронцова был первой ласточкой, возвестившей начало отхода России от политики только дипломатического сдерживания экспансии Франции. Но до окончательного отхода было еще далеко. Александр I никак не отреагировал на предложения Воронцова.

В более осторожной форме выступил Чарторыйский. Его записка Александру I от 29 февраля 1804 г. была целиком посвящена мерам по противодействию Франции в Турецкой империи. Сославшись на то, что Александр I уже начал консультации с английским правительством по этому вопросу, Чарторыйский, напирая на «традиционные интересы» России на Балканах, предлагал начать с Англией союзные переговоры с целью защиты Турции от нападения Франции.

Однако английские дипломаты рано потирали руки, предвкушая скорое заключение англо-русского союза против Франции. Тот же Чарторыйский писал 9 марта 1804 г. в Лондон С. Р. Воронцову: «Император готов вступить в борьбу, как только события его к этому вынудят, но если он не боится быть принужденным к войне своими врагами, то он не хотел бы быть в нее втянутым в результате своих собственных действий или действий своих друзей. Подобные чувства, в основе которых лежит желание избегать войны так долго, как это позволит честь и безопасность империи, послужат для вас темой, при изложении и развитии которой вы будете руководствоваться вашим просвещенным и горячим патриотизмом». Единственный вопрос, по которому Россия готова консультироваться с Англией, – это восточный вопрос.

И действительно, царское правительство пока не очень заботилось о том, что непосредственно не

затрагивало его интересов. Так, оно отказалось поддержать Англию в деле защиты наследственных прав английских королей на курфюршество Ганновер, захваченный в 1803 г. Францией, но издало 29 марта 1804 г. декларацию о защите совместно с Данией «вольных ганзейских городов» от притязаний Франции, поскольку захват этих городов угрожал сокращению русской торговли на Балтике.

Новое столкновение двух точек зрения на дальнейшую политику России в отношении Франции произошло на заседании Государственного совета 17 апреля 1804 г. Формально поводом к заседанию послужило обсуждение позиции русского правительства в связи с расстрелом по приказу Наполеона герцога Энгиенского, близкого родственника казненного революцией французского короля Людовика XVI. Фактически же речь шла о внешнеполитическом курсе России в условиях новой международной обстановки, которая характеризовалась все расширявшейся англо-французской войной и ростом притязаний Франции на Балканах, Ближнем Востоке, в Италии и Германии. Как и в 1801–1803 гг., в ходе обсуждения наметились две точки зрения. В начале заседания Чарторыйский (являвшийся с января 1804 г. фактическим министром иностранных дел России в связи с тяжелой болезнью Воронцова) зачитал заранее подготовленное заявление. Документ этот по существу был своеобразным манифестом сторонников вооруженной борьбы с Францией. Акцентируя внимание членов Совета на всеобщем возмущении европейских легитимистов убийством герцога Энгиенского, Чарторыйский предложил объявить демонстративный траур русского двора и заявить Франции самый решительный протест. Предложения Чарторыйского, однако, шли значительно дальше. Осудив франко-русское соглашение 1801 г., он предложил разорвать дипломатические отношения с Францией и начать открытую подготовку к созданию новой антифранцузской коалиции совместно с Англией. Скрыто полемизируя с противниками этого курса,

Чарторыйский всячески расписывал абсолютную безопасность такой политики для России, так как, по его мнению, Франция, не имея непосредственных границ с Россией, не может прямо напасть на нее.

О том, что сторонники войны с Францией уже давно вели подготовку к этому курсу, свидетельствует жалоба Чарторыйского, что Наполеон опередил развитие событий: «Случись обстоятельство, подобное последнему, тремя месяцами позднее, то, как ни печально и злополучно оно само по себе, оно случилось бы, так сказать, в подходящее время и вызвало бы решительный демарш со стороны России. Тогда чувства Австрии и Пруссии выяснились бы больше и определились; Дания была бы подготовлена; наш корпус на Семи островах, получив подкрепление, был бы в силах охранять Грецию и помочь Неаполитанскому королевству с помощью установленного согласия с Англией».

Программа Чарторыйского встретила возражения сторонников политики «свободы рук». Если по вопросу об объявлении демонстративного траура сомнений не было, то основное предложение Чарторыйского – начать открытую подготовку к войне с Францией в союзе с Англией, Австрией и Пруссией – вызвало серьезные разногласия. Это особенно отчетливо прозвучало в выступлении Румянцева: «Его величество должен руководиться только государственною пользой, и поэтому всякий довод, истекающий из одного чувства, должен быть устранен из числа его побуждений; так как только что совершившееся трагическое событие не касается прямо России, то им и не затрагивается достоинство империи».

Осудив программу Чарторыйского как попытку вовлечения России в войну с Францией за интересы других европейских государств, Румянцев выдвинул свой план:

«Следует просто надеть траур и на все смолчать». Если же Александр хочет все же продемонстрировать свое возмущение, то в качестве крайней меры «можно бы ограничиться простым перерывом сношений с Францией», но не ввязываться в войну с Наполеоном.

И хотя Совет не принял никакого окончательного решения, весь ход обсуждения внешнеполитического курса России в новых условиях дипломатической обстановки показал, что дни политики «свободы рук» сочтены. Немалую роль сыграли опасения, что Россия одна, без помощи английского флота, будет не в состоянии оборонять огромную береговую линию Балканского полуострова.

Когда же стало известно, что подозрения России относительно угрозы статус-кво на Балканах разделяет и Австрия, судьба политики «свободы рук» была окончательно решена. Австрия и Россия составили сухопутный хребет новой коалиции, которую радостно приветствовала Англия. Для сторонников русско-английского союза наступили горячие дни. Чарторыйский, Новосильцев, Строганов в Петербурге, С. Р. Воронцов в Лондоне, Разумовский в Вене – все они, не покладая рук, трудились над созданием III, самой мощной антинаполеоновской коалиции. Никогда более Чарторыйский, польский князь на русской службе, не возносился так высоко, как в эти полтора года.

Вторая половина 1804–1805 год были «золотым временем» англо-русских дипломатических отношений. Александр I, наконец, сделал ставку на Англию.

«Молодые друзья» Александра I разработали грандиозный план установления англо-русско-австрийского господства в Европе. Он состоял из двух неравных частей. В первой, «теоретической», содержались проекты политического переустройства Европы в случае победы коалиции над Францией. Для 1804–1805 гг. важнее, однако, была вторая, «практическая», часть этих проектов – конкретные пути установления господства Англии, России и Австрии в Европе, а также определение места Франции в новой системе «европейского равновесия». Они были определены в основном документе коалиции «Англо-русской союзной конвенции о мерах к установлению мира в Европе» от 11 апреля 1805 г.

Главные участники коалиции на суше – Россия и Австрия – должны были выставить почти 400 тыс. человек и ровно столько же – другие потенциальные ее участники (Неаполитанское королевство, сардинский король, Пруссия, Швеция). Англия брала на себя субсидирование коалиции и поддержку ее армией с моря. Эта огромная по тем временам (почти миллионная) армия должна была вторгнуться в пределы Франции.

В части, касающейся будущего политического переустройства Европы, всего интереснее были планы в отношении социально-экономического и политического устройства Франции в случае победы над Наполеоном. Понимая необратимость процессов, происшедших во

Франции, создатели коалиции заявляли, что «хозяева-собственники и люди, состоящие при должности, могут рассчитывать на мирное пользование теми выгодами, которые приобретены ими вследствие революции». Более того, делался намек, что легитимистские державы могут признать даже республиканскую форму правления во Франции, «лишь бы она была совместима с общественным спокойствием».

Правда, эта декларация имела в виду прежде всего пропагандистские цели – добиться изоляции Наполеона и его окружения от народа и государственного аппарата (прежде всего армии). Но сам факт включения такой статьи в основное соглашение свидетельствовал о том, что центр тяжести III коалиции в отличие от двух предыдущих переносился из плоскости борьбы против «революционной заразы» в плоскость разгрома Франции как государства, все более и более мешавшего Англии и России осуществлять их собственные захватнические планы.

Впрочем для всей истории III коалиции вполне подходила русская пословица: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги...» Военная мощь коалиции, подготовка которой заняла более 16 месяцев, была сломлена Францией менее чем за 2,5 месяца. Не дожидаясь, пока союзники договорятся о дележе шкуры еще не убитого медведя и объединят свои военные силы, Наполеон первым перешел в наступление. Он и на этот раз остался верен своей стратегии разгрома противников поодиночке. Основной удар пришелся по Австрии. 20 октября 1805 г. при Ульме французская армия нанесла первое крупное поражение австрийцам, заставив капитулировать 33-тысячную армию генерала Мака. Правда, на другой день на море коалиция взяла реванш:

английский флот полностью разгромил франко-испанскую эскадру у мыса Трафальгар, навсегда лишив Наполеона возможности соперничать с Англией на морях. Но зато 2 декабря 1805 г. Франция нанесла новое сокрушительное поражение австро-русской армии при Аустерлице. Военная мощь III коалиции на суше была сломлена.

Наполеоновская дипломатия довершила дело. 26 декабря в Пресбурге (Братислава) она продиктовала Австрии условия мира, скорее похожие на условия капитуляции. Насмерть перепуганный австрийский император, брошенный своими недавними союзниками на произвол судьбы, не только признал фактическую оккупацию Наполеоном Италии, отказался от своего политического влияния в германских государствах, но и отдавал Франции Венецию и, что было самым страшным для царского правительства, свои балканские провинции – Истрию и Далмацию. С таким трудом созданная Россией система защиты своих позиций на Балканах рушилась – французы зашли в тыл русской военно-морской базе на Ионических островах.

Аустерлиц и Пресбургский мир положили начало совершенно новой обстановке в Европе. Франко-русские соглашения 1801 г. оказались похороненными. Наполеон не только закрепил все сделанные им до 1805 г. завоевания, но и приобрел новые территории в Италии, Германии, на Балканах.

Разгром Австрии, нейтрализация Пруссии, окончательное закрепление в Италии и германских государствах и – самое главное – выход на Балканы чрезвычайно усилили позиции Франции. Почти половина Западной Европы была под контролем французов. На западе Наполеона от России отделяла лишь формально независимая, слабая Пруссия, а на юге росла угроза новой русско-турецкой войны. Резко обострились противоречия в лагере бывших союзников по III коалиции.

В этих условиях в русских правительственных кругах вновь обострились противоречия, тем более что в Петербурге и Москве дворянство открыто выражало недовольство неудачами русской армии и дипломатии. Царь поспешил собрать новое заседание Государственного совета для обсуждения дальнейшего курса внешней политики России; оно состоялось в январе 1806 г.

На правах руководителя внешнеполитического ведомства России первым выступил Чарторыйский. Он зачитал обширный доклад «О положении политических дел в Европе». В нем была нарисована детальная картина политики России в отношении Франции в 1801–1805 гг. Чарторыйский подробно остановился на

причинах отхода России от политики «свободы рук» и ее участия в III коалиции: «Виды, какие Бонапарт имел на Италию, угрожали непосредственно Австрии и Турции, а по сему были опасны и для России. Ибо если бы Австрия единожды учинилась данницей Франции и Турция подпала под ее иго или же была бы возмущена, тогда бы Россия потеряла все выгоды настоящего своего положения. Южные провинции наши подвержены были бы опасности, и Бонапарт овладел бы нашею торговлею на Черном море».

Следует отметить, что первоначально составленный Чарторыйским вариант доклада носил более резкий характер. Перед первым заседанием Александр I просмотрел черновик. Он вычеркнул абзац о русско-французских разногласиях в Германии в 1801–1803 гг., одновременно написав на полях резолюцию «умерить»; вычеркнул наиболее резкие нападки Чарторыйского на личность Наполеона; внес коррективы в характеристику внешней политики Австрии и т. д. Еще большей правке подвергся раздел об Англии: Александр I вычеркнул идею Чарторыйского об определяющем значении английской торговли для России, а также утверждение о «редкости случаев англо-русских разногласий в Европе». В разделе франко-русских отношений Александр I вписал фразу о стремлении России решать спорные вопросы путем дипломатического посредничества в англо-французском конфликте. Наибольшие коррективы были внесены в раздел о Пруссии. Александр I вычеркнул всю критику Чарторыйского в адрес прусского правительства.

После доклада Чарторыйского и двух его дополнительных сообщений об австро-французском мирном договоре от 26 декабря 1805 г. в Пресбурге и

пруско-французском договоре от 15 декабря 1805 г. в Вене выступил Александр I. Он обратил внимание на тяжелое положение Австрии и «неизвестность о том, что прусский двор чинить намерен». Главное же внимание члены Совета должны обратить на «те опасения, каковые от присоединения к королевству Италийской Истрии, Далмации и всех венецианских владений родиться могут для Порты Оттоманской, а посредством оной и российским черноморским провинциям и их торговле».

В ходе обсуждения внешнеполитического курса России (учитывая и письменное мнение членов Совета, поданное царю позднее) отчетливо наметились три точки зрения на практические методы политики России в отношении Франции в новых условиях.

Сторонники первой точки зрения, наиболее подробно изложенной в «Мнении министра внутренних дел» Кочубея и целиком поддержанной Чарторыйским, предлагали ничего не менять в прежней системе III коалиции, под прикрытием мирных переговоров с Францией перегруппировать силы и в удобный момент в союзе с Англией начать новую наступательную войну против Франции. Для этого следовало по-прежнему укреплять англо-русский союз, используя дипломатическую и военно-морскую помощь Англии для защиты Турции от Франции. Не следует обижаться на Австрию за ее поражение; наоборот, надо поддержать ее и дипломатически, и в военном отношении (не выводить русские войска с территории Австрии) и начать совместные австрорусские мирные переговоры с Францией. Что касается собственных военных усилий России, то она должна прежде всего увеличить свои вооружения и быть готовой к войне как на границах России, так и на территории ее соседей.

Сторонники второй точки зрения видели лучший выход в возврате к прежнему курсу «свободы рук» и неучастию в союзах. Наиболее полно и четко эта концепция была выражена С. П. Румянцевым. Россия, по его мнению, должна отказаться от дорогостоящих комбинаций по установлению европейского равновесия,

заклучить с Францией – сепаратный мир и предоставить двум соперницам изнурять себя в междоусобной войне. Ни с Англией, ни с Францией в союз вступать не следует. «Искусство нашего кабинета должно бы состоять в том, – заявил Румянцев, – чтобы предоставить другим державам изнуряться установлением общего равновесия, а нам бы между тем первенствовать в тех пределах, где могущество наше и одно может быть решительно».

Точку зрения Румянцева поддержал его брат, министр коммерции Н. П. Румянцев. Близкую к ним позицию заняли и некоторые другие члены Совета (П. В. Завадовский, Д. П. Трощинский и др.).

В этих двух точках зрения не было в общем ничего нового по сравнению с позициями их сторонников в 1804 г. Единственным, может быть, примечательным фактом была эволюция Кочубея. Начав свою карьеру как один из поборников политики «свободы рук», он к 1806 г. перешел на позиции сторонников английской ориентации.

С совершенно новым, третьим предложением выступил А. Б. Куракин. Его письменное «мнение» было по существу целой внешнеполитической программой, и по объему текст его превосходил все остальные «мнения». Выражаясь современным языком, Куракин представил своего рода содоклад к выступлению Чарторыйского.

Охарактеризовав международную обстановку в Европе к началу 1806 г., Куракин делал вывод, что III коалиция в том составе, в каком она существовала, и по тем задачам, которые она преследовала, безвозвратно канула в прошлое: Австрия надолго выбыла из игры, и на ближайшее будущее ей уготовлена участь зависимой от

Наполеона Испании. Крушение Австрии усилило позиции Пруссии, но союз с последней может быть только оборонительным, поскольку Пруссия очень боится Франции и начнет войну с ней только тогда, когда сам Наполеон нападет на Пруссию. Оборонительные союзы следует заключить также с Данией и Швецией.

Особенно отличались взгляды Куракина от взглядов Чарторыйского и Кочубея на англо-русские отношения. Если последние предлагали ничего не менять, сохраняя в качестве основы англо-русскую союзную конвенцию 1805 г., то Куракин выдвинул совершенно другое предложение.

По мнению Куракина, союз с Россией нужен Англии исключительно для ведения наступательной войны против Франции на континенте. Поскольку Россия теперь в первую голову озабочена защитой собственных границ, то вряд ли Англия пойдет на большие жертвы за интересы, которые ее непосредственно не касаются. Отсюда Куракин делал вывод: от союза с Англией против Франции надо отказаться, так как новая наступательная война лишь увеличивает могущество Англии, но англо-русскую торговлю нужно продолжать и развивать. Пусть Англия одна борется с Францией, а английское морское могущество уравнивается сухопутным французским.

Оставаясь в стороне, Россия лишь выиграет, поскольку обе стороны будут искать ее поддержки, и Александр I без больших военных усилий, а исключительно с помощью своей дипломатии может не только обеспечить безопасность своих собственных границ, но даже добиться их некоторого округления. Такая политика в отношении Англии неопасна для

России, ибо Англия все равно силой оружия не сможет заставить Александра I воевать против Франции.

Нетрудно заметить, что до сих пор точка зрения Куракина в принципе совпадала с позицией сторонников «свободы рук». Но далее начинались отличия. Они касались метода осуществления такой политики.

Поскольку основной задачей России отныне является охрана собственных границ и так как Англия уже не может быть эффективным союзником России в этом деле, то все усилия русской дипломатии нужно направить на нейтрализацию Франции, ибо она – единственная страна, которая может угрожать границам России.

Нейтрализацию Наполеона Куракин предлагал осуществить не методом отказа от любых союзов (как предлагали Н. П. и С. П. Румянцевы, Н. С. Мордвинов, а ранее В. П. Кочубей), а через «объятия»– заключение с ним союза, которого он столько раз домогался. Но этот союз должен носить характер сепаратного соглашения и не содержать никаких обязательств России вести войну против Англии. В основе этого союза, по замыслу Куракина, должна лежать идея разделения сфер влияния на Европейском континенте: «Когда же соединятся и в совершенное по европейским делам единогласие вступят два государства, могуществом своим сотворенные одно для первенства в севере, другое для первенства в западе Европы, тогда будут оные, без малейшего противоборства, законодатели и сберегатели спокойствия и блаженства оной». Куракин допускал, что и в рамках такого союза интересы России и Франции будут пересекаться, но оба государства «в видах и

пользах своих нелегко и нескоро друг с другом столкнутся и друг другу вредить могут».

Не ограничиваясь высказыванием принципиальных соображений, Куракин предложил практические шаги по реализации такого союза. Прежде всего Россия должна во всеуслышание заявить, что она готова защищать свои границы. Для этого надо усилить русские пограничные армии на западе и юге и заручиться оборонительным союзом с Пруссией. Лишь после этого послать в Париж неофициального представителя для выяснения намерений Наполеона. Когда это будет выполнено и Франция согласится на предварительное предложение России о союзе на вышеуказанных условиях, начать второй, официальный, этап переговоров о союзе. Куракин предложил уже сейчас начать составление проекта франко-русского договора о союзе.

Далеко не все прогнозы Куракина относительно действительной эффективности франко-русского союза для России были правильны. Так, была обречена на провал (и в этом Куракин убедился лично, будучи в 1808–1812 гг. русским послом в Париже) надежда на то, что союз с Россией обуздает экспансию Наполеона в Европе. Не были правильными и предположения об отдаленности столкновений интересов России и Франции.

Но в доводах Куракина содержалось одно очень рациональное зерно – борьба против Наполеона путем военной нейтрализации его империи в рамках союза, в основе которого лежала прежняя идея раздела «сфер влияния» в континентальной Европе.

Предложение Куракина было необычным, менявшим всю систему политики России в Европе, и поэтому первоначально оно не было принято Александром I. Но старый князь, дипломат екатерининской школы, смотрел дальше своего императора и оказался прав.

В июне 1807 г. после многочисленных неудачных дипломатических и военных экспериментов Александр I вынужден был вернуться к идее Куракина. Дополненная предложениями Румянцева и Сперанского, эта концепция военной и дипломатической нейтрализации Франции дала России пятилетнюю мирную передышку для подготовки к Отечественной войне.

Как остановить Наполеона?

Еще в ходе заседаний Государственного совета большинство его членов постоянно ссылались на незнание намерений Наполеона. Какова будет его политика в отношении Турции, Германии, Польши? Что сделает он с Италией? Каковы его планы по отношению к Англии? Доходившие из Парижа слухи были противоречивы, а своего дипломатического представителя во Франции Александр I не имел. Поэтому уже на втором заседании Совета Н. П. Румянцев предложил через торгового консула Франции в Петербурге Лессепса выяснить намерения Наполеона о возможности начала франко-русских переговоров, избрав в качестве предлога вопрос об эмбарго, наложенном в 1805 г. французским правительством на несколько русских судов в портах Франции. Дело предполагалось поручить управляющему МИД России А. А. Чарторыйскому, который должен был расширить этот частный вопрос до обсуждения всей проблемы франко-русских отношений. Предложение Румянцева было одобрено Александром I, и 18 января 1806 г. Чарторыйский имел с Лессепсом первую беседу. Переговоры продолжались по май 1806 г.

Как же реагировала французская сторона на русские демарши? 12 марта Талейран направил Лессепсу ответ на его донесения о беседах с Чарторыйским, где сообщал, что Наполеон «признал справедливость требований» России в отношении русских судов. Однако Талейран рекомендовал Лессепсу не выступать

инициатором в мирном урегулировании разногласий. Инициатива должна исходить от России. Несмотря на весьма сдержанный тон этой инструкции, она означала, что Франция также готова начать мирные переговоры. Тактика Наполеона оставалась прежней: углубить англо-русские разногласия и заставить Россию пойти на сепаратные переговоры.

13 мая 1806 г. в беседе с Лессепсом Чарторыйский заявил, что Александр I направляет в Париж бывшего поверенного в делах России во Франции П. Я. Убри для ведения мирных переговоров. На решение России начать мирные переговоры определенное влияние оказало согласие нового английского правительства начать переговоры с Наполеоном. 23 января 1806 г. в Лондоне умер один из самых энергичных вдохновителей антинаполеоновских коалиций – Питт. На смену его кабинета пришло так называемое министерство всех талантов во главе с Ч. Фоксом, который слыл сторонником примирения с Францией. И действительно, 20 февраля 1806 г. Фокс направил Талейрану письмо с предложением начать мирные переговоры. 5 марта Талейран по поручению Наполеона ответил согласием.

17 марта Фоке послал Чарторыйскому секретное письмо, в котором подробно изложил причины, побудившие Англию пойти на мирные переговоры. Сославшись на то, что III коалиция распалась, Фокс отмечал: единственным способом ослабления растущей экспансии наполеоновской империи в Европе являются переговоры Англии и России с Францией. Необходимым условием этих переговоров должно быть единство действий английского и русского представителей.

Это предложение шло навстречу пожеланиям «англофилов».

Большой интерес для выяснения их позиции накануне мирных переговоров с Францией в июне – июле 1806 г. представлял малоизвестный ответ Чарторыйского Фоксу, направленный в середине мая 1806 г. Согласившись с Фоксом, что после поражения III коалиции Европе необходима мирная передышка, Чарторыйский высказался за сохранение англо-русского союза 1805 г. в качестве инструмента обороны, которому со временем можно будет снова придать наступательный характер. В сложившихся условиях международной обстановки Англия и Россия заинтересованы в мире больше, чем Франция, Отсюда возникает необходимость связать Наполеона «каким-либо соглашением для того, чтобы остановить его хотя бы на короткое время и заставить поверить и официально объявить, что он также находится в мире с нами». Единственно, что может заставить Россию отказаться от этой выжидательной тактики, – это усиление проникновения Франции на Балканы.

Эта часть письма Чарторыйского в целом соответствовала общему курсу тактики выжидания, которая была высказана большинством членов Государственного совета в начале 1806 г.

Но пользуясь тем, что письмо носило характер частного и конфиденциального (хотя оно и было показано Чарторыйским Александру I), управляющий МИД России развил в нем прежние идеи англо-русского наступательного союза против Франции. Так, Чарторыйский выразил сомнение в возможности подписания трехстороннего мирного договора. Скорее

всею Наполеон будет добиваться сепаратных переговоров с каждой из двух союзных сторон, поскольку такой вариант облегчит Франции задачу закрепления достигнутых после Аустерлица завоеваний. Поэтому Англия и Россия должны быть готовы к новой совместной войне против Наполеона. В этой связи русское правительство не разделяет точки зрения английского правительства на Пруссию как на союзника Франции. Англо-прусская конфликт из-за Ганновера, по мнению Чарторыйского, не следует возводить в принцип. Гораздо важнее оторвать Пруссию от Франции и привлечь на сторону России и Англии. Именно в этом направлении действует сейчас русская дипломатия.

Однако Фоксу и Чарторыйскому легче было декларировать свое стремление подписать с Францией мир, чем выработать программу совместных действий. Вопреки субъективному стремлению Чарторыйского пойти на значительные уступки во имя укрепления англорусского союза, уже в ходе предварительного обсуждения в марте – апреле 1806 г. совместных англо-русских требований наметились серьезные расхождения английской и русской точек зрения.

Основным спорным вопросом был балканский. Россия стремилась получить от Англии согласие на создание на Западных Балканах одного или нескольких славянских государств (на территории Боснии, Сербии и Черногории) под своим протекторатом в качестве барьера на пути продвижения Франции в глубь полуострова. Фокс занял по этому вопросу уклончивую позицию, акцентируя внимание на совместных англо-русских демаршах против проникновения Наполеона в Северную Германию.

Накануне мирных переговоров с Францией английская и русская дипломатия так и не выработала совместной программы действий: Однако Александр I все же решил принять участие в трехсторонних мирных переговорах.

Позиция русской дипломатии на переговорах была сформулирована в инструктивных документах, врученных русскому уполномоченному П. Я. Убри.

Основной упор был сделан на сохранение позиций России на Балканах. Мир с Францией мог быть заключен на условиях: 1) сохранения военно-морской базы на острове Корфу и контроля над Ионическим архипелагом; 2) полной или частичной эвакуации французских войск из Далмации; 3) «создания одного или нескольких независимых государств между Оттоманской империей и Италией».

Гораздо менее определено были сформулированы требования России в отношении Германии. Правда, русское правительство отказывалось признать франкопрусское соглашение от 15 февраля 1805 г. о передаче наследственного владения английских королей – Ганновера – Пруссии в обмен на некоторые территориальные уступки Пруссии в пользу Франции и Баварии. В остальном же Убри в общей форме предписывалось не подписывать никакого соглашения, наносящего ущерб торговле северогерманских (ганзейских) городов, а также независимости и целостности Дании и Швеции. Осуществленные же Наполеоном в Германии изменения будут признаны лишь

при условии компенсации неаполитанского и сардинского королей.

Задача Убри была чрезвычайно сложной. Врученные ему документы носили крайне противоречивый характер. С одной стороны, его миссия как будто бы носила предварительный, разведывательный характер, поскольку царское правительство намеревалось затем направить в Париж «особого уполномоченного» для ведения дальнейших переговоров.

В письме Чарторыйского Талейрану, которое вез Убри, прямо указывалось: «Для того чтобы заключить мир, необходимо объяснить со всей искренностью обо всем, что может иметь отношение к интересам обоих государств, и именно выполнение этой предварительной работы с вами, г-н министр, или с любым другим лицом, которое будет назначено для этой цели, его величество поручил советнику Убри». Таким образом, в официальном обращении к французскому правительству миссия Убри называлась «предварительной».

Однако в данных Чарторыйским Убри полномочиях предписывалось «вступать во всякие переговоры между Англией и Францией и подписывать *sub spe rati* вместе с их уполномоченными всякую бумагу, которая покажется вам соответствующей чести и выгодам России».

А в утвержденной Александром I инструкции Убри вообще давалось право заключать перемирие при условии частичной эвакуации Далмации. Преамбула инструкции гласила: «Невозможно отсюда определить, каковы могут быть условия всеобщего мира: это зависит главным образом от намерений главы французского правительства».

Таким образом, положение Убри было крайне сложным. Единой англо-русской платформы переговоров не было. В русских правящих кругах не было единства взглядов на мирные переговоры. Неясна была позиция Франции. Позиция Пруссии к моменту начала миссии Убри также была неясной, несмотря на интенсивные русско-пруссские переговоры. Поэтому Александр I постарался вручить своему представителю такие инструкции, которые дали бы царю возможность в случае неприемлемости требований Наполеона или успешных союзных переговоров с Пруссией отказаться от любого подписанного Убри соглашения. Как мы увидим ниже, так оно и случилось.

6 июля 1806 г. Убри прибыл в Париж. И тут обнаружилось, что у России нет больших надежд добиться мира на предлагаемых ею условиях. Прежде всего рухнул первый пункт русских условий – трехсторонние англо-русско-французские переговоры. Французское правительство категорически отказалось от такого варианта, заявив о желании вести сепаратные переговоры. Убри все же сумел установить неофициальные отношения с английским уполномоченным лордом Ярмоутом.

Переговоры Убри с Талейраном ни к чему не привели. В отличие от 1801 г. французская дипломатия, имея в своем портфеле победу при Аустерлице и мирный договор с Австрией, вела себя на переговорах крайне бесцеремонно: она не шла ни на какие уступки, требуя признания всех проведенных к июлю 1806 г. Наполеоном преобразований в Европе. Наполеон поставил перед Талейраном задачу: либо все, либо ничего.

Бедный русский чиновник не знал, что делать. Талейран очень быстро разгадал, что русский уполномоченный не имеет ясных указаний, и перешел к тактике шантажа и угроз. 12 июля Талейран в грубой форме отказался вести с Убри переговоры, назначив вместо себя ген. Кларка. На дипломатическом языке того времени это означало выражение недоверия представителю другой стороны и грозило срывом переговоров.

Убри испугался. Полагая, что худой мир лучше доброй ссоры, он подписал 20 июля 1806 г. предложенный Кларком проект франко-русского мирного

договора. Договор восстанавливал дипломатические и торговые отношения России и Франции «на вечные времена» (статья 1-я), сохранял за Россией Ионический архипелаг (статья 5-я), гарантировал Турцию от вторжения французских войск (статья 6-я). Но Франция категорически отказалась очистить Далмацию. Более того Франция соглашалась вывести свои войска из Северной Германии только при условии вывода русских войск с адриатического побережья Балкан (экспедиция Сенявина) (статья 7-я). Ни о каких славянских государствах на Балканах в договоре не было сказано ни слова.

Таким образом, по самому главному вопросу – турецкому – Франция добилась победы. Россия должна была вывести свои войска с балканского побережья Адриатики. Единственная опорная база России в Восточном Средиземноморье – Ионические острова – отныне была окружена французскими владениями.

В начале августа 1806 г. Александр I созвал специальное секретное совещание Государственного совета в составе всех министров, их заместителей, пригласив на него некоторых русских военачальников (в частности, М. И. Кутузова). Совещание должно было обсудить вопрос о ратификации (утверждении) договора Убри. По существу вопрос шел о войне или мире с Францией.

Против договора выступила многочисленная оппозиция во главе с министром внутренних дел В. П. Кочубеем. Им был выдвинут лозунг, что этот мир не является «ни полезным, ни почетным».

Новый министр иностранных дел России, сменивший Чарторыйского, А. Я. Будберг в своем докладе также высказался против ратификации. По его мнению, вывод русских войск с Балкан не компенсировался выводом французских войск из Германии. Кроме того, ратифицировав договор, Александр I рисковал лишиться помощи Англии. Основным же аргументом нового министра иностранных дел было утверждение, что Россия не может верить договорным обязательствам Наполеона, поскольку он их все равно не выполняет.

Сторонники утверждения договора пытались доказать, что отказ от ратификации означал бы новую войну с Францией, а это в условиях распада III коалиции и поражения русских войск при Аустерлице было бы для России чрезвычайно трудным делом, поскольку ей пришлось бы вести войну один на один. В пользу ратификации высказались Н. П. Румянцев, А. Б. Куракин, М. И. Кутузов и др. Но они оказались в меньшинстве. После некоторых колебаний Александр I решил отказаться от ратификации русско-французского мирного договора, заключенного Убри. 14 августа 1806 г. Будберг официально уведомил об этом Талейрана.

Миссия Убри была первой репетицией официальных франко-русских переговоров, за кулисами которых каждая из сторон вела тайную борьбу за союзников на случай новой войны.

Если русско-французские мирные переговоры были для Александра I средством своеобразного зондажа намерений Наполеона и еще до окончания миссии Убри потеряли для царя первоначальный интерес, то гораздо большее значение придавали в Петербурге политике в отношении Пруссии и Турции. С весны 1806 г. Берлин и Константинополь стали объектами ожесточенной франко-русской дипломатической борьбы. Инициатором перекройки политической карты Европы и пересмотра международных соглашений и на этот раз выступила Франция. Едва успев насладиться военной победой над III коалицией, Наполеон начал решительное дипломатическое наступление на политические позиции бывших участников коалиции в Центральной (Германия) и Юго-Восточной (Балканы) Европе.

Основным объектом наполеоновской дипломатии в Центральной Европе была Пруссия. В начале 1806 г. вопрос о позиции Пруссии приобрел для французской и русской дипломатий первостепенное значение. Известно, что, несмотря на интенсивные переговоры с участниками III коалиции в 1804–1805 гг., Пруссия так и не выступила против Франции. В прусских правящих кругах шла острая борьба между сторонниками Франции и России.

Для Наполеона подчинение Пруссии своему диктату означало безраздельное господство во всей Германии, нейтрализацию Австрии, контроль над всем

северогерманским побережьем, что в конечном итоге значительно увеличивало его шансы в борьбе против Англии.

Не меньшее значение придавал союзу с Пруссией и Александр I. Для него сохранение государственной самостоятельности Пруссии и русско-пруссский союз обеспечивали влияние на германские дела, защиту балтийской торговли и, самое главное, создание препятствия на пути движения Наполеона к русским границам. Этим, в частности, объяснялись и разногласия царя с Чарторыйским, отвергавшим какой бы то ни было союз с Пруссией и выдвинувшим даже план войны против нее.

В начале 1806 г. Франция добилась в прусском вопросе больших успехов. Еще 15 декабря 1805 г. прусский министр иностранных дел Гаугвиц подписал в Вене франко-пруссский союзный договор. Пруссия не только обещала быть союзником Франции, но и передавала часть своей территории Баварскому королевству. Пруссии пообещали наследственное владение английских королей – Ганновер.

В Петербурге срочно решили предпринять контрмеры. Еще в декабре 1805 г. в Берлин был направлен специальный уполномоченный Александра I князь П. Долгорукий. Он вез письмо Александра I прусскому королю, в котором царь обещал Пруссии военную помощь в случае угрозы со стороны Франции. Помощь не потребовалась. Но как раз в это время Пруссия заключила союзный договор с Францией. Долгорукий должен был попытаться сорвать выполнение этого соглашения прусским королем. Для этого посланцу царя надлежало вести борьбу против происков французских дипломатов в Берлине, а также оказывать помощь прорусски настроенным лицам в прусском правительстве.

Зажатое между Францией и Россией, прусское правительство выдвинуло старый проект – заключение русско-пруско-французского союза. Для переговоров по практическому воплощению этого проекта (возможно, инспирированных Наполеоном) в Петербург в январе 1806 г. со специальной миссией был направлен герцог Брауншвейгский. Однако уже в ходе первых бесед прусские представители поняли, что надежды их короля на франко-пруско-русский союз нереальны. Русская сторона отвергла и посреднические услуги Пруссии в вопросе урегулирования франко-русских разногласий. Более того, Пруссии было предложено примкнуть к анти-наполеоновской коалиции.

Но не дремал и Наполеон. Воспользовавшись тем, что прусский король при ратификации франко-пруско-го договора от 15 декабря 1805 г. внес в его текст

некоторые изменения, он объявил договор недействительным и заставил Пруссию подписать в Париже 15 февраля 1806 г. новый договор, в силу которого Пруссия должна была немедленно занять своими войсками переданный ей Ганновер и запретить английским судам заходить в порты Северной Германии. 5 марта прусский король ратифицировал этот договор. В письме Александру I он униженно каялся, что пошел на эту «крайнюю меру, чтобы не допустить гибели всего».

Следует отдать должное наполеоновской дипломатии: договором 15 февраля 1806 г. она внесла раздоры и в без того ослабленный выходом Австрии лагерь своих противников, надолго поссорив Пруссию с Англией и Швецией. По существу ни Англия, ни Швеция, ни тем более Австрия – давний соперник Пруссии – вплоть до 1813 г. так и не преодолели своего недоверия к Пруссии, несмотря на то, что с сентября 1806 г. по июль 1807 г. две первые державы формально находились с Пруссией в составе IV коалиции. В этом, кстати, крылась одна из причин фактического отказа обоих государств прийти на помощь остаткам разбитых Наполеоном в октябре 1806 г. армий прусского короля.

В Петербурге сумели оценить размер надвигавшейся опасности. Как только Александр I получил письмо прусского короля о согласии ратифицировать новый франко-пруссский договор, переговоры с герцогом Брауншвейгским перешли в новую фазу – Россия усилила нажим. 7 марта 1806 г. Александр I вручил герцогу памятную записку: царь предложил Пруссии заключить военный союз, который составил бы основу будущей антинаполеоновской коалиции. На этих условиях Россия

брала на себя обязательство гарантировать целостность и независимость Пруссии.

Но Пруссия продолжала двойную игру. С одной стороны, в ответ на требование России герцог Брауншвейгский согласился на заключение русско-прусского военного союза, с другой – 27 марта прусское министерство иностранных дел информировало английского посланника в Берлине, что оно оккупирует Ганновер и закрывает прусские порты для английских торговых судов. 28 марта прусские войска заняли Ганновер. Тогда Англия 5 апреля запретила своим судам заходить в прусские порты и наложила эмбарго на прусские суда и товары в английских портах. 11 мая Англия объявила Пруссии войну, а через три дня был издан декрет о встречной блокаде морского побережья Северной Германии (включая вольные ганзейские города). К конфликту с Англией прибавился конфликт Пруссии со Швецией из-за владений шведского короля в Померании: 12 мая 1806 г. Швеция объявила морскую блокаду балтийских портов Пруссии.

Таким образом, вместо объединения своих возможных союзников Россия в мае 1806 г. оказалась перед фактом морской войны между ними. Кстати, это обстоятельство ускорило начало миссии Убри в Париже: в Петербурге были заинтересованы в выигрыше времени.

Россия продолжала прилагать усилия для привлечения Пруссии на сторону IV коалиции. Она шла по двум параллельным направлениям: 1) посредничество России в англо-прусском и шведско-прусском конфликтах с целью примирения враждующих сторон; 2) продолжение секретных русско-пруссских переговоров о заключении союзного оборонительного договора. Кроме политических мотивов, побуждавших русскую дипломатию содействовать примирению Пруссии со своими союзниками, имелись и экономические причины. В начале мая 1806 г. министр коммерции Н. П. Румянцев представил Александру I доклад, в котором указывал на отрицательные последствия англо-прусской морской войны для балтийской торговли России.

Положение русской дипломатии облегчалось тем, что до Берлина дошли слухи о намерении Наполеона вновь забрать Ганновер и вернуть его Англии как цену за франко-английское примирение. Поэтому уже на второй день после начала войны с Англией, 13 мая 1806 г., прусский посол Гольц просит посредничества России в англо-прусском конфликте. 18 мая он обращается за посредничеством России в урегулировании прусско-шведского конфликта, в частности прекращения Швецией блокады балтийского побережья Пруссии. Однако решающее воздействие на окончательное изменение ориентации Пруссии в сторону союза с Россией оказала политика Франции в германском вопросе.

12 июля 1806 г. был создан Рейнский союз германских государств во главе с Наполеоном в качестве

«протектора». Последнее событие получило большой резонанс во всей Европе. Создание конфедерации означало утверждение господства Франции над Южной и Западной Германией и конец «Священной римской империи» германских государств, номинальным главой которой был австрийский император, который вскоре отказался от этого титула. Империя перестала существовать. Односторонние действия Наполеона в Германии означали, кроме того, устранение России от участия в германских делах.

Франция попыталась привлечь Пруссию к участию в перекройке политической карты Германии на угодных Наполеону условиях, предложив создать Северо-германскую конфедерацию по типу Рейнского союза с прусским королем во главе.

Но в Пруссии были силы, понимавшие, что в условиях конфликта с Англией и Швецией, подозрительности Австрии и очевидного несогласия России Пруссия не сможет реализовать французские предложения. Создание Рейнского союза без консультации с Пруссией в сочетании с намерениями Наполеона отобрать у нее Ганновер и передать его снова Англии ясно дали понять части прусских правящих кругов, что их страна нужна Франции как пешка в игре против Англии и России. Волна национализма, поднявшаяся в Пруссии, ускорила русско-прусское сближение. 1 июля 1806 г. прусский король подписал секретную декларацию: Пруссия подтверждала силу русско-прусского союзного договора 1800 г., отказывалась участвовать на стороне Франции в случае франко-русского конфликта из-за Турции и Австрии, обещала примириться с Англией и, самое главное, выражала согласие начать подготовку к войне против

Франции. 24 июля 1806 г. Александр I подписал ответную декларацию. Этот обмен декларациями заложил основу IV коалиции и оказал решающее воздействие на отказ царя ратифицировать договор Убри.

Секретный обмен декларациями нейтрализовал действие франко-прусского союзного договора от 15 февраля 1806 г. и ускорил подготовку к войне против Франции. Спустя полтора месяца, 11 сентября 1806 г., Александр подписал указ «О предстоящей войне с Францией».

Тремя днями ранее Талейран разослал своим дипломатическим представителям циркуляр, что Франция хочет мира, но не боится угроз и готова к войне.

Ясно выраженная ориентация Александра I на союз с Пруссией в 1806–1807 гг. (до Тильзита) и его борьба с Наполеоном в Тильзите за сохранение Пруссии хотя бы в урезанном виде породили версию о каких-то тайных специфических «прусских» симпатиях Александра I, сделавшего ставку на прусского короля.

Русские историки-«антантофилы» (Дживелегов, Трачевский, Татищев и др.) дружно осуждали Александра I, видя в его союзе с Пруссией и Австрией истоки той ошибочной, по их мнению, политики усиления Германии и Австро-Венгрии, за которую России якобы не раз приходилось расплачиваться в течение всего XIX в. На самом же деле ставка царя на Пруссию вытекала вовсе не из «пристрастия к прусскому королю и к очаровательной королеве Луизе». Никакие чары прусской королевы не заставили бы Александра I воевать с Францией из-за Пруссии, если бы он не понимал, какую

угрозу для России и для его престола представляет выход французских армий к западным русским границам.

В 1805 г. роль заслона выполняла Австрия. В 1806 г. такая же роль готовилась Пруссии. Как и в 1804–1805 гг., новая война России против Франции мыслилась в рамках антинаполеоновской коалиции, основу которой должен был составить русско-прусский союз. И хотя к этой коалиции были привлечены Англия и Швеция, основная ставка была сделана на Пруссию и северогерманские государства, не вошедшие в Рейнский союз Наполеона.

Первыми зримыми признаками нового изменения внешнеполитической тактики царизма были перестановки в верхушке дипломатического корпуса России. 27 мая 1806 г. был уволен в отставку многолетний посол России в Англии С. Р. Воронцов. Он не сумел, а может быть, и не хотел вовремя переориентироваться, по-прежнему досаждая Александру I своими донесениями о необходимости теснейшего союза с Англией. Вслед за ним 17 июня был уволен в отставку и А. А. Чарторыйский. Смещение Чарторыйского означало отстранение «молодых друзей» от участия в «большой политике». Не дожидаясь, пока их выгонят, П. А. Строганов и В. П. Кочубей сами стали просить об отставке. Письмо Кочубея Александру I с просьбой об отставке характерно для настроений в тогдашних англофильских кругах: жалуясь на отсутствие к нему прежнего доверия, Кочубей вопрошал: «Почему нет этого доверия? Я думаю потому, что нет единства между (государственными. – *В. С.*) органами. Всякий понимает вещи по-своему...» «Как бы то ни было, – писал Кочубей далее, – у меня отнято доверие. Меня изгнали из малых комитетов. Я не знаю ничего, что где делается, в то время как раньше я был в курсе всего». В тот период Александр I в связи с приближавшейся войной с Францией отклонил просьбу Строганова и Кочубея об отставке. Они были уволены, как и Новосильцев, после заключения союза с Францией.

Однако, несмотря на то, что формально некоторые «молодые друзья» (Кочубей, Новосильцев) еще оставались на своих постах, Александр I во внешней политике уже опирался на других, гораздо менее

известных лиц, Так, дипломатическим представителем России в Лондоне после отставки Воронцова стал чиновник МИД Николаи, в Берлине – послушный исполнитель воли царя М. Алопеус. Ввиду отказа Разумовского от поста посла в Австрии Александр I подыскивал другую кандидатуру.

Пост же Чарторыйского занял, как уже было сказано, недалекий и исполнительный генерал Будберг, известный в сановных петербургских кругах как сторонник войны против Франции в союзе с Пруссией.

Столь решительное отстранение «молодых друзей» и подчеркнутое недовольство «англофилами» нужно было царю, в частности, для успокоения дворянского общественного мнения России за провал планов III коалиции.

Август и сентябрь 1806 г. прошли для России в попытках создать Северогерманскую конфедерацию во главе с Пруссией. Идея создания такой лиги, как отмечалось выше, принадлежала Наполеону. По замыслу французской дипломатии конфедерация должна была быть подобием Рейнского союза и выполнять через Пруссию волю французского императора. Эта французская идея была взята на вооружение русской дипломатией с тем только отличием, что эта лига – в случае ее создания – была бы обращена против Франции. Кроме того, понятие «Северогерманская лига» было расширено Россией до объединения всех формально не зависимых от Франции государств Северной Европы.

Пруссия была готова встать во главе не вошедших в Рейнский союз германских государств. Фридрих-Вильгельм III даже тешил себя надеждой, что она заменит распавшуюся «Священную римскую

империю». Ряд мелких германских государств (Гессен-Кассель, Саксен-Веймар, Саксония, вольные ганзейские города и др.) в принципе одобительно отнеслись к этой идее, но почти все высказали опасение относительно главенствующей роли Пруссии в этом союзе, считая, что она либо подчинит их своей власти, либо вступит в сговор с Францией и предаст их. Почти столь же единодушным было пожелание, чтобы во главе такой лиги встала Россия. Особенно важным для русской дипломатии было весьма осторожное согласие Австрии примкнуть к этой лиге при условии, что во главе ее станет Россия, поскольку Австрию больше всего беспокоило усиление влияния Пруссии на северо-германские государства.

Россия попыталась привлечь к новой антинаполеоновской коалиции Испанию. Даже в далекие США было направлено письмо Александра I, содержащее намек на желательность помощи североамериканцев в борьбе против Франции.

Параллельно с дипломатическими мерами по созданию IV коалиции шла подготовка к войне с Францией в самой России. 11 июля 1806 г. в Петербурге под председательством Александра I состоялся военный совет. В начале заседания с кратким обзором международной обстановки выступил Будберг. Затем Александр I призвал членов совета обсудить меры по усилению обороноспособности страны, в частности разработать план военных операций на случай войны с Францией и Турцией, пути увеличения численности русской армии и т. д. Совет постановил признать «полезным пребывание в оборонительном положении» до тех пор, пока «в случае неприянных намерений

кого-либо из соседей наших предупредить его предприятие сильным ополчением».

Однако все планы Александра I – и военные, и дипломатические – полностью провалились. В Петербурге, Лондоне, Стокгольме еще только обсуждали возможности взаимодействия военных сил, торговались относительно английских субсидий, а Пруссия неожиданно для своих союзников начала действовать. 1 октября 1806 г. прусский посол в Париже Кнобельсдорф вручил Талейрану ультиматум: 1) Франция должна вывести свои войска из Германии за Рейн; 2) она отказывается чинить помехи созданию Северогерманской лиги во главе с Пруссией. Как и следовало ожидать, Наполеон отверг эти требования. Французские войска вторглись на территорию Пруссии и в двух битвах (при Иене и Ауэрштадте) в один день, 14 октября, наголову разбили прусскую армию. Прусский король бежал из Берлина. Французские войска оккупировали территорию Пруссии.

Последний барьер на пути наполеоновских армий к Востоку пал. Никогда за всю историю франко-русских отношений французские войска не были так близко от границ Российской империи. Правящие классы России забили тревогу.

Официальное объявление войны Россией не было неожиданностью для Наполеона. В начале октября в Париже уже были хорошо осведомлены о решимости Александра I прийти на помощь Пруссии. Известный французский генерал Г. Жомини, впоследствии перешедший на русскую службу, представляя Наполеону план войны с Пруссией, основанный на стратегии «блицкрига», писал в сентябре 1806 г., что за

выступлением Пруссии тотчас же последует выступление России. Но если Жомини еще до начала франко-прусской войны не сомневался в ее успешном для Франции окончании, то война с Россией вызывала у него тревогу. Располагая огромными людскими и материальными ресурсами, Россия могла длительное время оказывать сопротивление. Поэтому при разработке плана русско-французской войны, отмечал Жомини, следует отказаться от надежд на быструю победу. Залогом успеха Франции в этой войне должно быть своевременное применение прежней тактики: «помешать ее противникам начать одновременные действия».

Очевидно, Наполеон понимал, что для длительной войны с Россией Франция не была подготовлена: это требовало гораздо большей мобилизации военных и экономических ресурсов страны. К моменту объявления войны численность наполеоновской армии на театре военных действий (вместе с войсками союзников-сателлитов – Бадена, Вюртемберга, Баварии, Голландии – всего около 25 тыс. человек) составляла примерно 194 тыс. человек. Стратегия французского командования в кампанию 1806–1807 гг. заключалась главным образом в том, чтобы в нескольких генеральных сражениях на территории Польши и Пруссии разгромить русскую западную армию и навязать Александру I выгодный Франции мир.

При всех дипломатических и военных комбинациях 1806 г. Наполеон не забывал главного: борьбы против Англии. Именно в этом году, 21 ноября, в поверженном Берлине французский император провозгласил знаменитый декрет о континентальной блокаде Британских островов. Борьба против Англии принимала новую форму, форму торговой войны. Почти вся

Западная Европа была под властью Франции. Но оставалась еще

Россия – давний торговый партнер Англии. Без участия России в экономической блокаде ее эффект был бы значительно ослаблен. Поэтому все усилия Франции в 1806–1807 гг. были направлены на то, чтобы угрозами или посулами заставить Россию примкнуть к этой блокаде, поддержать Францию если не оружием, то хотя бы экономически в борьбе против Англии.

Конечно, для Франции лучше всего было бы добиться полного разгрома России и продиктовать ей свои условия. Но одной Франции это было не по силам. Поэтому наполеоновская дипломатия стремилась сколотить антирусскую коалицию государств, прежде всего на южных границах Российской империи. Программа создания южного театра военных действий против России была сформулирована Наполеоном еще 20 июня 1806 г. в секретной инструкции французскому послу в Турции Себастиани. В этом очень интересном и малоизвестном документе, определившем политику Франции не только в 1806, но и в 1807–1812 гг., говорилось:

«1. Внушать Порте доверие и уверенность в ее безопасности; Франция хочет ее усиления.

2. Тройной союз – я, Порты и Персия против России.

3. Никакого высокомерия по отношению к Порте, дружба, стремление к тому, чтобы она сообщала нашему послу требования России и Англии.

4. Я нигде не буду поддерживать бунтовщиков.

5. Пусть союз с Портой станет известным России, Англии, всей Европе.

6. Подчеркивать неприязнь к России; никаких личных контактов с ее посольством.

7. Закрыть Босфор для русских, закрыть все порты, вернуть Турции ее абсолютное господство над Молдавией и Валахией.

8. Я не хочу раздела Константинопольской империи; даже если мне предложили бы 3/4 ее, я не захотел бы этого. Я хочу укрепить и усилить эту великую империю и использовать ее такой, какой она есть как противовес России».

Французские представители в Турции (Себастиани) и Персии (Гардан) начинают усиленно сколачивать южный фронт антирусской коалиции. Следует отметить, что к началу франко-русской войны 1806–1807 гг. отношения царского правительства со своими южными соседями резко ухудшились. С Персией с 1804 г. шла война. Правда, летом 1806 г. персы потерпели поражение и вынуждены были начать мирные переговоры. Французская дипломатия сделала все, чтобы сорвать эти переговоры и привлечь Персию на свою сторону. В конце концов это ей как будто бы удалось: 7 мая 1807 г. был подписан франко-персидский союзный договор, по которому Наполеон обещал персидскому шаху помощь в отвоевании Закавказья (в частности, Грузии). Со своей стороны шах обязался порвать отношения с Англией и обеспечить в случае необходимости проход французских войск через свою территорию в Индию.

Очень активно действовал в Константинополе Себастиани, тем более, что после Аустерлица русско-турецкие отношения ухудшались день ото дня. Турецкий диван (правительство) начал чинить препятствия проходу русских торговых судов через проливы. В марте 1806 г. был введен новый тариф, значительно повышавший провозную пошлину на товары из России. В мае последовал запрет на проход русских военных судов.

Часть воинственно настроенных османских кругов считала, что наступил час реванша за поражения в русско-турецких войнах конца XVIII в.

Французская дипломатия усиленно подогривала эти настроения. «Всякое возобновление или укрепление союза с врагами Франции – Англией или Россией, – угрожал Себастиани турецкому султану, – было бы не только открытым нарушением нейтралитета, но и помощью Блистательной Порты борьбе, которую эти державы ведут против Франции. Последняя окажется вынужденной принять меры, соответствующие ее интересам и достоинству». Это была угроза вторжения французской армии в пределы турецкой империи через занятую Наполеоном весной 1806 г. Далмацию. В конце концов Себастиани взял верх над своими противниками – русским послом Италийским и английским послом Арбатнотом: Турция объявила войну России и Англии.

Но Наполеону было мало формального объявления войны. Он требовал от Себастиани и Гардана заставить Турцию и Персию перейти к активным наступательным действиям, создать реальную угрозу отвоевания у России Приднестровья, Крыма, Грузии. Он стремился создать мощный военный союз Франции, Турции и Персии.

Это со всей очевидностью показали франко-турецкие союзные переговоры в феврале 1807 г. Французскому уполномоченному была дана инструкция подписать франко-турецкий союзный договор на следующих условиях: 1) не заключать сепаратного мира с Россией без взаимных консультаций; 2) Франция гарантирует отвоевание Крыма у России своими силами, если Турция не сумеет добиться этого самостоятельно; 3) Франция гарантирует Турции обладание Молдавией и

Валахией в случае отвоевания их у России; 4) Франция гарантирует целостность Турецкой империи. Франция добивалась также введения французских войск в Константинополь. Однако, несмотря на все усилия французской дипломатии, ей так и не удалось заключить союзный договор с Турцией. В итоге план организации сильной наступательной коалиции против России на ее южных границах провалился. Несмотря на союзный договор с Францией, Персия в 1806–1807 гг. фактически прекратила военные действия, попытавшись за спиной французов продолжить мирные переговоры с Россией. Вяло шли военные действия и на турецком театре.

Между тем война на Западе принимала явно невыгодный для Франции затяжной характер, поэтому Наполеон также начал нащупывать почву к переговорам с Россией.

О первых такого рода попытках свидетельствовала посредническая миссия прусских дипломатов Гольца и Круземарка, привезших уже в январе 1807 г. пожелание французского императора о начале франко-русских сепаратных мирных переговоров. Царское правительство в принципе одобрило это предложение, но потребовало, чтобы в переговорах приняли участие Англия и Пруссия. Поскольку цель Наполеона оставалась неизменной – раскол антифранцузской коалиции, – дальнейшее обсуждение вопроса не состоялось.

В феврале 1807 г. после кровопролитной битвы при Прейсиш-Эйлау французская дипломатия повторила свой демарш. На этот раз ее условия мира с Россией были более определенны: Наполеон предлагал создать между Францией и Россией буферное германское государство. Надо сказать, что на этот раз русские дипломаты допустили просчет, упустив верную возможность начать мирные переговоры в благоприятных для себя условиях. Командующий русской армией Бенигсен высокомерно заявил посланцу Наполеона генералу Бертрану, что он «поставлен государем вести войну, а не мирные переговоры». Александр I санкционировал отказ Бенигсена, явно переоценив свои возможности.

Дело в том, что к февралю 1807 г. острота страха перед возможным вторжением наполеоновской армии в пределы России прошла. Во-первых, судя по действиям

французских войск, они и не стремились этого сделать. Во-вторых, царское правительство подтянуло к западной границе крупные резервы (регулярные войска и ополчение). Кроме того, несмотря на все усилия Наполеона, ему пока не удавалось нанести русской действующей армии, дислоцировавшейся в Польше и Восточной Пруссии, решающего поражения. Более того, сражение при Прейсиш-Эйлау 8 февраля 1807 г., в котором французы потеряли убитыми, ранеными и взятыми в плен 29 тыс. человек (русские – 26 тыс.), поколебало миф о непобедимости наполеоновской армии. Эта битва имела большой резонанс во всей Европе. Впервые после Маренго, Аустерлица и Иены французские войска не добились общепризнанной победы. Результатом этой битвы было также и то, что на театре военных действий с февраля по июнь 1807 г. установилось временное затишье.

Отказ Александра I в феврале 1807 г. пойти на мирные переговоры объяснялся, очевидно, переоценкой военного и политического результатов сражения при Прейсиш-Эйлау. Приняв за чистую монету обещания Швеции и Англии оказать, наконец, эффективную военную помощь в борьбе против Франции, он решил вдохнуть новые силы в IV антифранцузскую коалицию, единственным реальным участником которой с октября 1806 г. была пока только Россия.

26 апреля 1807 г. в Бартенштейне между царем и прусским королем была заключена секретная конвенция. По замыслу Александра I (Фридриха-Вильгельма III уже не приходилось серьезно принимать в расчет), эта конвенция должна была мобилизовать участников IV коалиции на последний, решительный бой с Наполеоном. Этот документ был схож с «Англо-русской союзной

конвенцией о мерах к установлению мира в Европе» 1805 г. Подобно англо-русской, русско-прусская конвенция провозглашала, что участники IV коалиции «сражаются не ради уничтожения Франции, не для вмешательства в то, что относится до ее управления и ее внутренних дел, но они не могут взирать спокойным взором на постоянно прогрессивное увеличение одной державы за счет других, которым она угрожает гибелью, совершенно расстраивая всякое равновесие». Для возвращения Франции «в справедливые пределы» надо принудить Наполеона отвести свои войска за Рейн, распустить Рейнский союз и создать в Германии федерацию государств во главе с Пруссией.

Если сопоставить статьи конвенции с реальными силами IV коалиции в апреле 1807 г., то между провозглашенными в ней задачами и средствами к их выполнению лежала пропасть. Думается, что провозглашенные в конвенции «глобальные» задачи по изгнанию Франции из Германии за Рейн и планы создания Северо-германской конфедерации во главе с Пруссией все же носили пропагандистский характер и были продиктованы прежде всего стремлением Александра I при помощи старых лозунгов привлечь к активным военным действиям Швецию, Англию и особенно Австрию. Однако конвенция – от начала и до конца детище Александра I – была мертворожденной: конкретные условия международной обстановки весной 1807 г. меньше всего отвечали планам наступательной войны против Франции. В этом царь убедился очень скоро.

Англия, и ранее саботировавшая оказание прямой военной помощи России, согласилась присоединиться к конвенции, но при этом сделала такую оговорку, которая отталкивала Пруссию и вызывала у Александра I опасения, что прусский король опять переметнется на сторону Франции: английский министр иностранных дел Каннинг, сославшись на трудность ратификации конвенции королем, предложил выкинуть пункт о главенстве Пруссии в новом германском федеративном союзе. Англия еще только собиралась послать войска, а три прусских корпуса уже сражались в составе русской армии. Предложение Каннинга не прошло.

Еще менее утешителен был ответ из Вены. Австрийское правительство выразило сомнение относительно возможности осуществления статей этой конвенции на практике и вместо присоединения к ней предложило свое посредничество в урегулировании конфликта между Россией и Францией. В итоге не получилось ни мирных переговоров, ни новой наступательной войны.

Наполеон же использовал временное затишье на театре военных действий для перегруппировки сил и создания численного военного перевеса в войсках. Во Франции он провел призыв в армию, заставил своих германских сателлитов увеличить контингента войск, включил в состав действующих войск саксонские и польские формирования и довел численность своей действующей армии к июню 1807 г. до 178 тыс. человек. Французской армии противостояла 85-тысячная русская армия и около 25 тыс. пруссаков.

Бенигсен еще в феврале – мае 1807 г. постоянно просил царя о присылке подкреплений. В России срочно был проведен новый рекрутский набор. Кроме того, царь имел 600-тысячную милицию (ополчение), которую он, однако, так и не решился пустить в дело.

Пока бюрократическое военное министерство России разрабатывало маршруты подхода резервных корпусов к театру военных действий (надо отметить, что, опасаясь вторжения Наполеона в Россию, Александр I держал часть резервных корпусов вдали от районов сражений, на государственной границе России), Наполеон перешел в наступление. 14 июня 1807 г. при Фридланде ему удалось нанести русской армии сокрушительное поражение. Столь желанная для

Наполеона военная победа над Россией была достигнута. Поражение при Фридланде не означало, конечно, полного военного разгрома России. Это не был ни Аустерлиц для Австрии, ни Иена и Ауэрштадт для Пруссии. Военные ресурсы страны не были исчерпаны, и Россия, безусловно, могла продолжать войну.

Теперь все зависело от Наполеона: вторгнется ли он в пределы России или, имея в активе внушительную победу, попытается навязать Александру I свои условия мира.

«Тильзитская дуэль»

Наполеона и Александра

Оставим на время поля сражений и посмотрим, что творилось в дипломатических канцеляриях России в тот переломный для европейских международных отношений период времени – с октября 1806 г. по июнь 1807 г. Это поможет понять причины резкого поворота царя от войны с Францией к союзу с Наполеоном.

Расстановка сил в русском правительственном лагере была прежней: как и в январе 1806 г., политические деятели делились на две основные группировки – сторонников войны и сторонников мира (нейтралитета) России. Среди первых не было единства взглядов относительно союзников России в вооруженной борьбе против Франции.

Бывшие «молодые друзья» Александра I (Чарторыйский, Строганов, Новосильцев) отстаивали в отношении Англии свою прежнюю концепцию: в войне или мире Россия должна сохранить самый тесный англорусский союз. Но их отношение к Франции менялось: в начале войны они выступали за ее продолжение «до победы». Чарторыйский, как об этом будет сказано ниже, выдвигал даже планы политического переустройства Европы. Позднее, видя отказ Англии и Австрии поддержать Россию в войне, они стали ратовать за мир, опасаясь ухудшения англо-русских отношений.

Так, вскоре после объявления войны Франции Строганов и Чарторыйский предложили Александру I осуществить высадку военного десанта на северное (Бретань или Нормандия) или южное (в районе Марселя)

побережье Франции. Эта идея зародилась у проживавших в России французских эмигрантов-роялистов, среди которых в августе – сентябре 1806 г. в связи с подготовкой IV антифранцузской коалиции возродились надежды на реставрацию королевского режима во Франции. Оживилась переписка проживавшего в России главы эмигрантов-роялистов графа Лилльского (брата казненного французского короля) с Александром I. В многочисленных письмах граф Лилльский призывал царя встать во главе нового крестового похода против Наполеона для свержения его власти и возвращения французского престола династии Бурбонов с обязательным условием восстановления дореволюционных порядков во Франции.

Не ограничившись общими рассуждениями, граф Лилльский в конце октября 1806 г. предложил Александру I конкретный план борьбы с Наполеоном. Смысл его предложений сводился к тому, чтобы перенести войну против Наполеона на территорию самой Франции, пользуясь тем, что основные его силы заняты войной с Пруссией и на Балканах. С этой целью претендент на французский престол предлагал высадить одновременно на юге и севере Франции смешанный англо-русский десант с включением в него отрядов эмигрантов-роялистов. Сам он намеревался встать во главе южной группировки. Однако Александр, сославшись на сложную международную обстановку, отклонил тогда план графа Лилльского, предложив подождать развития событий.

Когда после Прейсиш-Эйлау царь не принял предложения Наполеона о переговорах, среди французских эмигрантов вновь оживились надежды на возможность реставрации. 19 марта 1807 г. маркиз

Мезонфер представил П. А. Строганову план высадки русско-шведских войск и отрядов эмигрантов-роялистов. Мезонфер повторял план графа Лилльского (возможно, действуя по указанию последнего). Высадку следовало бы, писал Мезонфер, произвести одновременно в двух местах: в Бретани под прикрытием английского флота и с английских судов должен высадиться русско-шведский корпус, а в районе Марселя (опять же под прикрытием англичан) – два корпуса эмигрантов-роялистов. Десантам окажут помощь тайные общества роялистов, существующие во Франции. Мезонфер сообщал, что он поддерживает с ними связь. Им нужно только послать оружие. Высадка антинаполеоновских сил послужит сигналом к роялистскому восстанию. Задача облегчалась, по мнению Мезонфера, тем, что основные силы Наполеона заняты в Пруссии и Польше, а его самого нет во Франции. 25 марта Строганов уже от своего имени сообщил основные детали этого плана Александру I.

Для выяснения отношения царского правительства к участию эмигрантов-роялистов в войне против Наполеона и к реставрации Бурбонов заслуживает внимания письмо А. Я. Будберга графу Лилльскому, посланное им 11 марта 1807 г. по поручению Александра I в ответ на многочисленные письма последнего. Прежде всего царь отклонял все конкретные предложения графа (десант и т. д.). Более того, твердолобая позиция графа Лилльского подвергалась в этом письме резкой критике. Александр I сообщал, что даже в случае полной победы он не намерен полностью реставрировать дореволюционные порядки. Поэтому претенденту на французский престол рекомендовалось при обращении к французскому народу с прокламациями, воззваниями и

другими документами подчеркнуть в них следующие моменты:

«Полное забвение прошлого и всеобщую амнистию для всех, кто был замешан в ужасах революции; подтверждение прав за лицами, приобретшими национальное имущество; сохранение всех должностей, гражданских, военных и судебных... Одним словом, – говорилось в этом любопытном документе, – нужно взять на себя обязательство ни в чем не изменять существующей формы правления, сохранить сенат, трибунал, государственный совет и законодательный корпус в их нынешнем виде, оставив за собой лишь право принимать меры против злоупотреблений, которые могли иметь место в различных отраслях управления».

Несмотря на весьма сдержанное отношение царя к планам вторжения во Францию, Строганов и Чарторыйский, находившиеся уже не у дел, продолжали настаивать на этом варианте. В архиве Строганова находится интересный документ: «Мемуар-инструкция русскому представителю при переговорах с Англией», датированный 17 (29) марта 1807 г.

По замыслу его составителей, которыми, очевидно, были Чарторыйский и Строганов, русский представитель должен был: 1) доказать общность успехов англо-русского оружия, поскольку любая частная победа России над Францией есть победа и Англии, и наоборот. «Пока Наполеон и его семья будут у власти, – писали составители проекта инструкции, – ни для Европы, ни для Англии не будет ни прочного мира, ни безопасности»;

2) убедить англичан отбросить частные разногласия с Россией и объединиться с ней для восстановления «настолько, насколько это будет возможно, старого порядка вещей на континенте».

Далее следовали практические предложения. Англичане должны высадить на континенте, лучше всего в районе Померании, десант и занять линию Штеттин – Берлин. В крайнем случае Россия может согласиться на десант в районе Ганновера, как этого хочет английский король, но с тем, чтобы после этого английские войска вышли на побережье Балтики в район Померании для оказания помощи русским войскам. Со своей стороны Россия должна взять обязательство закончить войну с Турцией и добиться ее примирения с Англией. Англия и

Россия совместными усилиями должны привлечь на свою сторону Австрию. В заключение инструкции излагался уже известный план высадки десанта во Францию с участием эмигрантов-роялистов.

В целом это была программа реставрации III коалиции на основе англо-русского союза.

В этом можно убедиться при анализе относящихся примерно к тому же времени, что и «Мемуар-инструкция», «Статей по урегулированию европейских дел в случае успешной войны». Согласно этим «Статьям», в случае победы союзников Франция возвращается в дореволюционные границы, Австрия и Пруссия получают территориальную компенсацию за счет мелких германских владений таким образом, чтобы их силы были уравновешены. Из не вошедших в состав Австрии и Пруссии немецких государств предполагалось образовать федеративную Германскую империю, включив в ее состав Швейцарию и Голландию. Эта новая Германская империя будет служить «буфером» между Францией, с одной стороны, Австрией и Пруссией – с другой. Россия же получит большую часть польских земель.

Таким образом, после заключения мира в Европе будет пять основных государств: Франция, Англия, Россия, Австрия и Пруссия, однако основой европейского равновесия должен служить англо-русский союз.

Эти «глобальные» планы Чарторыйского были, так сказать, «программой-максимум», рассчитанной на победоносную войну России против Франции при активной помощи Англии.

Но Чарторыйский предусматривал и худший вариант, сформулированный им в «программе-минимум».

Так, еще 16 (28) декабря 1806 г., видя все растущую угрозу войны со стороны Турции и понимая, что без создания сильной антифранцузской коалиции России трудно будет вести войну на два фронта, он представил Александру I «Мемуар о выгодах начать мирные переговоры с Бонапартом». Заключение мира с Францией должно произойти на следующих условиях: 1) согласие России признать созданные Наполеоном в Европе новые государства при условии, что из них будут выведены французские войска, причем любая попытка Франции вновь ввести свои войска в эти государства должна рассматриваться как объявление войны России; 2) Александр I выводит свои войска с Ионических островов; 3) Франция выводит свои войска из Далмации; 4) неаполитанский и сардинский короли, изгнанные Наполеоном из своих владений, должны быть либо восстановлены в своих владениях, либо компенсированы за счет территории на Западных Балканах или Ионических островах; 5) Россия согласна быть гарантом мира между Англией и Францией на следующих условиях: Мальта, мыс Доброй Надежды и остров Цейлон сохраняются за Англией. Остальные французские колонии возвращаются Наполеону. Россия берет на себя роль посредника в случае англо-французских разногласий; 6) Россия и Франция гарантируют статус-кво Турции. К этой гарантии присоединяются Англия и Австрия. Франко-русские мирные переговоры, как и в начале 1806 г., надо начать – через торгового консула в Петербурге Лессепса, который еще не покинул Россию.

Чарторыйский даже просил Александра I вынести этот «Мемуар» на обсуждение в Государственном совете.

Как «программа-максимум», так и «программа-минимум» Чарторыйского содержали одно, но очень существенное условие – полную поддержку требований России Англией. Но англо-русские отношения кануна Тильзита явно не укладывались в эту схему Чарторыйского.

Не подлежит сомнению, что после разгрома Пруссии часть правящих кругов России, безусловно, рассчитывала на английскую финансовую и военную помощь. Одним из наиболее острых был вопрос о субсидиях. Предоставление Англией субсидий было обусловлено англо-русской союзной конвенцией 1805 г. Английские деньги предназначались для финансирования военных операций России против Франции. Необходимо отметить, что в 1805–1807 гг. денежные поступления из Англии занимали заметное место в финансировании русских войск за границей. В частности, содержание войск на острове Корфу, эскадры Сенявина в Адриатике, корпуса русских войск в Пруссии шло исключительно за счет английских субсидий.

Для военно-финансовой политики Александра I 1805–1806 гг. был характерен следующий рескрипт царя министру финансов от 12 (24) апреля 1806 г.: «Господин министр финансов, граф Васильев! Высланные от уполномоченного в Корфу графа Мочениго на придворных банкиров векселя достоинством на пятьдесят тысяч банковских гульденов повелеваю принять и отнесть расходом на счет ожидаемых от английского двора субсидий. Пребываю к вам благосклонный. Александр».

В 1805 г. Россия получила от Англии субсидий на сумму в 250 тыс. ф. ст. (1491 тыс. бумажных русских рублей). Большая их часть пошла на финансирование «заграничных военных операций России против Франции». В 1806 г. Англия обещала денег в три раза больше. По подсчетам Васильева, эти субсидии должны были составить внушительную сумму – 800 тыс. ф. ст. (3900 тыс. бумажных русских рублей). Однако за весь 1806 г. Англия дала всего около 300 тыс. ф. ст. Все попытки царского правительства добиться предоставления обещанной суммы наталкивались на вежливый, но решительный отказ английского правительства.

Между тем финансовое положение России в связи с подготовкой, а затем и войной против Франции и Турции ухудшалось день ото дня. В 1806 г. Александр I дважды, в марте и августе, приказывал Васильеву (в августе рескрипт имел памятку «секретнейше») дополнительно к имеющимся в России ассигнациям на 10 млн. руб. выпустить еще на 10 млн. Причем в рескриптах Александра I указывалось, что эти ассигнации пойдут на оплату содержания русских войск за границей (главным образом, русских корпусов в Пруссии).

Для сбалансирования бюджета Васильев предложил создать «Особенный комитет по части финансов». Комитет должен был представить Александру I перечень мероприятий по покрытию дефицита, а также разработать бюджет России на 1807 г. 26 октября 1806 г. такой комитет указом Александра I был создан в составе министров: финансов – Васильева (председатель), коммерции – Румянцева, внутренних дел – Кочубея, уделов – Гурьева, юстиции – Лопухина, иностранных дел – Будберга и государственного казначея Голубцова.

Найти радикальные пути улучшения финансового положения России комитет не смог, рекомендовав лишь испытанный метод нового выпуска ассигнаций и внешнего займа.

В конце ноября 1806 г. Будберг обратился к английскому посольству в Петербурге с официальной нотой, прося для продолжения войны с Францией займа в 6 млн. ф. ст. с рассрочкой погашения в 20 лет. Английское правительство первоначально отказало в займе, но обещало ускорить посылку оставшихся 500 тыс. ф. ст. субсидии. Однако Васильев информировал Александра I, что даже если эта сумма и будет получена (в чем он весьма сомневается), этих денег все равно не хватит для покрытия дефицита, который к марту 1807 г. равнялся 5436 тыс. серебряных рублей, или более 17 млн. руб. ассигнациями.

Положение усугублялось еще и тем, что прусский король ввиду финансовой несостоятельности отказался выплатить свою долю денег на содержание армии Бенигсена, как это было обусловлено ранее достигнутой договоренностью между Пруссией и Россией. После заключения Бартенштейнской конвенции все расходы по войне с Францией целиком легли на одну Россию.

Переговоры о предоставлении займа и высылке субсидий продолжались до апреля 1807 г. В конце концов английское правительство выслало часть денег в счет обещанных субсидий. Но эти деньги дошли до России не целиком: шведское правительство, при посредстве которого английская субсидия переправлялась в Петербург, присвоило часть ее себе, ссылаясь на то, что Англия не выплатила причитающуюся Швеции по англо-шведскому союзному договору 1804 г. сумму за участие в III коалиции.

Относительно займа английский премьер Гренвилль откровенно заявил русскому поверенному в делах в Лондоне, что Англия «раскошелится» лишь в том случае, если русские хотя бы раз побьют французов. Кроме того, и это было самым главным, английское правительство соглашалось начать переговоры о займе, а также ускорить присылку субсидии лишь при условии принятия Россией ряда политических обязательств, в частности обязательства не заключать мира с Францией без согласия Англии. Русское правительство не соглашалось на такие условия, причем настаивало больше на предоставлении займа, а не субсидий, поскольку они ставили Россию в прямую финансовую зависимость от Англии. Отвечая на донесения Алопеуса об условиях предоставления субсидий и займа, Будберг писал ему в мае 1807 г.: «В связи с вашим замечанием о том, что, вероятно, проще добиться получения субсидий, я должен сообщить вам следующее: не говоря уже о том, что это совершенно противоречило бы принципам, которым государь император решил следовать в нынешней войне, вы сами поймете, что зависимое положение, в котором мы окажемся, если примем эти субсидии, никоим образом нас не устраивает».

В итоге ни вопрос о субсидиях, ни вопрос о займе так и не был решен до начала франко-русских переговоров в Тильзите. Озабоченные мерами по противодействию континентальной блокаде, английское правительство весьма неохотно поддавалось на уговоры России снабдить ее деньгами.

Вместе с тем, исходя из условий все расширявшейся франко-английской борьбы, принимавшей форму экономической войны, Англия проявляла гораздо большую активность в вопросе расширения торговли с

Россией. Английские правящие классы не без основания считали, что пока Россия находится в стороне от блокады, она им не так страшна. Для укрепления экономических позиций Англии в России на случай русско-французского мира английское правительство в начале 1807 г. приступило к переговорам о продлении англо-русского торгового договора 1797 г., срок которого истекал 25 марта 1807 г. 26 января 1807 г. во время беседы Будберга с английским посланником Стюартом последний от имени своего правительства просил продлить договор на прежних (весьма выгодных для Англии) условиях. Однако Будберг потребовал изменения договора в направлении большего покровительства русской внешней торговле, что лишало Англию прежних преимуществ. Поскольку Стюарт не согласился с этой точкой зрения, Будберг предложил начать официальные переговоры с назначением специальных уполномоченных. Стюарт отказался, настаивая на продлении договора на прежних условиях хотя бы на три года. В ходе этой дискуссии всплыла и политическая подоплека настояний Англии: она опасалась, что Россия заключит сепаратный мир с Францией.

Предварительные переговоры Будберга со Стюартом, а затем со специальным представителем Англии Д. Лодердалем ни к чему не привели. Россия фактически отказалась от продления англо-русского договора 1797 г. на прежних условиях, как наносящего ущерб русской внешней торговле.

Дальновидный дипломатический демарш Наполеона, передавшего наследственное владение английских королей Ганновер прусскому королю, поссорил Англию с Пруссией, а через нее – с Александром I. Неверие английских правящих кругов в

эффективность русско-прусского союза и их стремление обеспечить собственные интересы во все разрастающейся (теперь уже и экономической) войне с Францией объективно привели к ослаблению позиций английской дипломатии в России. Это послужило одной из существенных предпосылок заключения франко-русского союза в Тильзите.

Второй политической группировкой в России, выступавшей за войну с Францией, были сторонники русско-прусского союза. Центром этой группировки была сама императорская семья (в первую очередь мать Александра I Мария Федоровна). Вокруг императорской семьи группировались и некоторые политические деятели, главным образом из числа русских немцев: министр иностранных дел Будберг, главнокомандующий русской армией в Польше Бенигсен, адъютант Александра I граф Ливен и ряд других немецких генералов на русской службе. Разделяли точку зрения на необходимость русско-прусского союза граф Ф. В. Ростопчин, будущий посол России в Париже в 1807–1808 гг. граф П. А. Толстой и некоторые другие. Их программа действий была определена в Бартенштейнской секретной конвенции 26 апреля 1807 г.

Объективной основой для ориентации этой группировки на продолжение войны в союзе с Пруссией было опасение части русских правящих кругов, что Наполеон может вторгнуться в пределы России. Один из наиболее крупных представителей «прусской» группировки, главнокомандующий русской армией Л. Л. Бенигсен следующим образом определял характер войны 1806–1807 гг. для России: «В разных войнах с Францией, в которых Россия принимала деятельное участие, она до настоящего времени являлась только вспомогательной державой. Театр военных действий был всегда настолько удален от России, что понесенные поражения, как бы они значительны ни были, не могли иметь каких-либо опасных последствий для ее владений, тогда как в настоящее время она принуждена вести

непосредственную войну в собственных пределах против всех соединенных сил Франции, большинства княжеств Германии, а также Голландии, Италии и т. д.»

Коль скоро для представителей этой группировки война с Францией в 1806–1807 гг. была прежде всего войной в «защиту» своей империи (при несомненном наличии у них экспансионистских устремлений), то «естественными союзниками» в этой войне они считали своих ближайших западных соседей – Австрию и Пруссию. Так как привлечь Австрию к участию в войне с Францией не удалось, все их надежды обратились на последний оплот на пути Наполеона к Востоку – Пруссию. Отсюда и вытекала их концепция самого тесного политического и военного союза с пруссаками.

Но даже среди этой наиболее воинственной пруссофильской группировки по мере усиления затяжного характера войны 1806–1807 гг. раздавались голоса в пользу мира. Бенигсен, отклонив официально предложение

Наполеона о перемирии, в частном письме царю указывал на наращивание численности французских войск, высказывая опасение за исход всей кампании:

«Я считаю своим долгом прибавить, что рассматриваю продолжение войны с Франции опасным для России». Военная победа Наполеона при Фридланде показала, что опасения главнокомандующего русской армией, высказанные им за три месяца до ее поражения, не лишены были оснований.

Особый интерес представляет выяснение позиции тех немногочисленных представителей правящих кругов России, которые выступали за скорейшие франкорусские мирные переговоры. Выше уже анализировались взгляды

Куракина, Румянцева и некоторых других представителей этой тенденции по вопросу франко-русских отношений в 1801–1804 гг. и в самом начале 1806 г. Мы отмечали также совпадения и отличия точек зрения Румянцева и Куракина: оба выступали за мирные отношения с Францией, но первый видел лучший способ неучастия России в англо-французской войне в отказе от формальных союзов с любой из сторон, тогда как второй считал франко-русский союз наиболее надежной гарантией защиты России от агрессии Франции.

Эти концепции базировались на недовольстве части правящих классов России политикой Англии в эпоху наполеоновских войн, а также ее господством на морях и сильными экономическими позициями на русском рынке. В 1806–1807 гг. в связи с фактическим отказом Англии принять участие в войне против Франции это недовольство возросло. Приближение войны к границам России усилило позиции сторонников концепции «государственного эгоизма», призывавших Александра I отказаться от дорогостоящих комбинаций по установлению европейского равновесия и попытаться кончить спор с Францией миром без участия Англии.

Ряд дворянских публицистов того времени (В. Попугаев, Н. Тургенев, В. Каразин) выступали против политики союза с Англией. Так, видный русский просветитель начала XIX в. Попугаев, отстаивавший самостоятельный внешнеторговый курс России, приветствовал наполеоновскую политику континентальной блокады.

До июня 1807 г. выразители курса на мирные отношения с Францией не проявляли такой активности, как, скажем, Чарторыйский. Но многие мероприятия

Румянцева на посту министра коммерции недвусмысленно были направлены против Англии. К их числу в первую очередь относился манифест от 1 (13) января 1807 г. об организации торговли в России. Манифест был открыто направлен против иностранных (прежде всего английских) купцов. Им запрещалось вступать в русские торговые товарищества, вести внутреннюю торговлю в России, проживать в некоторых городах и т. п. Не случайно этот указ вызвал недовольство торговых слоев в Англии, а на русско-английских переговорах весной 1807 г. английские дипломаты усиленно добивались его отмены.

Мало того, в своих отчетах по Министерству коммерции за 1805 и 1806 гг. Румянцев, ссылаясь на упадок русской внешней торговли из-за военных действий, недвусмысленно склонялся в пользу мира.

В «Записках» Бенигсена отчетливо прослеживается, как все три основные группировки, ставившие одну основную цель – противодействие наполеоновской экспансии и реализацию задач своей внешней политики, расходились в методах достижения этой цели. Полемизируя с Чарторыйским, Бенигсен писал: «Не могло уже быть речи о том, чтобы одними средствами России привести Францию в такое положение, чтобы была возможность положить конец приобретенному уже ею господству над остальной Европой. Теперь шла речь только о том, чтобы обеспечить неприкосновенность русской империи и сохранить ее влияние в Европе, чтобы сберечь себя и через это средство быть полезным своим союзникам и друзьям». Но в выборе способа «обеспечения неприкосновенности» и «сохранения влияния» мнения расходились: «К достижению этой цели представлялось два пути: или мирные переговоры, или

боевые громы. Император Александр предпочел решить дело оружием».

Таким образом, еще до Фридланда в русских правящих кругах и общественном мнении отчетливо прослеживалась тенденция к мирному завершению вооруженного конфликта с Францией. Мотивы, по которым представители различных группировок выступали за мирные переговоры, были различными. Чарторыйский, Строганов, Новосильцев и др., опасаясь разрыва англо-русского союза, хотели мира – передышки для новой войны с Францией. Главной их задачей было не допустить франко-русских сепаратных переговоров, добившись привлечения к участию в мирных переговорах Англии.

Наиболее воинственную «прусскую партию» также страшила перспектива затяжной войны с Францией один на один. Больше всего они опасались, что в ходе кампании Наполеон создаст численное превосходство в войсках, нанесет русской армии военное поражение и попытается вторгнуться в пределы России.

Что касается Румянцева, Куракина, Сперанского и др., то они продолжали отстаивать прежнюю концепцию дипломатического урегулирования франко-русских спорных вопросов, считая ее, единственно приемлемой в условиях бесперспективной войны.

К началу переговоров в Тильзите обстановка на русской стороне была следующей. С марта 1807 г. на театре военных действий находился Александр I. Вместе с ним из Петербурга выехали и некоторые русские политические деятели: Будберг, Толстой, Новосильцев, Чарторыйский и др. 2 июня в Тильзит, где расположился царь со своей свитой, проездом в Вену прибыл Куракин. Ему еще в конце декабря 1806 г. был поручен пост посла в Австрии. Куракин должен был добиться заключения австро-русской оборонительной конвенции против Франции. Однако осторожный и хитрый царедворец не спешил с выполнением данного ему поручения, отлично сознавая, что Австрия все равно отклонит это предложение. В Тильзите царь попросил Куракина задержаться. Он охотно согласился, ибо имел секретное поручение императрицы-матери следить за действиями ее сына и сообщать о его поведении в Петербург. Мария Федоровна особенно опасалась возможного примирения с Францией. Однако нельзя не отметить, что кандидатура Куракина в качестве тайного осведомителя была как нельзя более неудачной. Но Куракин был родственником царской семьи и пользовался доверием матери царя.

Известие о поражении 14 июня при Фридланде и отступление русских армий не застали Александра I в Тильзите: накануне он уехал к русской границе инспектировать резервы. При первом известии о поражении началось бегство из Тильзита. «В эти два дня, – сообщал Куракин, – здесь было настоящее вавилонское столпотворение». 15 июня в район Тильзита прибыл брат царя Константин. В тот же день он пригласил к себе на обед Куракина и Новосильцева.

Состоялся откровенный обмен мнениями. Брат царя прямо высказался за перемирие и предложил послать к Наполеону парламентаров.

Вечером у Константина Павловича состоялось второе совещание. На нем, кроме Куракина и Новосильцева, присутствовали Чарторыйский, Будберг и некоторые другие русские сановники, находившиеся на театре военных действий вблизи Тильзита. Содержание этого интересного совещания частично отражено в письме Куракина Марии Федоровне, написанном в тот же день. Все присутствующие, кроме Будберга, высказались за начало мирных переговоров. Будберг настаивал на продолжении войны, доказывая, что русская армия потерпела лишь временное поражение, но не уничтожена. Сославшись на большие людские резервы России (наличие ополчения и т. п.), Будберг предлагал перегруппировать силы, привлечь на сторону России поляков и попытаться взять реванш за Фридланд.

Любопытны были доводы его оппонентов. Чарторыйский резко перебил «ура-патриотическую» речь министра иностранных дел и весьма многозначительно для поборника восстановления Польши заявил, что Будберг «сильно заблуждается касательно настроения наших польских подданных, что семя восстания прозябает между ними и что они, без сомнения, все, как только Бонапарт перейдет наши границы, встанут на его сторону».

С паническим заявлением выступил Константин Павлович: Россия не имеет резервной армии, у нее нет оружия, денег, провианта. Скрытый страх чувствовался и в его возражении на предложение Будберга использовать ополчение: оружие народу давать опасно, а безоружный,

без армии он от Наполеона не защитится. В словах представителя императорской фамилии отчетливо проступало опасение за внутреннее положение в стране в случае вторжения Наполеона в пределы России.

Общая боязнь революционных потрясений в Польше и России в случае военного разгрома объединила Чарторыйского и Константина в их стремлении заключить мир. Министр иностранных дел оказался в одиночестве.

Аргументы сторонников заключения мира с Францией, усиленные поражением при Фридланде, хотя и создавали определенную психологическую обстановку накануне тильзитских переговоров, но еще не определяли окончательный выбор царя между продолжением войны и заключением мира. Решающее слово оставалось за Александром I.

Когда точно произошла перемена ориентации Александра I, установить трудно. Прямых документальных свидетельств этого не сохранилось. Несомненно одно: вопреки распространенному в исторической литературе мнению, эта перемена произошла не внезапно и ее причиной было не только военное поражение при Фридланде (несомненно, оказавшее воздействие на выбор царя), а весь комплекс военно-дипломатических (разгром Пруссии, нейтралитет Австрии, «эгоизм» Англии, затяжная война) и внутривполитических (рост недовольства войной в России, тяжелое финансовое положение, страх правящих классов за свои привилегии в случае поражения) причин.

О том, что Александр I совсем не внезапно, а после больших колебаний решился «на крутую перемену политики», свидетельствуют следующие факты. Накануне отъезда царя из Тильзита (12 июня) к западной границе на инспектирование прибывших из России новых русских резервов между Александром I и Константином состоялось бурное объяснение. Константин настаивал на заключении мира, Александр I категорически отклонил это предложение и даже приказал брату не вмешиваться не в свои дела и вернуться в действующую армию.

Кроме того, близко наблюдавшие Александра I лица видели его подавленное состояние в связи с крахом надежд на оживление военных действий. Это отмечал А. Б. Куракин в своих письмах Марии Федоровне. Царь отошел от командования армией, никого не принимает, недоволен Бенигсеном и ждет утешительных вестей из Лондона и Вены. Единственным человеком, с которым Александр I отваживался вести откровенные беседы, был Куракин. С 3 по 12 июня он имел с царем несколько бесед. В письмах к Марии Федоровне Куракин ничего не пишет об их содержании, но, зная точку зрения Куракина на русско-французские отношения по его выступлению в Государственном совете в январе 1806 г., можно предположить, что он вновь высказал ее царю. Несомненно, что в ходе этих бесед была затронута проблема как мира, так и союза.

Фридланд ускорял выбор царя. Однако Александр I еще колебался. Первоначально он соглашался на военное перемирие, да и то на определенных условиях.

Представителем царя на переговорах о перемирии был назначен князь Д. И. Лобанов-Ростовский, командующим русским резервным корпусом, человек, дотоле неизвестный на дипломатическом поприще. Но миссии Лобанова-Ростовского должна была предшествовать миссия другого доверенного лица царя – главного интенданта русской армии В. С. Попова. Он должен был выяснить положение армии Бенигсена и (если она не способна к дальнейшему сопротивлению) совместно с Бенигсеном решить вопрос о посылке Лобанова-Ростовского за линию расположения русских войск. Характерно также, что Бенигсен должен был начать переговоры о перемирии только от своего имени.

Таким образом, Александр I постарался застраховаться, ибо в случае провала миссии Лобанова-Ростовского (отказа Наполеона пойти на перемирие, выдвижения им неприемлемых условий или подписания русским представителем невыгодного для России перемирия) царь мог возложить вину сразу же на трех своих подчиненных, отказавшись ратифицировать перемирие, подобно тому, как это было с договором П. Я. Убри: на Попова, «дезинформировавшего» его о состоянии русской армии, на Бенигсена, выступившего с «инициативой» переговоров, и на Лобанова-Ростовского, «превысившего» полномочия.

Не последнюю роль в этой перестраховке царя сыграли недавние франко-прусские переговоры о заключении перемирия. В октябре – ноябре 1806 г. после Иены и Ауэрштадта прусский король направил своего бывшего посла в Париже Люккезини к Наполеону с предложением заключить перемирие и начать мирные переговоры. Согласившись на слова начать переговоры и назначив Дюрока в качестве своего представителя, Наполеон фактически их саботировал. Пока Люккезини ехал в обозе французской армии, она занимала один прусский город за другим.

Разумеется, даже после Фридланда царь находился в несравненно лучших условиях, чем его прусский союзник: на его территории не было французских войск, он не потерял ни одной крепости, а битва при Фридланде была серьезным, но пока единственным крупным поражением за всю русско-французскую кампанию 1806–1807 гг. Тем не менее бесцеремонное обращение Наполеона с представителями прусского короля, несомненно, порождало у Александра I опасения, нашедшие отражение в его перестраховке при начале

переговоров о заключении перемирия. Во имя поддержания собственного престижа в связи с бесславленным окончанием войны он не хотел получать даже булавоочные уколы от Наполеона.

16 июня Попов прибыл в штаб-квартиру Бенигсена. В тот же день он отправил Александру I подробное донесение обо всем увиденном и услышанном. Общий тон донесения был спокойный: русская армия отступает, явных признаков намерений французов вторгнуться в пределы России не наблюдается. Даже Бенигсен, пославший 14 июня паническое донесение о катастрофе, заявил Попову, что «он сам считал обстоятельства хуже, нежели каковые оные в самом деле». Попов в тот же день вернулся в ставку Александра I и сделал ему подробный устный отчет.

Окончательное решение заключить военное перемирие царь принял, по-видимому, где-то между 16 и 19 июня.

Два обстоятельства ускорили принятие этого решения. Во-первых, Наполеон явно не проявлял намерений вторгнуться на территорию России. Это обстоятельство отмечал Попов: «Положение дел между российской императорской и французской армиями весьма странное.

Военные действия остановлены. Перемирия еще не заключено, мира еще нет... Ничто не обязывает их (французов. – 5. С.) быть в той недеятельности, в которой мы находимся». Попов полагал, что бездействие Александра I играет на руку Наполеону, и настаивал на скорейшем заключении военного перемирия. Во-вторых, окружение царя требовало от него каких-то действий: либо продолжения войны, либо заключения мира. Показательна в этом отношении записка генерала Уварова. Он писал царю: «Ежели еще воевать, то

неприятелю штыком границу свою заставя, а ежели нет, то нужно стараться кончить скорее, а иначе худо быть может».

Между тем французы дали русской армии и прусским корпусам без боя и со всеми обозами отойти за Неман, пограничную реку. В ночь с 18 на 19 июня переправа русской армии на правый берег Немана по тильзитскому мосту была завершена. Утром 19 июня французские войска заняли левый берег, и Наполеон въехал в Тильзит.

Пассивность Наполеона, его нежелание вопреки известным до сих пор случаям воспользоваться военным успехом и довершить разгром отступающей к Неману русской армии явно свидетельствовали о том, что он не стремится продолжать войну.

Острота страха перед возможным вторжением французской армии в Россию к 19 июня несколько спала. Теперь русскую и французскую армии разделял Неман, мосты через который сожгли казаки Платова.

19 июня в занятый французами Тильзит для переговоров о военном перемирии приехал Лобанов-Ростовский. От его первой встречи с представителем Наполеона маршалом Бертье зависело многое: стоило Наполеону проявить несговорчивость, и военные действия могли возобновиться.

Официально задача Лобанова-Ростовского оставалась прежней: Россия предлагает Франции заключить перемирие с целью «положить конец кровопролитию». Вместе с тем он должен был осторожно выяснить вопрос о возможности заключения мира. Из первого отчета Лобанова-Ростовского о беседе с Бертье видно, чего больше всего опасался Александр I при

заклучении «окончательного мира». «Россия, – заявил царь устами Лобанова-Ростовского, – оскорбительного ее достоинству мира не примет, тем менее еще потерпит, чтоб какая ни есть перемена коснуться могла до границ ее».

Еще более определенно вопрос о мирных переговорах был поставлен в письме Бенигсена командиру авангарда французской армии, отправленного накануне отъезда Лобанова-Ростовского с русским офицером-парламенте-ром. В этом письме делался намек, что перемирие «может повлечь весьма вероятные последствия, тем более плодотворные, что идет речь о всеобщем конгрессе...»

Из письма Бенигсена и беседы Лобанова-Ростовского с Бертье Наполеон мог пока вынести лишь одно впечатление: Россия согласна заключить перемирие при условии целостности своей территории. Что касается мирных переговоров, то они, судя по письму Бенигсена, должны вестись на мирном конгрессе всех воевавших с Францией сторон. Таким образом, еще не заключив перемирия, Александр I выдвигал перед Наполеоном основные предварительные условия мирных переговоров. Теперь все зависело от позиции Наполеона.

К удивлению Александра I и его окружения, находившихся в это время в нескольких километрах от Тильзита, Наполеон принял условие о целостности территории побежденного противника, столь нетипичное для французской дипломатии. (Вспомним ее мирные договоры после Маренго и Аустерлица с Австрией, лишившейся значительной части своих владений.) Как доносил Лобанов-Ростовский Александру I, Бертье,

приняв предложение о перемирии, дал понять, что Наполеон и не собирается требовать от Александра I каких-либо территориальных уступок за счет его империи. Единственно, что было обойдено молчанием французской стороной, это намек на «всеобщий конгресс». Александр I понял, что победитель ищет примирения с ним на каких-то других, пока еще неясных условиях.

Интересно отметить и другой весьма примечательный факт: вопреки утверждению известного французского историка А. Вандаля первое официальное предложение заключить мир сделал не побежденный, а победитель. Поздно вечером 19 июня после отъезда Лобанова-Ростовского на правый «русский» берег Немана к Бенигсену явился адъютант Наполеона генерал Дюрок и от имени французского императора официально предложил заключить мир. Напомним, что Лобанов-Ростовский уполномочивался, да и то устно, заключить только военное перемирие.

Что побуждало Наполеона первым и в кратчайшие сроки, пока царь еще находится вблизи Тильзита, искать мира с Россией? Несомненно, боязнь мирного конгресса всех воюющих сторон и стремление расколоть англо-русский союз. Если Александра I до 19 июня больше всего пугали территориальные претензии Наполеона, то Наполеон до 25 июня боялся многосторонних мирных переговоров со всеми участниками IV коалиции, прежде всего участия Англии. Именно этим объяснялась его тактика ускоренного сближения с Россией. Не последнюю роль при этом сыграл майский государственный переворот 1807 г. в столице Османской империи Стамбуле, породивший у

Наполеона опасения о перемене ориентации правительства этой страны.

Опасения Наполеона, что англичане попытаются помешать франко-русским сепаратным переговорам, имели под собой реальные основания. С 11 июня в Тильзите, а затем в Мемеле сидел английский посол лорд Гоуэр. Правда, беседа, которую он имел с Александром 17 июня относительно практического участия в войне против Франции (высадка десанта, посылка дополнительных субсидий и т. п.), ничего не дала. Царь обрушился на Гоуэра с резкими нападками, упрекая Англию в полнейшей бездеятельности. 23 июня Гоуэр обратился к Будбергу с письмом, прося информировать его о состоянии франко-русских отношений. Одновременно он просил аудиенцию у Александра I. Будберг сообщил ему о заключении франко-русского перемирия от 21 июня, но в аудиенции с царем отказал. 28 июня Гоуэр снова, на этот раз с официальной нотой, обратился к Будбергу. От имени английского правительства он одобрил заключение перемирия, но выступил против сепаратных франко-русских мирных переговоров. Ссылаясь на союзные обязательства России по отношению к Англии, он требовал привлечения английских представителей к этим переговорам и заключения «всеобщего мира». В то же время Гоуэр пытался воздействовать на царя через своих друзей. 23 июня он направил Чарторыйскому письмо, в котором умолял убедить Александра I не заключать с Францией сепаратного мира. Но попытки английского посла оказать воздействие на царя не имели успеха.

Убедившись, что Наполеон не менее его желает мира, Александр I решил проявить максимум дипломатической изворотливости и заключить этот мир

на наименее невыгодных для себя условиях. 20 июня он уже пишет Бенигсену, что Лобанов-Ростовский «уполномочивается мною войти в переговоры как о перемирии, так и о мире сроком на один месяц на условиях сохранения настоящих позиций наших войск».

21 июня перемирие было подписано. Наполеон принял предложенную Россией демаркационную линию по Неману (статья 4-я), согласился в течение четырех-пяти дней заключить перемирие с прусским королем (статья 3-я) и даже дал время Александру I обдумать условия мира, поскольку перемирие не было ограничено никаким сроком (статья 1-я). Обе стороны соглашались назначить уполномоченных для заключения «окончательного мира» (статья 5-я).

Пока Лобанов-Ростовский вел переговоры о перемирии, между царем и Куракиным, по-прежнему остававшимся самым доверенным лицом Александра I, состоялась откровенная конфиденциальная беседа о будущем франко-русских отношений. В начале беседы царь подробно остановился на мотивах, побуждающих его заключить сепаратный мир с Францией: русская армия понесла большие потери; Россия не может более вести войну один на один с Францией без эффективной помощи союзников по IV коалиции; Англия, ее основной участник, «ведет себя дурно с самого начала». Словом, передавал Куракин вывод Александра I, «бывают обстоятельства, в которых нужно думать преимущественно о самосохранении и не руководствоваться никакими правилами, кроме мысли о благе государства».

Далее царь поведал своему родственнику о том, что его больше всего беспокоило: Франция, судя по

результатам миссии Лобанова-Ростовского, не хочет изменения границ России. А это кардинально меняет дело, ибо теперь Александр I решил выторговать у Наполеона еще менее тяжелые условия мира: взамен отказа от Молдавии, Валахии и Ионических островов он намерен добиваться сохранения Пруссии как противовеса Франции и Австрии.

Нужно ли удивляться, что Куракин полностью поддержал соображения, по которым царь собирался заключить мир. Свои мысли он вложил в характеристику генерал-прокурора России А. А. Беклешова, которого царь взял с собой на переговоры: Беклешов «думает открыто, что пора нам начать заботиться только о себе, пора увидеть, сколько нам повредили наши политические ошибки, пора перестать слепо жертвовать собою выгодам союзников, которые вместо того, чтобы помогать нам как бы то следовало, думают только о своих удобствах и всегда готовы предоставить нас нашей собственной участи».

Известие о перемирии с Францией было встречено противниками мира с крайней тревогой. Мария Федоровна умоляла Куракина подробно писать о развивающихся событиях, ничего не утаивая. Одновременно она пыталась воздействовать на сына через свою дочь Екатерину Павловну, у которой с братом были не только родственные отношения. Письма последней к Александру I в Тильзит дают довольно полную картину смятения и страха императорской семьи при известии о сближении России и Франции. Особенно характерным было письмо от 6 июля 1807 г., в котором Екатерина в предельно четкой форме изложила не только опасения царской семьи, но и взгляды противников мира с Францией в Петербурге на переговоры.

Сестра по наущению матери упрекала брата в капитуляции перед Бонапартом, взывая к легитимистским чувствам «законного» монарха, которому должно претить общение с выскочкой и самозванцем. Она внушала Александру I мысль, что встреча с «государем всея Руси» нужна «Бонапарте» в целях саморекламы, укрепления своего авторитета. Наполеону, дескать, льстит общение с коронованной особой Европы. То, что делает царь, неразумно, ибо он сам способствует тому, что Наполеон чувствует себя «более сильным и более уверенным в своей силе, чем когда-либо». Поэтому встречи с Наполеоном не только бесполезны, но и опасны – Бонапарт обманет Александра. Все, что он обещает, ложь.

Вместе с тем в этой «анафеме» Наполеону содержались и практические рекомендации: «Я бы заключила мир с тем миром (Францией. – *В. С.*) только при условии практического воплощения слухов, ходящих по Петербургу, т. е. при условии, что мы сделаем большие и стоящие приобретения: Висла как граница с Пруссией и Дунай – пограничная река с Турцией, ибо без этого нам будет стыдно вспоминать, как мы братались с человеком, против которого справедливо и открыто выступили без малейшей настоящей выгоды и чести для России; мы принесли огромные жертвы, а зачем?»

Таким образом, императорская семья, с одной стороны, боялась Наполеона, а с другой – явно хотела подороже продать свое согласие быть с ним в мире. Требования присоединения к России почти всей Польши, Восточной Пруссии, а также Молдавии и Валахии было теми условиями, на которых они соглашались примириться с Францией. Сестра и мать Александра I и стоявшие за ними влиятельные круги сановного петербургского дворянства не чувствовали себя побежденными и пытались путем дипломатических переговоров с Наполеоном добиться того, чего они не сумели в 1805–1807 гг. получить в результате войны с Францией.

Но Александр I и сам не собирался капитулировать. Опасения быть откровенно обманутым Наполеоном его не пугали. Не случайно еще за неделю до Фридланда он писал сестре: «Бонапарт полагает, что я просто дурак. Смеется тот, кто смеется последний!»

23 июня Александр I ратифицировал текст франко-русского перемирия. Первый этап тильзитских переговоров (19–23 июня) закончился. Начинался второй этап (25–26 июня) – этап личных встреч Наполеона и Александра I на неманском плоту. Дипломатическая дуэль России и Франции вступила в новую фазу.

Инициатива личной встречи и на этот раз исходила от Наполеона. Уже 21 июня во время подписания перемирия Бертье по поручению Наполеона заявил; что Франция хотела бы «не только все привести к концу особенным (сепаратным. – *В. С.*) миром, но и сблизиться союзом, присовокупя к тому, что если бы главы обоих государств имели возможность объясниться, тогда бы в самое короткое время и мир последовал по существенным выгодам обеих держав».

О своем желании лично встретиться с Александром I Наполеон говорил Лобанову-Ростовскому 22 июня на обеде по случаю ратификации им перемирия. Вновь, теперь уже лично, он сказал представителю царя, что хотел бы видеть Александра I своим союзником. Более того, Наполеон даже пообещал царю... территориальное приращение за счет Пруссии, заявив, что западной границей России могла бы быть Висла.

О д н а к о А л е к с а н д р I в о п р е к и общераспространенному в исторической литературе мнению далеко не «вдруг», а после тщательного взвешивания всех «за» и «против» согласился на союзные переговоры. Первоначально он намеревался заключить с Францией только сепаратный мир, но не союз. 22 июня он заявил Куракину, что едет в Тауроген

(городок вблизи Тильзита) для того, чтобы «лучше направить и ускорить составление окончательного мирного трактата».

Царь согласился на личную встречу с Наполеоном прежде всего для выяснения намерений последнего относительно условий будущего мира. Состав лиц, которых царь взял с собой в Тауроген, также говорил лишь о намерении заключить мир: с Александром I поехали Будберг, Толстой, Ливен, Беклешов. Позднее к ним присоединились Константин, Бенигсен, Уваров, т. е. почти одни «пруссофилы». Ни один из них не отличался самостоятельностью суждений (как, скажем, Чарторыйский или Куракин), не был более или менее крупным дипломатом.

Судя по сведениям Куракина, царь намеревался в кратчайший срок завершить мирные переговоры. Во всяком случае он велел Куракину дожидаться его скорого возвращения, обещав дать ему последние наставления о поведении в качестве посла в Вене.

Подробное описание церемонии первой встречи двух императоров 25 июня на неманском плоту имеется в десятках книг и отражено в литографиях той поры. Следует отметить другое: большинство очевидцев, а также последующих исследователей истории заключения франко-русского союза придавали чрезмерное значение этой встрече, сосредоточив свои усилия на домыслах и догадках относительно содержания бесед Наполеона и Александра I с глазу на глаз в павильоне на неманском плоту. При этом на первый план выдвигалась именно эта фаза переговоров (встреча Александра I и Наполеона на Немане 25–26 июня), а последующие наиболее важные переговоры в Тильзите 27 июня – 9 июля отодвигались

на второй план. Ряд историков вообще рассматривал переговоры в Тильзите как чисто формальную процедуру подписания текстов мирного и союзного соглашений, поскольку, по их мнению, все было решено на неманском плоту. На деле, как мы увидим ниже, дело обстояло совсем не так.

Не совершая, подобно А. Вандалю, психологического экскурса в историю этих встреч, определенно можно утверждать одно: они носили характер личной разведки. Александр I шел с намерением выяснить условия заключения мира, Наполеон – союза. Ни о каком «обольщении» одного другим (А. Вандаль) не было и речи. Каждый хорошо знал, чего он хочет, и хотел подороже продать свой «товар». Можно допустить, что царь во время первой встречи разразился ругательной тирадой по адресу Англии (на этот счет есть документальные свидетельства кануна встречи, имея в виду беседу царя с Гоуэром 17 июня). Но что он сразу же согласился на союз с Францией – неверно. По-видимому, Александр I и Наполеон не смогли сразу договориться и решили продолжить переговоры на берегу. Их местом был избран Тильзит – резиденция Наполеона как формального победителя, причем с целью исключения давления на русскую делегацию половина Тильзита была нейтрализована.

Александр I вопреки ранее данному распоряжению срочно вызвал в Тильзит Куракина. 28 июня он прибыл в распоряжение русской делегации в Тильзите и с этого дня принимал самое непосредственное участие в работе по составлению мирного и союзного трактатов с Францией.

Заключительный этап переговоров проходил в острейшей дипломатической борьбе. Русская дипломатия не только не капитулировала, но боролась за каждую

статью соглашений. Наиболее острые разногласия вызвал вопрос о союзе.

Нагляднее всего об этом свидетельствует анализ двух не известных до сих пор документов русской дипломатии, относящихся к последнему этапу тильзитских переговоров: «Проект инструкций представителям, уполномоченным вести переговоры о заключении мира с Францией» и «Проект дополнения к инструкциям», опубликованные в третьем томе «Внешней политики России XIX – начала XX в.»

Значение этих документов велико еще и потому, что они являются свидетельством (в интерпретации Александра I) содержания конфиденциальных бесед царя с Наполеоном как на неманском плоту 25–26 июня, так и во время встреч в Тильзите, т. е. как раз той стороны тильзитских переговоров, вокруг которой (за недостатком источников) родилось больше всего домыслов и предположений.

Инструкции по заключению мира открываются обширной преамбулой, содержащей характеристику внешней политики России с января 1806 г. по июнь

1807 г. В ней говорилось: в 1806 г. у России были основания надеяться, что она будет не одинока в борьбе против Франции. Основная ставка была на союз с Пруссией, к которому Россия думала привлечь Англию и Австрию. Но, писал царь, «стечение обстоятельств, возникновение которых трудно объяснить, сделало все мои расчеты ошибочными». В результате России пришлось воевать один на один с Францией. Александр I понимал, что ведет войну в невыгодных условиях, но до последнего момента надеялся на помощь Англии и Австрии. Поскольку этого не произошло, а Россия одна не

в состоянии в ближайшее время разбить Францию, Александр I идет на сепаратные мирные переговоры с Наполеоном, тем более что «никакое положительное обязательство» не связывает его больше ни с Австрией, ни с Англией. Если Франция согласна, наконец, «ограничить свои претензии» и вести переговоры на «основах равенства и взаимоуважения», то он согласен заключить с Наполеоном мир.

Далее шли доказательства взаимовыгоды этого мира для обеих сторон. Залогом успеха наполеоновской дипломатии в 1801–1807 гг. была удачно осуществлявшаяся политика раскола своих противников. Она всегда сеяла среди них раздоры и смуту, не давая создать действительно единый антифранцузский фронт. Тем не менее пока существовала главная основа этого фронта – англо-русский союз, у Франции всегда были основания опасаться создания сильной антинаполеоновской коалиции. «Из этого заключения следует, – говорилось в инструкции, – что Франция должна заплатить самую большую цену за распад этого союза, который будет иметь место, как только Россия заключит сепаратный мир».

Кроме выгод, вытекающих для Франции из отказа России от союза с Англией, Наполеон получает от Александра I официальное признание розданных им титулов, а также различных изменений, произведенных им в Германии, Голландии и Италии. «Это мое признание, несомненно, в значительной степени укрепит все эти нововведения, и вы постарайтесь развить перед Бонапартом те выгоды, которые он сможет из этого извлечь». Царь особо подчеркнул, что он соглашается на признание территориальных приобретений Наполеона

без обсуждения правовых и фактических обстоятельств их получения.

Что требовал Александр I взамен? Прежде всего, чтобы Наполеон не вмешивался в русско-турецкие отношения: «Вы приложите все усилия для того, чтобы добиться этого результата, дав почувствовать, что, отдавая, таким образом, весь Юг под управление Бонапарта и отказываясь от всякого, даже самого косвенного, намерения разделить с ним влияние на Италию, Испанию, Португалию, Швейцарию, Голландию и, наконец, на значительную часть Германии, естественно, чтобы за мной оставили то влияние, которое я всегда оказывал на Константинополь и которое мне необходимо для обеспечения существования моих учреждений на Черном море».

Вторым условием было сохранение Пруссии во главе с Фридрихом-Вильгельмом III. Из бесед с Наполеоном царь вынес убеждение, что труднее всего будет договориться именно по этому вопросу. Здесь русским уполномоченным на переговорах предписывалось попытаться восстановить Пруссию в границах на 14 октября 1806 г. «Но в случае, если это станет практически невозможным из-за открытой оппозиции со стороны французских уполномоченных», добиваться восстановления Пруссии в урезанном виде (западная граница – по Эльбе) и выторговать еще некоторую территорию либо за счет Саксонии, либо путем присоединения к Пруссии Гамбурга и Любека.

Таким образом, русские представители должны были отстаивать в первую очередь интересы России в турецком и прусском вопросах.

В конце инструкции указывалось, что ведение франко-русских сепаратных мирных переговоров возлагается главным образом на Куракина. «В помощь ему» придается Лобанов-Ростовский, хотя последний также является полномочным представителем с правом подписи. Все возникающие разногласия Куракин обязан согласовывать лично с Александром I, а в его отсутствие информировать Будберга. Для «ведения переписки» в качестве помощников Куракину были назначены граф К. В. Нессельроде и князь Г. И. Гагарин.

Идя на переговоры с Францией, царь намеревался заключить с ней мир на условиях сохранения своей империи, невмешательства Наполеона в русско-турецкие отношения и восстановления (хотя бы в урезанном виде) Пруссии. О союзе пока речь не шла: Александр I вначале полагал, что сепаратный мир с Францией уже сам по себе представляет вполне достаточную цену за принятие Наполеоном условий России. На этом этапе российский император предполагал остановиться, чтобы получить передышку и собрать новые силы для реализации задач своей внешней политики. Возврат к духу парижских соглашений 1801 г. (с учетом всех прошедших к 1807 г. изменений в Европе, включая поражение III и IV коалиций) – вот тот максимум, на который первоначально соглашался царь.

Однако для Наполеона в отличие от его позиции в январе – феврале 1807 г. франко-русского сепаратного мира было мало. Он откровенно стремился к союзу с Россией для продолжения беспрепятственной, а еще лучше – совместной борьбы против Англии. Понимая, что для Франции возникли уникальные в своем роде обстоятельства для осуществления этого давнишнего плана Наполеона, французская дипломатия стремилась вынудить русскую дипломатию заключить франко-русский союз. В ход было пущено все – от бесед Наполеона с Александром I и всякого рода знаков личного внимания к царю до обработки членов русской делегации в Тильзите во время официальных приемов.

И тем не менее сближение проходило негладко. Отзвуки резких разногласий прослеживаются во втором

важнейшем документе тильзитских переговоров – «Дополнении к инструкциям», составленном несколько позднее предыдущего документа.

Наиболее острые разногласия вызывал вопрос о союзе. В «Дополнении к инструкциям» отмечалось: основываясь на многочисленных высказываниях Наполеона во время личных бесед, Александр I считает, что французские уполномоченные наверняка выдвинут «какое-то предложение о союзе между Россией и Францией». «Однако, хотя я и полон решимости заключить мир с этой державой и свято соблюдать обязательства... я не вижу пока необходимости завершать это сближение заключением союза между обоими государствами, поскольку этого, видимо, вовсе не требуют их будущие интересы, по крайней мере, в том виде, как они представляются сейчас». Царь явно хотел сделать вопрос о заключении союза предметом послетильзитских франко-русских переговоров.

Из «Дополнений к инструкциям» видны мотивы, по которым Россия противилась заключению союза: она не хотела быть втянутой в новую войну, теперь уже на стороне Франции. Александр I не без основания полагал, что Наполеон потребует от русских уполномоченных включения в текст союзного договора двух основных обязательств России: 1) закрытия русских портов для англичан (присоединения к континентальной блокаде); 2) активного участия России в деле принуждения Англии принять более либеральные принципы свободы морей и нейтрального мореплавания. Но Россия не может сейчас принять эти требования, отмечалось далее в этом интересном документе, ибо они тотчас вызовут англо-русский разрыв. Россия не может вести с Англией

морскую войну. Отсюда разрыв с Англией в настоящих условиях был бы не в интересах России.

Проект дополнения к инструкциям так определял позицию русской дипломатии по этому самому сложному вопросу: Россия должна взять на себя роль посредника в урегулировании разногласий между Францией и Англией. Для лучшего выполнения этой миссии она не должна быть связана какими-либо предварительными обязательствами ни с одной из сторон. Если же Англия не примет посредничества России, то последняя согласна примкнуть к континентальной блокаде на условиях создания антианглийского союза скандинавских стран (Дании и Швеции) и объединения военных флотов этих двух стран, а также Франции и России. Лишь при такой гарантии русской балтийской торговли Александр I закроет свои порты для англичан.

Но французская сторона упорно настаивала на скорейшем заключении союза. Она использовала как орудие давления два основных спорных вопроса: прусский (и связанный с ним польский) и турецкий.

Нельзя отрицать, что царь хотел бы путем соглашения с Францией получить какую-то территориальную компенсацию за счет Польши и особенно Турции, чтобы как-то оправдать в глазах правящего класса России свое сближение с Наполеоном, против которого совсем недавно была объявлена чуть ли не «священная» война. В целом ряде исторических работ проводится мысль, что именно в обмен на обещание Наполеона удовлетворить агрессивные «восточные» аппетиты Александра I царь согласился заключить с Францией союз, но в конечном итоге был обманут французским императором. Даже такой крупный исследователь восточного вопроса, как А. Ф. Миллер, писал «Александр I воспринимал слова Наполеона как конкретный план раздела Турции. Если даже у него и были сомнения в искренности Наполеона, он их тщательно подавлял». Анализ новых документов позволяет пролить дополнительный свет на эти сомнения царя.

Судя по «Проекту инструкций», первоначально Александр I желал бы совсем исключить турецкий вопрос из числа проблем, подлежащих обсуждению с Францией, отнеся это к области прямых русско-турецких отношений. Этот маневр не удался. По свидетельству Меневаля, Александру I все же пришлось обсуждать с Наполеоном восточный вопрос. «Несколько раз Наполеон, – писал в своих мемуарах его личный секретарь, – приглашал Александра в свой кабинет; он просил принести карты, среди которых встречалась карта Европейской Турции. Я видел их склонившимися над этой картой, внимательно изучавшими ее... Их занимали проекты раздела». Из

бесед с Наполеоном Александр I вынес впечатление, что французский император как будто бы хотел частичного или даже полного раздела европейских провинций Турции между Францией и Россией.

Правда, все эти соображения высказывались Наполеоном в довольно туманной форме. Поэтому Александр I отнесся к ним весьма настороженно. В «Проекте дополнения к инструкциям» мы находим развернутую критику французского предложения полного или частичного раздела европейских провинций Османской империи: «По многим весьма серьезным мотивам я не желал бы, чтобы турки были полностью вытеснены из Европы. Оттоманская империя настолько непрочна и дезорганизована, что Россия никогда не будет иметь менее опасного соседа с этой стороны, и, следовательно, любое изменение, ведущее к уничтожению этой империи, было бы ей невыгодно. Помимо этого важнейшего мотива, следует иметь в виду, что нельзя рассчитывать произвести окончательный раздел обширных и богатых провинций, составляющих Европейскую Турцию, без того, чтобы при этом не нарушилось доброе согласие, которое столь необходимо сохранять между заинтересованными государствами: если даже предположить, что удастся договориться обо всем остальном, Константинополь постоянно будет служить яблоком раздора и явится причиной споров, уладить которые будет тем более трудно, что обладание этой столицей поистине является делом величайшей важности». Во всяком случае Россия может допустить лишь два варианта обладания черноморскими проливами – либо в руках турок, либо в руках русских. Наконец, при всех этих комбинациях нельзя сбрасывать со счетов интересы Австрии, в расширении территории которой

сейчас не заинтересованы ни Россия, ни Франция. «Все эти мотивы, вместе взятые, заставляют меня решительно высказаться против окончательного раздела владений Османской империи...»

В противовес планам Наполеона по полному или частичному дележу турецких провинций Александр I выдвинул свой план раздела «сфер влияния»: «Я нисколько не буду возражать против реорганизации управления в провинциях, сопредельных с владениями Франции и России и имеющих для них особый интерес».

Раздел «сфер влияния», по мысли царя, должен произойти таким образом: «сфера влияния» России – Молдавия, Валахия и Сербия; «сфера влияния» Франции – Албания, Далмация, Которская область. Обе державы обязуются не вмешиваться в политику каждой из них в «ее» «сфере влияния».

Таким образом, русская дипломатия далеко не была «увлечена» французским проектом раздела Европейской Турции. В немалой степени такому скептическому отношению царя и его советников в Тильзите к планам раздела способствовали мифические предложения Наполеона по восточному вопросу еще до Тильзита. Нужно ли удивляться, что царь весьма настороженно отнесся к новому предложению Наполеона о разделе и дальше разговоров о нем в Тильзите не пошел. Вместе с тем он согласился принять участие в переговорах с Францией по восточному вопросу на базе раздела «сфер влияния» позднее, уже в рамках союзных отношений. Это согласие следует рассматривать как продолжение прежней франко-русской борьбы по восточному вопросу.

Царь понимал всю сложность восточного вопроса, его важности для правящих классов России и хотел действовать наверняка.

Но если восточный вопрос при всей его притягательности для Александра I все же относился к области проблематики последующих франко-русских переговоров, то гораздо более насущным был вопрос о Пруссии.

В противовес условию Александра I о восстановлении Пруссии хотя бы в урезанном виде Наполеон выдвинул контрпредложение о восстановлении Польши.

Польский вопрос был нужен Наполеону как выигрышная карта в дипломатическом торге с Александром

I. Что это было именно так, видно из сопоставления предложений Наполеона в начале и в конце переговоров. Выше уже говорилось о предложении, сделанном Наполеоном Лобанову-Ростовскому 22 июня относительно Вислы как западной границы России: французский император хотел «подарить» царю восточно-польские земли вместе с Восточной Пруссией. Тем самым Франция намеревалась вбить клин между Россией и Пруссией. Поскольку Александр I явно не соглашался на такой вариант, настаивая на сохранении Пруссии, Наполеон в обмен на сохранение урезанной Пруссии выторговал у царя согласие на создание у западных границ России польского государства под покровительством Франции (так называемого герцогства Варшавского).

Таким образом, накануне подписания Тильзитских соглашений русская дипломатия выдвинула следующие условия:

1. Россия готова отказаться от англо-русского союзного договора, направленного против Франции, и

заклучить с Наполеоном сепаратный франко-русский мирный договор.

2. Основой этого соглашения должно быть разделение «сфер влияния» в Европе (включая Балканы).

3. Обязательным условием такого соглашения должно быть сохранение Пруссии хотя бы в урезанном виде как противовеса Франции, Австрии и новому польскому государству, которое хотел создать Наполеон.

4. Союз с Францией против Англии в настоящих условиях преждевремен. Тем не менее Россия готова обсудить этот вопрос позднее.

Наполеон же настойчиво предлагал заключить союз. В обмен на этот союз (иными словами, обязательство Александра I начать вместе с Францией борьбу против Англии) он предлагал:

1. Полный или частичный раздел европейских провинций Турции между Францией и Россией.

2. Присоединение к России прусских и польских земель между Неманом и Вислой.

Русская дипломатия хотела решить эти задачи в рамках франко-русского сепаратного мирного договора, французская – в рамках союза.

Основным спорным вопросом был вопрос о присоединении России к континентальной блокаде. И царь, и его главный советник Куракин хорошо понимали всю тяжесть этого обязательства. В остальном условия Наполеона с одинаковым успехом можно было включить и в текст мирного, и в текст союзного соглашения.

В конце концов Александр I, убедившись, что Наполеон не примет его условий иначе как в рамках союзного соглашения, пошел на уступку и согласился заключить с Францией секретный союз.

К 30 июня 1807 г. основные пункты франко-русского примирения были согласованы. Теперь дело оставалось за редакцией этих соглашений. Здесь решающее слово принадлежало Куракину и Талейрану, которому Наполеон поручил отстаивать интересы Франции.

7 июля 1807 г. оба соглашения – русско-французский договор о наступательном и оборонительном союзе и русско-французский договор о мире и дружбе – были, наконец, подписаны: со стороны Франции – Талейраном, со стороны России – Куракиным и Лобановым-Ростовским. 9 июля Тильзитские соглашения были утверждены Наполеоном и Александром I.

Каковы же были условия этих соглашений, на которых отныне должны были строиться франко-русские отношения? Насколько статьи соглашений расходились с инструкциями Куракину и Лобанову-Ростовскому?

При первом беглом знакомстве с этими соглашениями кажется, что они, безусловно, целиком и полностью были выгодны Франции.

Действительно, в конкретных условиях международной обстановки в Европе 1807 г. Россия соглашалась на очень многое из того, против чего она выступала ранее. Так, Наполеон признавался, наконец, «императором французов», и, самое главное, Россия

признала все произведенные им к июлю 1807 г. территориальные и политические изменения в Западной Европе. Это санкционирование де-юре огромных приобретений Наполеона со стороны России было, безусловно, крупнейшей победой наполеоновской дипломатии, значительно укрепившей позиции Франции на международной арене и усилившей ее ставки в борьбе против Англии.

Мало того, в Тильзите оба императора провели как бы незримую линию (от Гамбурга на Балтике до Триеста на Адриатике) – вся Западная Европа отходила в «сферу влияния» Франции, а Восточная – в «сферу влияния» России. При этом наполеоновская дипломатия выторговала себе право вмешиваться в дела «спорных» районов – Пруссии и герцогства Варшавского (Центральная Европа) и Балкан (Южная Европа). Александру I удалось лишь сохранить в урезанном виде Пруссию (на территории которой, кстати, так и остались вплоть до 1813 г. французские войска). Наполеон сумел также навязать русской дипломатии свое посредничество при урегулировании спорных вопросов между Турцией и Россией. К Франции переходили и Ионические острова, из-за которых было пролито столько русской крови и потрачено так много английских денег.

Конечно, если сравнить итоги Тильзита с планами русских вдохновителей III и IV антинаполеоновских коалиций, намеревавшихся установить господство России в Европе, то это было явным поражением. Сам Наполеон в речи 16 августа 1807 г. во французском сенате не преминул упомянуть это обстоятельство.

Неудивительно, что почти все видные русские политические деятели эпохи III коалиции выступили

против Тильзита. В частных письмах к С. Р. Воронцову Чарторыйский называл Тильзитские соглашения «гибельными». Ему вторил Новосильцев. Кочубей, не согласный с политикой Александра I, в четвертый раз просил об отставке. А. К. Разумовский, которого Куракин в августе 1807 г. сменил на посту посла России в Вене, отказался прийти на обед, устроенный Куракиным в честь именин Александра I, и демонстративно отправился на обед к английскому послу Пемброку.

В своем противодействии Тильзиту бывшие «молодые друзья» (Чарторыйский, Строганов, Новосильцев) зашли так далеко, что стали распространять в Петербурге английские антитильзитские памфлеты. Это послужило непосредственным поводом к их отставке. Но и в отставке они в 1807–1812 гг. продолжали возглавлять оппозицию официальному внешнеполитическому курсу. Так, близко стоявший к «молодым друзьям» Кочубей в «Записке о политической системе России» писал накануне войны 1812 г., что в Тильзите Россия стала «орудием Наполеона».

Посланный Наполеоном в Петербург сразу после Тильзита с разведывательной миссией генерал Савари сообщал, что в русской столице выступают против союза с Францией и выражают недовольство политикой Александра I. Столичное дворянство открыто демонстрирует свое пренебрежение к посланцу Наполеона: кроме царя, его никто не принимает. Более того, группа подгулявших гвардейских офицеров демонстративно разбила камнями окна в посольстве Франции в Петербурге.

Антитильзитские настроения столичного дворянства отражали и мемуары современников. «На Петербург, даже на Москву и на все те места в России, коих просвещение более коснулось, – писал Вигель, – Тильзитский мир произвел самое грустное впечатление: там знали, что союз с Наполеоном не что иное может быть, как порабощение ему...» Недовольство союзом с Францией было заметно и в прогрессивных кругах столичного дворянства. Тургенев записал в своем дневнике накануне заключения мира в Тильзите: «Каков-то будет мир – неизвестно, прочен ли? Но вообще думаю, что он не может быть продолжителен или прочен, или выгоден для нас».

Правда, иные настроения царили в провинции. Там дворянство встретило окончание войны с Францией с облегчением. Вигель приводит весьма характерное рассуждение помещиков Пензенской губернии: «Ну что ж, – рассуждают они, – была война, мы победили неприятелей, потом они нас победили, а там обыкновенно, как водится, мир, и, слава богу, не будет нового рекрутского набору». Вигель – «патриот», он негодует и возмущается: «Что таким людям до народной чести, до государственной независимости? Были бы у них только карты, гончие, зайцы, водка, пироги... вот все их блаженство».

Тогдашние и нынешние критики Тильзита забывали самое главное: все эти уступки России по существу были лишь дипломатическим оформлением того, что фактически Франция завоевала оружием: французские армии уже оккупировали всю Германию и заняли Далмацию, отрезав Ионические острова от материка. Отказ признать эти свершившиеся факты был бы чреват для России новой войной, практически без союзников: Пруссия и Австрия были разбиты, Швеция занимала колеблющуюся позицию, Турция объявила России войну. Оставалась Англия, мало чем способная помочь России при военных действиях на суше.

Для наполеоновской дипломатии значение Тильзитских соглашений состояло не в признании Россией французского господства в Западной Европе – это было уже свершившимся фактом. Главное заключалось в том, чтобы на базе Тильзита заставить Россию воевать в союзе с Францией против Англии. Ради этого Наполеон пошел на частичное сохранение Пруссии, отказался от претензий на территорию России и даже передал ей Белостокскую область. Однако убедить Россию принять на себя четкие обязательства по борьбе с Англией Наполеон не сумел. Правда, судя по тексту Тильзитских соглашений, Александру I не удалось отклонить или перенести на будущее обсуждение вопроса об участии России в борьбе против Англии на стороне Франции. Статья 1-я союзного договора обязывала Россию «действовать сообща как на суше, так и на море» против всякой европейской державы, которая будет находиться в войне с Францией. Более того, Россия брала на себя очень тяжелое обязательство

присоединиться к континентальной блокаде, что неминуемо влекло полный разрыв англо-русских торговых и экономических отношений.

В этом состояла главная уступка царя Наполеону, и если бы Россия действительно стала совместно с Францией бороться против Англии, Наполеон мог бы праздновать победу. Но этого не случилось. Всячески декларируя на словах свою верность союзу с Наполеоном, царь и не думал следовать в кильватере политики Франции.

Нагляднее всего об этом свидетельствует его секретное письмо матери накануне второй встречи с Наполеоном в сентябре 1808 г. в Эрфурте.

Мария Федоровна, разумеется, была в числе яростных противников союза с Францией. Уже после заключения Тильзитских соглашений она пыталась убедить сына отказаться от них, объявив Франции новую войну. Александр I не только не послушался матери, но через год снова отправился на встречу с Наполеоном. И тогда Мария Федоровна написала сыну резкое письмо, в котором говорилось: Тильзит не принес мира Европе. Более того, Наполеон откровенно и сознательно обманул царя: Россия принуждена была объявить войну Англии, затем Швеции, ничего не получила на Балканах. В Эрфурте Наполеон потребует новых жертв. Тильзит и так принес стране всеобщее недовольство, упадок торговли, расстройство финансов. Царем недовольны все слои общества. А он хочет укрепить союз с Наполеоном.

Мария Федоровна пыталась ударить по самолюбию сына: Тильзит и так повредил его репутации, Эрфурт же «кладет на нее неизгладимое пятно, за которое когда-нибудь даже грядущие поколения будут упрекать

вас, каково бы ни было ваше дальнейшее царствование». Мать взывала к совести сына, грозила, что от него «отвернется» русский народ. Его и так считают орудием Наполеона. Ослепленный лестью императора Франции, Александр не видит, что идет к пропасти. «Во всем мире, – восклицала Мария Федоровна, – лишь вы один можете верить, что подобным путем (союзом с Францией. – *В. С.*) предотвратите бедствия и возродите благополучие и мир... Вы ошибаетесь и даже преступным образом...»

Письмо матери сыну, в котором она обвиняет его в предательстве! Это было серьезно. И Александр I ответил не менее откровенным письмом. В условиях военного преимущества Франции, писал царь, интересы России требуют «хороших отношений» с «этим страшным колоссом, с этим врагом». «Какими другими средствами могла располагать Россия для того, чтобы сохранить свой союз с Францией, как не готовностью примкнуть на время к ее интересам и тем доказать ей, что она может относиться без недоверия к ее намерениям и планам». Союз с Наполеоном – лишь изменение способов борьбы против него. Он нужен России для того, чтобы «иметь возможность некоторое время дышать свободно и увеличивать в течение этого столь драгоценного времени наши средства и силы... А для этого мы должны работать в глубочайшей тайне и не кричать о наших вооружениях и приготовлениях публично, не отказываться открыто против того, к кому мы питаем недоверие».

Вместе с тем такая тактика не означает, что Россия в ближайшее время снова начнет войну против Франции и вернется к пагубным «химерам» 1805–1807 гг. Они стоили России слишком дорого. Сейчас она должна

укрепить связи со своими бывшими союзниками, прежде всего с Австрией.

Лучшая тактика – тактика выжидания. Пусть в империи Наполеона растут внутренние трудности; Россия тем временем будет вооружаться. В заключение письма Александр I писал: «Если провидение предрешило падение этой колоссальной империи, я сомневаюсь, чтобы оно могло произойти внезапно; но если бы даже оно было и так, то более благоразумно выждать, чтобы она рухнула, а затем уже принять свое решение».

И все это писалось год спустя после Тильзита, когда, казалось, союз двух императоров был в зените и ничто как будто бы не омрачало их «трогательного» альянса.

Вряд ли Александр I додумался до этого в одиночку. Но он был достаточно гибок, чтобы прибегнуть к услугам более дальновидных деятелей, фактически и ставших творцами тильзитской политики России. Многие из того, что писал царь своей матери, прямо или косвенно совпадало с мыслями Куракина, Румянцева и Сперанского. И не случайно все трое заняли крупные государственные и дипломатические посты после Тильзита: Румянцев стал министром иностранных дел (канцлером), Сперанский – председателем Государственного совета, а Куракин – послом в Париже, что, впрочем, не помешало Александру I при новом изменении международной обстановки и угрозе войны 1812 г. начисто откеститься и от этих советников (подобно тому, как в 1806–1807 гг. от «молодых друзей»), а Сперанского в марте 1812 г. даже отправить в ссылку.

О взглядах Куракина и Румянцева уже говорилось. Очень близкую к ним позицию занимал Сперанский. В начале своей головокружительной карьеры Сперанский, этот крупный дворянский реформатор, был личным секретарем Куракина, который заметил толкового молодого человека и рекомендовал его министру внутренних дел Кочубею. В министерстве Кочубея Сперанский проработал с 1802 по 1806 г. По роду службы Сперанскому приходилось встречаться с Александром I. Царь обратил внимание на способного чиновника. Поскольку Сперанский имел репутацию сторонника франко-русского примирения и не раз одобрял буржуазные реформы во Франции (в частности, кодекс Наполеона, который он лично перевел на русский язык), после Тильзита Александр приблизил его к себе, сделав начальником своей личной канцелярии.

Свои мысли о союзе с Францией Сперанский изложил в очень интересной и малоизвестной записке «О вероятностях войны с Францией после Тильзитского мира». Хотя она и написана незадолго до войны с Францией (декабрь 1811 г.), Сперанский изложил здесь свои взгляды на русско-французские отношения, которых он придерживался в 1806–1807 гг. Сперанский писал: «Вероятность новой войны между Россией и Францией возникла почти вместе с Тильзитским миром. Самый мир заключал в себе почти все элементы войны. Ни России с точностью его сохранить, ни Франции верить его сохранению невозможно». Поэтому «Тильзитский мир для Франции всегда был мир вооруженный».

Сперанский хорошо понимал неизбежность нового, решающего столкновения России и Франции: «Тильзитский мир по существу своему есть мир невозможный не потому, чтоб Россия не могла выдержать торговых его последствий, но потому, что она не может никогда представить Франции достаточного ручательства в точном его сохранении. Следовательно, удаляя войну, должно, однако же, непрестанно к ней готовиться. Должно готовиться не умножением войск, которое всегда опасно, но расширением арсеналов, запасов, денег, крепостей и воинских образований».

Несомненно, что все эти соображения в той или иной мере высказывались во время тильзитских переговоров. В частности, Куракин писал Марии Федоровне после окончания редактирования совместно с Талейраном статей союзного договора: «Не умею выразить, как я чувствую себя счастливым, сообщая вам следующее известие: опыт и события последних лет возвратили государя к той системе и принципам, которые я по своему убеждению признаю за наиболее сообразные с его интересами...»

Куракин не только подтвердил свои взгляды на метод разрешения франко-русских разногласий, которые он высказывал задолго до Тильзита. Судя по редакции статей Тильзитских соглашений, он попытался осуществить их на практике, начав новый, дипломатический этап борьбы против Франции уже в июне – июле 1807 г.

До сих пор речь шла о тех зафиксированных в мирном и союзном соглашениях дипломатических победах Франции, которые юридически закрепили уже достигнутые ею военные победы над III и IV коалициями. Но во франко-русских соглашениях имелся и второй, скрытый подтекст. Он касался обязательств обеих союзниц на будущее. Эти статьи были составлены так, что давали каждой из сторон широкую возможность толкования своих обязательств.

Так, обязательства Франции о посредничестве в русско-турецких отношениях были составлены таким образом, что давали Наполеону неограниченную возможность саботировать любое выгодное России решение восточного вопроса, что, между прочим, и было великолепно использовано наполеоновской дипломатией позднее, в 1808 г. Но у Франции обязательств было мало. Гораздо больше их было у России. И вот здесь-то Куракин и приложил свою руку.

Важнейшим обязательством России было участие в войне против Англии. Статья 1-я союзного договора обязывала Россию действовать сообща против любой другой страны, воюющей с Францией, но зато статья 2-я предусматривала заключение в каждом таком конкретном случае специальной франко-русской конвенции, где будут определены «те силы, которые каждая из них должна употребить против общего врага, и те пункты, где эти силы должны действовать».

Насколько известно, за время действия франко-русского союзного соглашения в 1807–1812 гг. ни Россия, ни Франция так и не определили ни силы, ни

пункты действия, не заключили какой-либо военной конвенции ни против Англии, ни против ее союзников. Таким образом, вопрос о военном взаимодействии Франции и России против Англии был решен весьма неопределенно.

Даже тяжелое обязательство примкнуть к континентальной блокаде сопровождалось оговоркой, что оно будет выполнено Россией только после 1 декабря 1807 г. (в случае отказа Англии заключить с Францией мир). Это давало Александру I известное время подготовить общественное мнение России к изменению внешнеполитической и внешнеторговой ориентации страны.

Но гораздо важнее была не эта оговорка, а то, что в договоре ни слова не было сказано о порядке осуществления нейтральной торговли. Сколько в 1810–1812 гг. ни пыталась французская дипломатия добиться от России принятия постановлений, запрещающих нейтральную торговлю, она ничего не могла сделать – царское правительство постоянно ссылалось на Тильзитские соглашения, где ничего не говорилось о нейтральной торговле. Между тем нейтральная торговля, хотя и не компенсировала целиком ухода англичан с русского рынка, все же значительно облегчала участие России в континентальной блокаде. Позднее разногласия Франции и России из-за толкования понятия «нейтральная торговля» привели к резкому обострению франко-русских отношений и явились одной из основных причин войны 1812 г.

Практически, согласно союзному договору с Францией, Россия обязывалась: 1) разорвать с Англией

дипломатические отношения; 2) формально объявить ей войну; 3) прекратить прямую англо-русскую торговлю. Все остальное (разработка военных планов по взаимодействию России и Франции, меры усиления континентальной блокады и т. п.) зависело уже от будущего франко-русских отношений.

Сознавал ли Наполеон шаткость той основы, на которой он собирался принудить Россию участвовать в континентальной блокаде? Думается, что в определенной степени признавал, хотя военная победа над Россией (Фридланд) породила у него недооценку способности царизма к сопротивлению.

Но то, что мог не заметить Наполеон, обязан был видеть его министр иностранных дел Талейран. Уж он-то наверняка видел те лазейки в Тильзитских соглашениях, которые со временем могли быть использованы Россией, видел, ибо вместе с Куракиным редактировал проекты мира и союза. Видел и... не исправил. Почему?

Е. В. Тарле писал по этому поводу: «Талейрана в самом деле напугал Тильзит именно тем, что полная победа над всей Западной Европой и одновременное принуждение императора Александра I к союзу делали Наполеона хозяином порабощенного европейского континента, что по существу не могло не быть причиной новых отчаянных и кровопролитнейших войн; и действительно, министр Талейран уже искал себе нужного положения в том далеком будущем, когда выгоднее будет быть не с Наполеоном, а против Наполеона».

Очевидно, уже в Тильзите он искал какие-то окольные пути к царю, смотря сквозь пальцы на те прорехи в текстах Тильзитских соглашений, которые так

усердно оставлял Куракин на будущее. Нельзя признать случайным, что через четыре дня после Фридланда Талейран в письме Наполеону предостерегал его от переоценки этой победы. Талейран в очень осторожной форме рекомендовал Наполеону не продолжать войну, советуя рассматривать Фридланд как первый шаг на пути к русско-французскому миру.

В истории дипломатической дуэли 1801–1812 гг. переговоры о заключении мира и союза в Тильзите двух императоров имели исключительное значение. Они подводили итог не только целому периоду отношений Франции и России, где основным инструментом разрешения споров было оружие, но и открыли их новую главу.

Тильзит был (в более общем плане) и новой главой в истории самой наполеоновской империи, тем водоразделом, за которым начался период национально-освободительных войн против гнета наполеоновской Франции.

Не случайно видный немецкий исследователь наполеоновских войн Франц Меринг писал: «Тильзитский мир, казалось, возводил французского императора на вершину могущества, но на самом деле был величайшим грехопадением в его жизни». «Грехопадение» Наполеона состояло прежде всего в том, что он не сумел рассчитать своих сил в единоборстве против Англии и совсем просчитался в надеждах, что союз с Россией поможет ему одержать победу над ней.

Наполеон зовет Александра в Индию

Тильзитские соглашения Франции и России подвели жирную черту под историей отношений двух государств в 1801–1807 гг. Начинаясь новый этап франко-русских отношений. С внешней стороны все как будто бы обстояло прекрасно: союз с Наполеоном казался прочным, Александр I указом от 30 июля 1807 г. отменил «анафему» Наполеону: с 1 августа французским подданным разрешалось селиться в России и вступать в подданство царя.

В опубликованном 21 августа царском манифесте о заключении Тильзитского мира давалась следующая характеристика политики России: «В основаниях сего мира все предложения к распространению наших пределов, а паче из достояния нашего союзника (Пруссии. – *В . С.*), признали мы несогласными со справедливостью и достоинством России... Постановлением настоящего мира не токмо прежние пределы России во всей их неприкосновенности обеспечены, но и приведены в лучшее положение присоединением к ним выгодной и естественной грани» (имеется в виду присоединение Белостокской области к России. – *5. С.*).

Новая политика потребовала перестановки в государственном и дипломатическом аппаратах России. «Молодые друзья» были окончательно отстранены. На пост министра иностранных дел необходимо было назначить дипломата, который не был известен ни как сторонник Англии, ни как сторонник Пруссии. Выбор

Александра I пал на министра коммерции Н. П. Румянцева, дипломата старой екатерининской школы. Назначение Румянцева было весьма симптоматичным: он был сторонником мирных отношений с Францией, но еще в большей степени придерживался екатерининских принципов вооруженного морского нейтралитета и отстаивал политику невмешательства России в европейские дела. Царю были нужны и знания Румянцева в области внешней торговли России, поскольку теперь ее нужно было строить на другой основе, чем до 1807 г. Поэтому Румянцев одновременно сохранил пост министра коммерции.

Заметно возрастает влияние М. М. Сперанского. В 1808–1811 гг. он разработал ряд проектов реформ государственного аппарата. В 1810 г. Сперанский стал государственным секретарем Государственного совета, реформированного по его предложению в высший совещательный орган при царе.

В условиях всеобщего недовольства союзом с Францией, пожалуй, наибольшую трудность представляло подыскать кандидатуру русского посла в Париже. Второстепенный чиновник типа Убри не годился – туда нужен был гибкий и умный дипломат, к тому же достаточно известный в дипломатических кабинетах Европы. Казалось, лучше Куракина царю было не найти.

Но русские творцы Тильзита понимали, что, идя на союз с Наполеоном, они восстанавливают против себя, по крайней мере на первое время, значительную часть столичного дворянства. Предвидя это, Куракин еще в Тильзите отклонил предложение Александра I и Наполеона сразу же отправиться в Париж послом России. Мотивируя свой отказ, он писал Марии Федоровне: «Я

сознавался государю откровенно, что не могу решиться принять этот пост, потому что, ставя милости Вашего высочества выше всего, я не могу забыть, что Вы, даже шутя, всегда выражали нежелание, чтобы я поехал в Париж, что я слишком стар, чтобы подвергать себя ложным толкованиям, которые люди противоположной системы в Петербурге не преминули бы дать всем моим действиям».

Куракин поехал послом в Австрию, а вместо него в Париж был послан далеко не самый опытный среди русских дипломатов граф П. А. Толстой. Если вспомнить, что Толстой выступал за тесный союз с Пруссией против Франции, то станет понятным, что очень скоро его антифранцузские симпатии всплыли наружу. И действительно, с ноября 1807 г. по сентябрь 1808 г. Толстой, не переставая, бомбардировал царя и Румянцева донесениями о бесперспективности Тильзитского союза. Образчиком содержания и стиля донесений Толстого может послужить следующий отрывок из его депеши Румянцеву от 17 ноября 1807 г.: «Цели Бонапарта в отношении нас очевидны... Он хочет превратить нас в азиатскую державу, отбросить нас к старым границам и установить таким образом свое господство в центре наших провинций».

Мало того, Толстой не скрывал своих антифранцузских взглядов и перед самим Наполеоном. Так, в августе 1808 г. во время обострения франко-австрийских отношений, Толстой демонстративно отказался поддержать ссылку французского императора на прочность франко-русского союза. Все это не могло не вызвать резкого недовольства Наполеона, и во время

второй встречи с царем в Эрфурте в октябре 1808 г. он настойчиво попросил заменить Толстого другим лицом.

Наполеон стремился извлечь максимальную выгоду из Тильзитского союза. Уже сам факт союза с Россией был широко использован французской дипломатией для антианглийской пропагандистской кампании. Пользуясь тем, что союзный договор был секретным и не подлежал оглашению, наполеоновская дипломатия постаралась распространить в Европе и даже на Британских островах фальшивый «текст» Тильзитского трактата.

Эта фальшивка, составленная по всей форме подлинного договора, содержала поистине страшные для Англии статьи: Россия забирает себе все европейские провинции Турции и получает от Франции санкцию на расширение своей территории в Азии настолько, насколько она «найдет нужным»; Испания и Португалия отдаются Франции; Россия и Франция совместно атакуют Гибралтар, Франция оккупирует Северную Африку с Египтом; Средиземное море объявляется закрытым для английских судов.

Расчет Наполеона был простой: убедить англичан, что Россия полностью капитулировала и стала верным союзником Франции. Поскольку Наполеон и Александр I договорились сохранять статьи настоящего союзного договора в тайне, а французские агенты повсюду трубили о победе, в Англии, по-видимому, первое время склонны были принять эту фальшивку за действительный договор.

Впрочем, англичане не остались в долгу. Когда 6 ноября 1807 г. царское правительство после провала попыток добиться примирения Франции и Англии объявило о разрыве англо-русских дипломатических

отношений, а Наполеон 12 ноября послал в Петербург своего официального посла А. Коленкура, англичане решили припугнуть Александра I.

21 декабря, не успев еще покинуть Лондон, русский дипломатический представитель Алопеус был неожиданно приглашен к министру иностранных дел Каннингу, который «под большим секретом» сообщил, что, по имеющимся у английской разведки сведениям, против Александра готовятся заговоры, что выступление произойдет «в самое ближайшее время», но министр не знает точно, «направлены ли эти заговоры непосредственно против персоны моего августейшего государя или под угрозой находится форма правления в государстве». На вопрос Алопеуса, откуда у Каннинга такие сведения, английский министр сослался на какое-то письмо из Петербурга одному английскому «частному лицу», якобы случайно попавшее в руки английских дипломатов. Каннинг добавил, что это письмо к тому же без адреса и без подписи. На просьбу Алопеуса дать ему копию этого письма Каннинг ответил отказом. Каннинг особенно настаивал, чтобы депеша русского дипломата об этой беседе попала в руки Александра I. По его настоянию Алопеус перед отправкой зачитал ее текст и оставил Каннингу копию.

Ознакомившись с донесением, царь написал Н. П. Румянцеву: «Вот депеша, которую мне написал Алопеус. Речь идет не более не менее как об отправке меня в другой мир. Ваш Александр».

Борьба продолжалась не только между английской и французской дипломатиями. За фасадом здания тильзитских союзников также не утихал дипломатический торг. Первым пробным камнем разрешения спорных вопросов в рамках франко-русского союза был турецкий вопрос.

Сторонники союза с Францией в России – Куракин, Сперанский, сам Александр I – выражали большое сомнение по поводу раздела европейских провинций Турции путем полюбовного франко-русского соглашения. Тем не менее царь приказал своим дипломатам обсудить этот вопрос с их французскими коллегами, полагая, что в случае удачи некоторое территориальное приращение за счет Турции поможет ему успокоить недовольное провалом амбициозных планов III и IV коалиций англофильское и пруссофильское дворянство. Об этом со всей откровенностью Румянцев заявил в ноябре 1807 г. специальному французскому уполномоченному генералу Савари: «Император Александр положительно просит императора Наполеона, чтобы то, что он обещал, было исполнено теперь же. Он вынужден желать этого, так как ему необходимо показать своему народу результат Тильзитского договора как бы в оправдание мира, которого явно не одобряли».

Собственно, Александр I хотел заручиться формальным согласием Наполеона на присоединение к России трех уже оккупированных русскими войсками провинций Турецкой империи: Бессарабии, Молдавии и Валахии. Первоначально французская дипломатия пыталась обойти это требование России, направив его в

русло русско-турецких переговоров о мире при своем посредничестве. Переговоры, начавшиеся в местечке Слободзее 1 августа 1807 года, закончились для царской дипломатии крупным неудачей: турецкий представитель и французский «посредник», фактически блокировавшись, выступили единым фронтом против русского представителя С. Л. Лашкарова и навязали ему прямо противоположный замысел Александра I русско-турецкий мирный договор (так называемое Слободзейское перемирие от 24 августа 1807 года; пункт 3-й этого перемирия обязывал Россию в месячный срок вывести войска из Молдавии и Валахии.

Такой оборот дела, разумеется, совершенно не устраивал царя. Обвинив своих представителей в «превышении полномочий», Александр I отказался утвердить мирный договор. Пользуясь тем, что в Тильзитских соглашениях имелась лазейка в виде статьи 8-й союзного договора, позволявшая решать вопрос без участия турецкого правительства, и ссылаясь на широкоизвестные декларации Наполеона в Тильзите относительно раздела Оттоманской империи, царь решил обратиться непосредственно в Париж.

Намек на возможность прямых франко-русских переговоров о судьбе этих трех провинций был сделан уже в сентябре 1807 г. в инструкции П. А. Толстому. Не давая окончательного ответа, французская дипломатия прибегла к тактике оттяжек и оговорок, требуя, в частности, в качестве «компенсации» увеличения территории герцогства Варшавского – плацдарма Наполеона у западных границ России.

Бесплодные переговоры Толстого в Париже по восточному вопросу продолжались с ноября 1807 г. по

февраль 1808 г. Поскольку Россия не уступала. Наполеон, будучи сторонником тактики «лучшая оборона – это наступление», решил поставить свое согласие на присоединение трех турецких провинций к России в связи со своей главной задачей, ради которой ему нужен был франко-русский союз.

2 февраля 1808 г французский император пишет свое знаменитое письмо Александру I о походе в «жемчужину британской короны» – Индию. В письме содержится также намек на возможность полного раздела Османской империи. Для обсуждения конкретных деталей этого плана Наполеон предлагал Александру встретиться вторично.

Сама по себе идея такого похода была не нова. Однажды (в 1800 г.) Наполеон предлагал ее Павлу. Да и Александру I, по свидетельству крупного французского историка А. Вандаля, Наполеон еще в Тильзите предлагал принять участие в таком походе. Судя по черновым документам тильзитской встречи, царь весьма скептически отнесся к этим предложениям. Тот же скепсис чувствовался и в его беседах с Коленкуром полгода спустя, когда последний по приказанию Наполеона снова коснулся этой темы. Александр, доносил Коленкур в Париж в январе 1808 г., смотрит на проект похода в Индию «как на вещь почти невозможную».

После прямого обращения Наполеона к царю с письмом от 2 февраля позиция Александра I изменилась. 13 марта 1808 г. Александр I отвечает принципиальным согласием и на участие в экспедиции, и на новую встречу с Наполеоном (даже называет место – Эрфурт) при

условии, если Франция примет русские
контрпредложения по восточному вопросу.

Сказать, что царь и русское дворянство не хотели с помощью Франции «округлить» еще больше свои границы, значит погрешить против истины.

Другое дело, что реальные возможности для такого раздела Турецкой империи в 1808 г. практически равнялись нулю и главным противником его выступала сама Франция.

Уже в первой секретной инструкции Наполеона Коленкуру, направлявшемуся в качестве посла в Петербург, говорилось: «Император очень далек от мысли о разделе Турецкой империи и считает эту меру пагубной, но не желает, чтобы вы при объяснении с русским императором и его министром безусловно отвергали ее, и вам предписывается всеми силами доказывать мотивы, по которым необходимо отсрочить время приведения ее в исполнение. Этот старинный проект русского честолюбия может служить связью между Россией и Францией, и с этой точки зрения мы должны стараться не разрушать совершенно ее надежд». Из этой инструкции виден откровенно макиавеллистский подход Наполеона к восточному вопросу. Ни ранее (в 1800–1806 гг.), ни позднее (в 1807–1809 гг.) о реальном разделе Турецкой империи он не помышлял.

Выдвигая план похода в Индию и связывая его с разделом турецких владений, Наполеон хотел убить сразу двух зайцев: втянуть Россию в войну с Англией из-за Индии и утопить вопрос о разделе в бесконечных переговорах, тем самым выиграв время для реализации

совершенно конкретной задачи – завоевания Испании и Португалии.

Две цели маячили и перед Александром I: Константинополь и проливы – давняя большая цель русских царей; три турецкие провинции – цель поменьше. Сделав после 25 февраля (день получения письма Наполеона от 2 февраля) вид, что он во всем согласен со своим «союзником», царь старался убедить Коленкура, что главное – это раздел: «Я заявляю вам положительно: если речь идет о том проекте раздела, который согласован в Тильзите (раздел «сфер влияния». – 5. С.), то все готово, мы достигли договоренности еще до того, как увидели друг друга. Если же имеется в виду проект полного раздела, то переговорите с Румянцевым, возьмите карты, поразмыслите, прикиньте, что можно сделать и что подойдет для каждого... Константинополь – важный пункт, и, быть может, вы решите, что он слишком важен для нас. Мне пришла такая мысль: чтобы не создавать из-за этого затруднений, сделаем из него нечто вроде вольного города...»

Коленкур, с января 1808 г. получавший одну инструкцию за другой о недопустимости какого-либо практического раздела Турции, старался свести разговор к походу в Индию. Александр I согласен и на поход: «Я дам французскому императору столько солдат, сколько он пожелает... Моя Дунайская армия в готовности...» Одна небольшая деталь: «Если экспедиция может состояться, то только через Константинополь»; впрочем «небольшой отряд мог бы пойти через Ашхабад».

Итак, надо обсудить... Обеим сторонам, по-видимо-му, ясно, что основная цель ни для одной из

них не достижима. Но аппетиты друг друга надо выяснить – на всякий случай! 2 марта Румянцев и Коленкур садятся в Петербурге за стол переговоров. В центре внимания – проекты полного раздела Османской империи. О походе в Индию говорится мимоходом. Составляется множество вариантов. Румянцев наступает: кладет на стол перед Коленкуром даже проект конкретного раздела (так называемый мемуар «Общий взгляд на Турцию»); последний отсылает его Наполеону, а тот прячет «мемуар» под сукно. 9 марта переговоры заканчиваются составлением перечня разногласий (в основном по вопросу о проливах), который затем отправляется в архив.

Как и следовало ожидать, «союзники» ни до чего не договорились. Каждая сторона осталась при своем мнении и на прежних позициях.

Вместе с тем для русской дипломатии, несмотря на бесплодность переговоров, они были важны по двум причинам: во-первых, менее чем через полгода после обещаний Наполеона в Тильзите стало совершенно ясно, что рассчитывать на поддержку Франции в деле новых территориальных приобретений на Балканах уже нечего. Более того, Румянцев окончательно приходит к убеждению, что любые мирные переговоры с Турцией надо вести без посредничества Франции, сугубо сепаратно. Ни на какие новые предложения Наполеона по турецкому вопросу (Александр I в Эрфурте – в октябре, Румянцеву в Париже в ноябре – декабре 1808 г.) Россия больше не соглашалась.

Во-вторых, в ходе мартовских переговоров 1808 г. русскому правительству стало ясно, что, боясь дальнейшего обострения разногласий, Наполеон пока не

сможет прямо противиться включению турецких провинций, занятых русскими войсками, в состав России. На это и была сделана ставка во время эрфуртских переговоров в сентябре – октябре 1808 г.

«Сердечное свидание» в Эрфурте

Идея второй личной встречи двух императоров была выдвинута Наполеоном в том же письме от 2 февраля 1808 г. Стремясь, с одной стороны, отвлечь внимание Александра I от войны в Испании, а с другой – увлечь его планами новых территориальных приобретений на юге (Балканы) и севере (Финляндия), французский император хотел любой ценой втянуть Россию в войну против Англии и ее союзников (в частности, Швеции). Конкретные детали реализации этих грандиозных планов предлагалось обсудить при личной встрече, тем более что Коленкур до февраля 1808 г. постоянно ссылался на отсутствие у него полномочий на подписание какого-либо соглашения о дунайских провинциях.

Перспектива присоединения к России Финляндии (на что Наполеон официально давал согласие, если Россия заставит Швецию примкнуть к континентальной блокаде), разумеется, была для творцов Тильзита весьма заманчивой. Испытывая постоянное давление со стороны противников франко-русского союза, они были не прочь компенсировать неудачу переговоров с Францией по турецкому вопросу значительным приобретением на севере. Ответив согласием на предложение о новой встрече, царь одновременно приказал форсировать начало русско-шведской войны.

Надо сказать, что тактика проволочек, применявшаяся Францией в турецком вопросе, с не меньшим успехом практиковалась ее «союзницей» в вопросе шведском. Хотя по условиям Тильзитских

соглашений Россия обязана была принудить Швецию (дипломатическим или военным путем) примкнуть к континентальной блокаде, фактически царское правительство начало войну со Швецией лишь в феврале 1808 г., хотя об отказе Швеции примкнуть к блокаде стало ясно еще в сентябре 1807 г.

Таким образом, весной 1808 г. Россия оказалась в состоянии войны на два фронта – против Швеции и против Турции (на Дунае и в Закавказье), причем вопрос о будущих территориальных приобретениях за счет этих государств (точнее, их юридическое оформление) вновь повис в воздухе. Русская дипломатия первоначально опасалась, что с Финляндией может произойти та же история, что и с Молдавией и Валахией: Россия ее оккупирует, а Франция будет тянуть с официальным признанием этого акта. Конечно, окончательная санкция Наполеона на присоединение Финляндии нужна была Александру I чисто формально – важно было завоевать территорию. Но верный своей тактике выжидания, царь не хотел до поры до времени обострять франко-русские отношения, и без того становившиеся натянутыми.

Как только война России со Швецией стала фактом, Наполеон охладел к идее новой встречи с царем. Переговоры по восточному вопросу он поручил Коленкуру, а сам уехал в Испанию. Что касается русско-шведской войны, то здесь французская дипломатия надеялась на ее затяжной характер по типу русско-турецкой войны.

Наполеона начинало беспокоить ухудшение внешнеполитического положения Франции из-за войны в Испании и угрозы войны с Австрией.

Франция начала завоевание Испании и Португалии в ноябре 1807 г., менее чем через полгода после Тильзита французские войска, сначала успешно продвигавшиеся вперед, вскоре столкнулись с упорным сопротивлением. Положение особенно осложнилось, когда в мае 1808 г. в Испании началась «герилья» – народная партизанская война против захватчиков.

Неудачи французской армии вынудили Наполеона бросить все дела в Париже и срочно отправиться в Испанию. Однако это не спасло французскую армию от поражения. 13 июня 1808 г. под Байленом был окружен и капитулировал 14-тысячный корпус генерала Дюпона. Слухи о «байленской катастрофе» быстро распространились по всей Западной Европе, нанеся серьезный ущерб мифу о непобедимости наполеоновских армий. Не лучше обстояло дело и в Португалии. Там высадились английские войска, и в августе 1808 г. они совместно с португальцами разбили корпус генерала Жюно и вытеснили французов из страны.

Крупные неудачи на Пиренейском полуострове для Франции усугублялись все растущей угрозой военных приготовлений Австрии. Оставаясь единственным в континентальной Европе государством, еще не оккупированным французскими войсками, Австрия внимательно следила за событиями в Испании и Португалии. Австрийские правящие круги понимали, что в случае покорения Пиренеев наступит очередь и их

страны: Наполеон либо навязет Австрии кабальные дипломатические соглашения, либо пойдет на нее войной, и тогда ей будет уготовлена участь Пруссии, где с 1806 г. все крепости были заняты французскими войсками.

Горя жаждой реванша за поражение в 1805 г., стремясь вернуть себе отторгнутые Францией провинции на Балканах (Истрию и Далмацию), австрийский двор уже давно исподволь готовился к войне. Австрийский император Франц I создал значительный резерв регулярной армии; беря пример с России, он образовал в мае 1808 г. ополчение (ландвер).

Все эти действия австрийского правительства не остались незамеченными Францией. Перспектива войны на два фронта (против испанских повстанцев и против Австрии) вместо усиления прямой борьбы с Англией мало устраивала Наполеона. Вся сложная политическая система, заложенная французской дипломатией в 1806–1807 гг., к лету 1808 г. находилась под угрозой: Испания, Португалия, Швеция оставались вне рамок континентальной блокады. Мало того, война с Австрией могла нанести этой системе значительный ущерб, если она началась бы в столь неподходящее время. Вдобавок ко всему из Турции пришло новое тревожное известие: в Константинополе Мустафа-паша Байрактар в июле 1808 г. свергнул профранцузского султана Мустафу IV.

В столь сложных для Франции условиях Наполеон «вспоминает» о свидании с Александром: как никогда после июля 1807 г. Бонапарту необходимо было подтверждение Тильзитского союза. Особенно важна была военная поддержка России против Австрии. Однако Александр не спешил. Понимая, что время работает на него, он под предлогом неотложных дел отсрочивает летом 1808 г. намеченное в Эрфурте свидание.

Наполеон правильно расценил медлительность царя как приглашение дать какие-либо доказательства уступок в русско-французских спорных вопросах. Памятуя об упорной защите Александром I в Тильзите год назад интересов прусского короля, он, наконец, заключил 8 сентября 1808 г. с Пруссией конвенцию (предусмотренную еще Тильзитскими соглашениями) о размере контрибуции за поражение в войне 1806 г. и сроках вывода французских войск из прусских крепостей.

Наконец, после длительной отсрочки вторая встреча Наполеона и Александра I состоялась. С внешней стороны новое свидание было обставлено не менее пышно, чем встреча в Тильзите. Особенно старался Наполеон: он захватил из Парижа почти весь свой двор, гвардию и даже... «Комеди франсез». Пышность и торжественность, показная «сердечность» свидания должны были, по мысли Наполеона, убедить Европу в прочности союзных уз двух императоров.

Но закулисная сторона русско-французских переговоров, проходивших в Эрфурте с 28 сентября по 14 октября, была далеко не так «сердечна». Как и в

Тильзите, позиции «союзников» по целому ряду важнейших вопросов резко расходились. Наполеон по-прежнему стремился заставить Россию принять активное участие в войне против Англии. Особенно важна была ему военная поддержка России против Австрии. Но переговоры в Эрфурте проходили для Франции в менее благоприятных условиях, чем в Тильзите: неудачи в Испании и угроза войны с Австрией делали французскую дипломатию более уступчивой.

Царь и его советники отлично понимали обстановку. Вопрос об усилении войны с Англией они столкнули в русло прежних тильзитских предложений: сначала давайте попробуем снова договориться с англичанами о мире, а уже потом, в случае неудачи, будем разговаривать об усилении войны. Впрочем статьи Эрфуртской франко-русской союзной конвенции от 12 октября 1808 г. в части, касающейся Англии, были скорее проникнуты боязнью Франции русско-английского сепаратного мира, нежели стремлением к усилению англо-русской войны.

Вынужденный по существу снова согласиться на весьма неопределенные обязательства России в войне против Англии, Наполеон решил взять реванш в австрийском вопросе. Он требовал твердого согласия Александра I на вооруженную поддержку Франции в австро-французской войне. Царь, направившийся в Эрфурт главным образом для того, чтобы (как он писал матери) «спасти Австрию», упорно отказывался принять четкие обязательства.

По свидетельству Коленкура, разногласия по австрийскому вопросу едва не привели к срыву переговоров. «Ваш император Александр упрям, как

осел, – жаловался Наполеон в порыве гнева Коленкуру, – он притворяется глухим, когда не желает слушать».

В итоге Россия так и не приняла на себя четкого обязательства на случай франко-австрийской войны. Соответствующая статья Эрфуртской союзной конвенции (статья 10-я) была составлена в столь туманных выражениях, что позднее, в 1809 г., это дало Александру I «законное» основание уклониться от активных военных действий.

Если Александр I не уступил в английском и австрийском вопросах, то Наполеон оказался не менее тверд в прусском и польском. Он категорически отверг требование царя вывести свои войска из Пруссии до уплаты последней контрибуции. Максимум, чего добился Александр, это сокращение размеров контрибуции со 140 млн. до 120 млн. франков и увеличение рассрочки ее выплаты до трех лет. Ссылаясь на угрозу со стороны Австрии, Наполеон отказался также прекратить военные поставки герцогству Варшавскому.

Особое место на переговорах заняли вопросы о Дунайских провинциях и Финляндии. Попытки наполеоновской дипломатии утопить обсуждение конкретного вопроса о Молдавии и Валахии в общих разговорах

о разделе Османской империи или отделаться туманными обещаниями рассмотреть этот вопрос в будущем, после заключения мира с Англией, не имели успеха. Румянцев в самой категорической форме заявил Шампаньи: «Мы не можем согласиться на такое состояние дел, которое длится уже год. Это слишком противоречит нашим интересам... Мы не можем ждать больше».

Наполеону пришлось уступить. В итоге в союзной конвенции появилась статья 5-я: «Высокие договаривающиеся стороны обязуются считать неременным условием мира с Англией признание ею Финляндии, Валахии и Молдавии как входящих в состав Российской империи». И хотя эти новые территории были завоеваны силой оружия (причем Финляндия – только

год спустя после Эрфурта), а не «дарованы» Францией, само по себе закрепление этих завоеваний в международном договоре было большой дипломатической победой России.

Официальное согласие Франции на такое территориальное приращение, несомненно, значительно усилило аргументацию «творцов Тильзита» в их полемике с противниками франко-русского союза. Царь и его спутники возвратились из Эрфурта со значительно большими трофеями, нежели из Тильзита. Тогда в портфеле у Будберга была только небольшая Белостокская область на западных границах. Теперь же Румянцев привез сразу четыре обширные провинции. Союз с Францией казался не таким уж плохим.

Вопрос о судьбе Бессарабии, Молдавии, Валахии и Финляндии оказался единственной проблемой, получившей в Эрфурте четкое решение. По всем остальным спорным вопросам (Англия, Австрия, Пруссия, герцогство Варшавское, усиление континентальной блокады и т. д.) союзная конвенция в Эрфурте и по духу, и по букве была точным сколком с неопределенных статей союзного договора в Тильзите. Решения по ним либо отсутствовали в тексте совсем, либо формулировались в крайне туманных выражениях, что по-прежнему давало обеим сторонам широкую возможность произвольного толкования своих обязательств. Правда, Эрфурт отсрочил на полгода франко-австрийскую войну, развязав Наполеону руки в Испании: через неофициального австрийского представителя на переговорах генерала Винченца Александру I удалось убедить Франца I пока воздержаться от войны с Францией.

Как и в Тильзите, в Эрфурте было условлено, что спорные вопросы франко-русских отношений (в частности, конкретные военные операции против Англии) станут предметом обсуждения во время следующей встречи Наполеона и Александра I. Специальная статья союзной конвенции даже определила срок этой встречи – «в течение года» но эта третья встреча так никогда и не состоялась.

В итоге Эрфуртская союзная конвенция лишь ненадолго укрепила союз России и Франции и не устранила растущие противоречия, которые оба императора временно скрыли под туманными формулировками соглашения.

Понимая шаткость новых соглашений, Александр I решил быть «союзником» вдвойне осторожным. Почти сразу же после свидания царь направляет в Париж двух своих дипломатов: министра иностранных дел Н. П. Румянцева (октябрь) и нового посла России во Франции А. Б. Куракина (ноябрь).

Обе миссии носили формальный характер: ни Румянцеву, ни Куракину не было предписано предпринимать каких-либо демаршей по вопросам франко-русских отношений, а последнему вообще не было дано никаких инструкций. К тому же в связи с отъездом Наполеона в Испанию в октябре 1808 г. аккредитация Куракина в качестве официального посла задержалась, и вплоть до февраля 1809 г. он проживал в Париже фактически на положении частного лица. Александра I, который предпочитал все нужные ему сведения получать через Коленкура, такое двусмысленное положение своего дипломатического представителя в Париже вполне устраивало, тем более

что и министр, и посол находились в одном городе, и, по мнению царя, могли сколько угодно обмениваться впечатлениями, благо Наполеона все равно не было в Париже.

И Румянцев, и Куракин важны были как источники информации о настроениях во Франции после Эрфурта.

Куракин в основном сообщал об отрицательном влиянии континентальной блокады на Западную Европу. Более ценной была информация Румянцева. Очевидно, он получил от царя негласное задание продолжить столь важные для русской дипломатии контакты с Талейраном. Правда, Талейран не сообщил Румянцеву в тот период никаких сверхсекретных сведений (для них придет время позднее), но даже второстепенная информация о настроениях в наполеоновском окружении, об антина-полеоновской литературе во Франции и т. д. была важна для Александра.

Как и следовало ожидать, явный кризис в отношениях Франции и России наступил во время австрофранцузской войны 1809 г. Не дожидаясь, пока Наполеон расправится с ним, как с прусским королем, австрийский император решил попытаться выступить первым. Воспользовавшись тем, что Наполеон к весне 1809 г. окончательно увяз в войне против испанских партизан, Австрия в апреле начала военные действия против Франции. Новым в этой войне были партизанские восстания в тылу французских войск (Тироль), растущие симптомы национально-освободительной борьбы народов Западной Европы против наполеоновского господства.

Война длилась с апреля по июль 1809 г. и была одной из самых кровопролитнейших за всю историю наполеоновских войн. Наполеону пришлось напрячь все усилия, чтобы разгромить австрийцев: 5–6 июня 1809 г. при Ваграме австрийская армия потерпела поражение. Австрия была серьезно ослаблена и до 1812 г. сведена на роль зависимой от Франции страны. Но эта война до предела обострила русско-французские отношения.

По Тильзитскому союзу, а также в силу заключенной в Эрфурте конвенции Россия формально обязана была участвовать в войне против Австрии на стороне Франции. Конечно, Франция могла и одна разгромить Австрию (что и произошло), но для Наполеона участие России в войне имело принципиальное значение – ведь франко-русский союз существовал уже почти два года, а царь пока не дал Наполеону ни одного солдата.

Конечно, Наполеон из бесед с Александром I в Эрфурте и Румянцевым в Париже, из донесений Коленкура из Петербурга знал об отрицательном отношении России к войне с Австрией. Понимал он и туманность обязательств России по Эрфуртской союзной конвенции. Но все же наполеоновская дипломатия надеялась, что, если война начнется, Россия не останется нейтральной. Надеялась... и просчиталась.

Еще в январе 1809 г. австрийский император направил в Петербург своего представителя князя Шварценберга со специальным заданием добиться нейтралитета России в австро-французской войне. В ходе секретных переговоров уже после начала войны Шварценбергу на последней аудиенции у царя 18 апреля 1809 г. удалось вырвать согласие на фактический нейтралитет, хотя царь и заявил, что формально (для Франции) Россия объявит Австрии войну. Это тайное австро-русское соглашение было оформлено в виде протокола беседы Александра со Шварценбергом, который вел последний; затем протокол был просмотрен и отредактирован царем и отправлен австрийскому императору как письменная гарантия нейтралитета России. И действительно, Россия формально объявила Австрии войну, отозвала своего посла из Вены и выдвинула на восточные австрийские границы один русский корпус, который практически не принял участия в активных военных действиях.

Кризис союза между Наполеоном и Александром был налицо. 2 июня 1809 г. Шампаньи послал Коленкуру инструкцию, в которой содержалась угроза Наполеона порвать союз с Александром. Французский император, писал Шампаньи, «не ценит более союз с Россией».

Но в 1809 г. Наполеон еще не решился пойти на полный разрыв. Более того, стремясь заделать трещину в союзе, Наполеон при дележе австрийской территории вынудил Австрию передать царю Восточную Галицию, занятую русскими войсками. Но и эта новая территориальная подача России не улучшила франко-русских отношений.

Тактика обещаний и проволочек, применявшаяся обеими «союзными» дипломатиями с 1807 г., после 1809 г. усилилась. Наполеон, и ранее настоятельно советовавший своим дипломатам не скупиться на устные обещания, теперь более чем когда-либо требовал не оставлять письменных доказательств.

Типичный для этой тактики инцидент случился с Коленкуром еще в мае 1808 г., когда французский посол вручил Румянцеву памятную записку по шведскому вопросу, копию которой он направил своему министру иностранных дел Шампаньи. Одобрив выраженные в этой записке французского посла предложения по подталкиванию России на войну со Швецией, Шампаньи в то же время указал послу, что «было бы лучше сказать устно все то хорошее, что имеется в этом мемуаре, чем фиксировать это письменно». Одновременно министр иностранных дел Франции писал, что Наполеон «рекомендует своим дипломатическим представителям лишь в самом крайнем случае объясняться письменно, вступая в переговоры с правительствами, при которых они находятся».

К чему привело забвение этого принципа, наглядно показал случай с подписанием Коленкуром франко-русской конвенции о Польше.

Созданное в Тильзите герцогство Варшавское с самого начала своего существования стало источником сильного беспокойства для правящих кругов России. Если в Петербурге и мирились с существованием у западных границ Российской империи сравнительно небольшого герцогства Варшавского под французским протекторатом,

то категорически возражали против его территориального расширения. А именно это сделал Наполеон, передав в 1809 г. герцогству часть территории Австрии. Но поскольку эта передача формально затрагивала интересы его «союзника», французский император поручил своему послу в России провести переговоры.

Переговоры Румянцева и Коленкура по польскому вопросу, казалось, увенчались успехом: 4 января 1810 г. они подписали предварительно одобренный Александром I проект франко-русской конвенции о Польше. Статья 1-я этого соглашения гласила: «Польское королевство никогда не будет восстановлено». Статья 5-я запрещала расширение существующей территории герцогства Варшавского.

Однако столь определенное обязательство совершенно не устраивало французское правительство. 30 января Шампаньи докладывал своему императору: Коленкур допустил ошибку, подписав столь четко сформулированные статьи конвенции о Польше. Ее редакция должна быть «менее категоричной и менее позитивной». Шампаньи предлагал не утверждать конвенцию. Однако, чтобы не вызывать раздражения Александра I простым отклонением (ибо это может быть расценено в России как «отказ Франции от союза, что не входит в виды» Наполеона), следует направить в Петербург другой вариант конвенции с более неопределенной редакцией, заранее снабдив его ратификацией. 10 февраля Коленкуру был направлен новый текст конвенции. Статья 1-я французского варианта гласила: «Император Наполеон обязуется не

поощрять никаких попыток, имеющих целью восстановление Польского королевства».

Но даже и эта неопределенная редакция вызвала опасение Наполеона, как бы националистические круги герцогства не стали искать сближения с Петербургом ввиду отказа Франции поддержать их притязания на новые земли. Поэтому через два дня Шампаньи срочно высылают Коленкуру для включения во французский вариант специальную статью, объявляющую конвенцию секретной. «Эта статья тем более необходима, поскольку настоящая конвенция была подготовлена лишь для успокоения русского императора с целью сделать из него гаранта намерений императора Наполеона...» – писал Шампаньи.

Последнее замечание Шампаньи, пожалуй, лучше всего характеризует тактику обеих дипломатий за весь период существования франко-русского союза. Тем более, что позднее Наполеон сам признавал: «Польша и Константинополь были теми двумя французскими интересами, по которым любая сделка была невозможна».

Все это не мешало обоим императорам в официальной переписке и до 1809 г., и после клясться в «вечной дружбе» и «искреннем» стремлении к полюбовному разрешению спорных вопросов. Так, призывая Александра I принять участие в походе в Индию, Наполеон взывал: «В этих немногих строках я изливаю в. в-ву всю мою душу. Дело Тильзита установит судьбы мира».

Отвечая Наполеону, Александр I заклинал: «Взгляды в. в-ва кажутся мне столь же великими, как и верными. Только такому исключительному гению, как вы, дано в удел задумать столь обширный план».

А трещина в союзных соглашениях все расширялась. И главной причиной краха союза были не только неудачи в дипломатическом торге, на который «союзники» не возлагали больших надежд, но более существенные, объективные причины, действие которых не зависело от дипломатических демаршей.

Где взять деньги для России?

К 1806 г. наполеоновские планы высадки военного десанта в Англии потерпели провал. Поэтому французская буржуазия вынуждена была изменить методы борьбы с английской морской, торговой и колониальной гегемонией, придав ей форму экономической войны. 21 ноября 1806 г. в Берлине Наполеон провозгласил декрет об экономической блокаде Британских островов, открывшей новую страницу франко-английской борьбы.

Как отмечал Е. В. Тарле, публикуя декрет о континентальной блокаде, Наполеон преследовал две основные цели: 1) экономически разорить Англию и тем самым заставить ее просить мира; 2) избавить французскую промышленность от английской конкуренции на рынках континентальной Европы.

С 1806 г. все дипломатические и военные акции Наполеона были тесно связаны с созданием вокруг Французской империи целой системы зависимых и союзных государств – системы, необходимой для успешного функционирования блокады.

Попытки объявить блокаду делались Наполеоном и ранее: еще 20 июня 1803 г. во Франции был опубликован декрет о запрещении ввоза товаров из Англии и ее колоний. Но тогда это запрещение не дало эффекта – английские купцы свободно торговали по всему атлантическому и балтийскому побережьям Европы (исключая побережье Франции), а главное, с Россией. Даже после провозглашения берлинского декрета

блокада оставалась малоэффективной до тех пор, пока в Тильзите Наполеон не принудил царя примкнуть к этому новому экономическому эксперименту. Наполеон отлично понимал, что без участия России блокада будет бумажной завесой против торговой мощи Великобритании.

Выше уже отмечались те общие мотивы, которые вызвали в русских торгово-промышленных кругах рост антианглийских настроений, способствовавших благоприятному отношению части дворянства и купечества к экономическому разрыву с Англией. Но в целом участие России в блокаде несло ей гораздо больше бед, чем преимуществ. И дело здесь было не только в разрыве англо-русских торговых отношений. Такое случилось и ранее, скажем, при Павле I, но в то время разрыв не причинил России сколько-нибудь серьезного экономического ущерба.

В 1807 г. Россия примкнула к блокаде в совершенно других, неизмеримо более тяжелых условиях. Участие России с 1804 г. в почти непрерывных войнах с Персией, Францией, Турцией еще до присоединения к блокаде существенно вредило ее внешней торговле. С 1804 г. из-за войны с Персией торговля с персидскими купцами велась уже с перебоями. В связи с войной с Турцией с начала 1807 г. для русских торговых судов были практически закрыты южные морские ворота – Черное море, а также сократился приход иностранных судов в черноморские порты России.

Военные действия в Европе и особенно начало континентальной блокады внесли еще большую дезорганизацию в европейскую торговлю, отрицательно сказавшись на внешнеторговом балансе России. С

1806 г., еще до присоединения к блокаде, начался упадок русской торговли. «С этого года, – писал Румянцев в отчете по министерству коммерции за 1806 г., – пути торговые уже всецело определяемы были обстоятельствами военными... Движение французских сил в середину Европы против Пруссии, блокада немецких вольных городов, наложенная англичанами в 1806 г., приблизили военное пламя к северу, и потому сей год не мог принести тех выгод торговли, ежегодно возрастающей в России, какие во время покоя приметны были».

Разрыв с Англией в условиях продолжения войны с Турцией и Персией еще более усугубил кризисное состояние внешнеторгового баланса страны: «непотухающее военное пламя в Европе и, наконец, последовавший разрыв с Англией были поводом, что и в 1807 г. торговля наша была в упадке. Привозы против 1806 г. уменьшились с лишком на 11 млн., а отпуски – на 9 млн. руб.»

Как уже отмечалось, в начале XIX в. Англия занимала первое место во внешней торговле России, особенно на севере страны. Англия была самым крупным потребителем основных статей русского экспорта. Кроме того, ее преимущество заключалось в том, что на английских судах до 1807 г. вывозилось большинство русских экспортных товаров (лес, пенька, парусное полотно, зерно и др.); поскольку эти товары из-за больших транспортных издержек при отправлении их сухим путем нуждались в перевозке морем, здесь и проявлялась определяющая роль английского морского транспорта.

Н. П. Румянцев, Н. С. Мордвинов и др. еще в конце XVIII в. указывали на эту опасную зависимость России от Англии в области экспорта и предлагали развивать отечественный торговый флот.

Тогда эта задача не была решена. Теперь России приходилось расплачиваться.

Царское правительство с явной неохотой выполняло свое единственное реальное обязательство перед Францией – участие в континентальной блокаде. Во избежание резкого сокращения внешнеторгового баланса Россия примкнула к блокаде не сразу. 7 ноября 1807 г. была издана декларация Александра I о разрыве англ-орусских дипломатических отношений. 9 ноября последовал царский указ о наложении эмбарго на английские суда и их грузы в портах России, а также о создании «ликвидационных комиссий» по продаже этих судов и товаров и расчетов с русскими купцами,

понесшими убытки от наложения эмбарго на их собственность в английских портах.

Но далее дело застопорилось. Выполнив эту часть тильзитских обязательств даже ранее намеченного (1 декабря) срока, царь не спешил начать против Англии наступательную экономическую войну. Более того, как свидетельствуют материалы специального комитета по делам эмбарго, русское правительство весьма осторожно подходило к вопросу о конфискациях. Так, по указу от 9 ноября секвестрированию подлежало только движимое имущество англичан (суда, товары и т. п.); на недвижимое же имущество (дома, заводы и т. п.), а также денежные вклады в русских банках конфискации не распространялись».

Анализируя деятельность «ликвидационных комиссий», Злотников писал: «Представители торговых кругов были поддержаны крупными феодалами, заседавшими в Государственном совете. И те и другие, памятуя о своих экономических связях с Англией, держались весьма осторожно по отношению к английскому капиталу». Фактически и после разрыва англо-русских дипломатических отношений английские товары продолжали поступать в Россию. Поскольку английское правительство, стремясь пробить бреши в континентальной блокаде, не очень строго соблюдало свое постановление об эмбарго на русские торговые суда и товары, российские корабли вплоть до апреля 1808 г. продолжали заходить в Англию.

Только 1 апреля, да и то после настоятельных представлений посла Франции Коленкура, последовал указ о частичном запрещении ввоза в Россию английских (промышленных) товаров. 17 июня был запрещен ввоз

любых (а не только промышленных) английских товаров и, наконец, 28 августа – указ о конфискации любого судна с английскими товарами, зашедшего в русские порты. Фактически присоединение России к блокаде заняло почти год – с ноября 1807 по август 1808 г.

Но и эти постепенные меры тяжело сказались на русской внешней торговле, особенно в 1808 г. Проводились они без достаточной экономической подготовки, насильственно разрывая сложившиеся торговые связи. Результаты не замедлили сказаться: если в 1806 г. через балтийские порты России было вывезено, например, 3210 тыс. пудов пеньки, в 1807 г. – даже 3390 тыс., то в 1808 г. – всего 1274, т. е. почти в три раза меньше. Аналогичная картина наблюдалась с экспортом леса, пшеницы, льна и других традиционных статей русского вывоза. Сокращение вывоза уменьшало поступление иностранной валюты и в без того пассивный бюджет страны. И не случайно Шампаньи с тревогой писал Коленкуру в преддверии морской навигации на Балтике: «Сможет ли император Александр, не меняя системы своей политики или без угрозы переворота, дождаться следующей зимы?..»

Положение усугублялось тем, что присоединение к блокаде совпало с крайним расстройством финансов, вызванным все растущими ассигнованиями на непрерывные войны, которые в 1804–1809 гг. вела Россия. Достаточно сказать, что с 1786 по 1810 г. в России было выпущено, главным образом для покрытия военных расходов, ассигнаций на фантастическую сумму – 579 млн. рублей. Частично до 1807 г. этот дефицит покрывался за счет Англии в форме английских безвозвратных субсидий, а также займов. Теперь этот источник был закрыт. Оставались голландские и

генуэзские банкиры. Но Генуя была занята французами, да и Наполеону самому нужны были деньги.

Александр I пришлось вернуть генуэзцам в 1808 г. долг в 3 млн. пиастров и снова обратиться к голландцам. (Надо сказать, что в XVIII в. русское правительство занимало деньги главным образом у голландских банкиров.) И хотя государственный долг России этим банкирам достиг уже 88 млн. гульденов, они дали бы и еще, если бы Наполеон не наложил руку и на этот иностранный источник пополнения русской казны.

Между тем дело шло к финансовой катастрофе: в 1808 г. дефицит составил 126 млн. рублей, а в 1809 г. подскочил до 157 млн. Для спасения страны от финансового краха царь создал секретную «Особенную канцелярию по кредитной части» (1807–1811 гг.). На ней лежала также задача по изысканию средств на покрытие потерь русской казны в результате присоединения к континентальной блокаде. С мая по август 1808 г. члены канцелярии (Румянцев, министр финансов Гурьев, генеральный казначей Голубцов и др.) заседали почти непрерывно, но никаких эффективных мер для поправления положения, кроме испытанного средства внешних займов и повышения налогов на население, указать не смогли.

Коленкур еще в феврале 1808 г. прозрачно намекал своему императору на нужду царского правительства, собиравшегося занять 12 млн. гульденов у голландских банкиров. В апреле он снова пишет в Париж, что в связи с падением курса рубля русское правительство либо прибегнет к новому выпуску ассигнаций, либо сделает новый заем в Голландии.

Наполеон остался глух к этим намекам. Когда же в начале 1810 г, царское правительство уже прямо обратилось к французскому правительству с просьбой о займе и даже послало в Париж для ведения переговоров своего представителя К. В. Нессельроде, Наполеон не только не дал денег из государственной казны, но и запретил частным банкирам (в частности, крупному банкиру Лаффиту) вести какие-либо переговоры с Нессельроде и Куракиным по этому вопросу.

Комментируя отказ Наполеона предоставить России заем даже за счет частных французских банков, Нессельроде писал Сперанскому, что Франция не заинтересована в улучшении состояния русских финансов, ибо слабый союзник лучше сильного противника.

Но, кроме политических причин, столь упорный отказ Наполеона объяснялся тем, что Наполеон и сам сильно нуждался в деньгах. В 1810 г. дефицит французского бюджета составлял 180 млн. франков. Львиная доля средств французской казны шла на содержание и увеличение и без того огромной наполеоновской армии – с 1810 г. ассигнования на армию

и флот возросли с 389 млн. франков до 556 млн. в 1812 г.

Впрочем, последнее обстоятельство – рост ассигнований на вооруженные силы – был типичен не только для Франции, но и для ее «союзницы» – России.

В фонде Государственного совета хранится интересный доклад канцлера Румянцева Александру I, озаглавленный «О средствах к поправлению курса». Возражая тем, кто считал, что все экономические и финансовые трудности (в частности, падение курса рубля) России идут исключительно от разрыва с Англией, Румянцев указывал на рост ассигнований на оборону страны. По мнению Румянцева, именно военные ассигнования наряду с покрытием старых военных долгов по иностранным займам привели к чрезмерному выпуску ассигнаций, вызвавшему падение курса рубля.

Ознакомление с бюджетом России на 1807–1811 гг. позволяет обнаружить довольно любопытную картину: несмотря на прекращение войны России против Франции и их союз, официальные государственные ассигнования царского правительства на военное и военно-морское министерства не только не сократились, а постоянно увеличивались и даже превосходили ассигнования периода войны 1806–1807 гг. Так, в первой половине 1807 г., когда Россия полным ходом вела военные действия против Франции, министерству сухопутных военных сил было отпущено 43 млн. рублей. В 1808 г., когда Россия и Франция были уже в мире, эта сумма составила 53 млн. В 1809 г. она возросла до 64,7 млн., а в 1810 г. – уже до 92 млн. К 1811 г., когда война с Францией стала очевидной, ассигнования достигли огромной суммы – 113,7 млн. рублей.

Таким образом, с 1807 по 1811 г. официальные государственные ассигнования на оборону возросли почти в два раза. Фактически они были гораздо больше, ибо в бюджет не входили так называемые экстраординарные расходы. Так, в 1810 г. в связи с усилением франко-русских противоречий и началом открытой подготовки Франции к войне против России военному министерству было выделено дополнительно 25,5 млн. рублей. Характерно, что созданная в 1806 г. на случай отражения возможного вторжения Наполеона в Россию милиция (ополчение) после Тильзита не только не была распущена, но и сохранилась, и в 1809 г. на жалованье ополченцам было отпущено 3,2 млн. рублей.

Значительная часть этих ассигнований шла на производство оружия внутри страны, а также на его закупки за границей. Так, едва заключив мир с Францией и собираясь начать мирные переговоры с Англией и Турцией, царь просил Наполеона продать России 50 тыс. ружей.

Характерный случай произошел в это время в Австрии. Некто Иоганн Маллия, официально числившийся чиновником при русском посольстве в Вене, втайне от австрийского правительства еще в октябре 1806 г. – июле 1807 г. по приказанию министра иностранных дел Будберга организовал массовую закупку оружия и даже его производство по русским контрактам в различных городах Австрии. Австрийское правительство, узнав о действиях Маллия, формально запретило вывозить оружие (ружья, сабли и т. п.) в Россию, ссылаясь на то, что Австрия сохраняет нейтралитет в русско-французской войне 1806–1807 гг.

Несмотря на Тильзитский мир, царское правительство не отказалось от намерения вывезти ранее закупленное оружие. По этому поводу между русским послом в Вене Куракиным и австрийским министром иностранных дел Стадионом в ноябре – декабре 1807 г. состоялись секретные переговоры. В ходе переговоров Куракин усиленно подчеркивал, что это оружие необходимо России для того, чтобы в будущем «оказать Австрии эффективную помощь в случае необходимости».

Куракину удалось убедить Стадиона, который 9 декабря 1807 г. дал письменное разрешение не только на вывоз уже приобретенного Маллия оружия, но и на право неограниченной закупки вооружения впредь. С января 1808 г. Маллия наладил регулярную отправку оружия в Россию. В целях маскировки от французской разведки ружья, сабли, ружейные кремни паковались в ящики под видом металлолома.

Русское правительство без задержки оплачивало эти «экстраординарные расходы». Мало того, когда осенью 1808 г. военное ведомство начало переоборудование оружейных заводов (арсеналов), Куракину в секретной депеше было предписано подыскать для работы в России квалифицированных австрийских оружейных мастеров.

При обсуждении финансового положения России на заседании Государственного совета в мае 1810 г. министр финансов Гурьев сообщил, что дефицит казны хотя и уменьшился до 77 млн. рублей (из них 65 млн. – военные долги за 1805–1809 гг. по внешним займам) против 157 млн. в 1809 г., тем не менее причины инфляции не устранены. Важнейшая из них наряду с отрицательными торговыми последствиями блокады – увеличение ассигнований на оборону: «Число армии, нужное, может быть, для защиты империи от внезапного прикосновения к целостности оной, есть несоразмерное народному ее достоянию». Тем не менее Совет постановил, что ассигнования на армию и флот сокращению не подлежат.

Не все политические деятели наполеоновской империи видели в действиях Александра I только козни против Франции. К числу дипломатов, надеявшихся на возможность укрепления экономической базы франко-русского союза, относились французский посол в Петербурге Коленкур и торговый консул Лессепс. Их попытки укрепить торговлю Франции с Россией отражали заинтересованность части французских торгово-промышленных кругов в русском рынке, особенно на юге России.

Поначалу и министр иностранных дел Шампаньи загорелся желанием расширить русско-французскую торговлю. 7 декабря 1807 г. он предписал Лессепсу подготовить совместно с проживающими там французскими купцами доклад по этому вопросу. Шампаньи писал. «Теперь, когда политическая цель достигнута, выгоды России и Франции требуют, чтобы обратили подобающее внимание на торговые отношения между обоими государствами. Они ничтожны, надо восстановить их: надо занять место Англии на петербургском рынке. Надо укрепить политический союз взаимными торговыми выгодами, и эта победа, которую нужно одержать над Англией в торговле, не будет наименьшей выгодой, которую Франция извлечет из своей связи с Россией».

Во исполнение этого предписания Лессепс создал в Петербурге специальный торговый комитет из французских купцов, приехавших на жительство в Россию. Комитет признал выгоду от торговли с Россией, но в представленном Коленкуру в феврале 1808 г.

первом отчете о заседаниях комитета было указано на основную трудность – практическую невозможность осуществления торговли России и Франции морским путем ввиду преобладания Англии на морях. Поэтому русско-французская торговля может производиться главным образом сухим путем и частично по рекам. Комитет предложил создать сеть торговых бюро и транспортных контор на дорогах между Францией и Россией. Одновременно в отчете комитета указывалось, что для такого рода торговли, требующей больших транспортных издержек, нужны значительные кредиты.

Позднее, в марте 1808 г, комитет предоставил Коленкуру другой, более подробный доклад. В целях усиления торговли с Россией он предлагал создать в Петербурге единую французскую торговую компанию. Вместе с тем французские купцы потребовали пересмотра русско-французского торгового договора 1787 г. в сторону еще большего расширения их привилегий. Особые нападки вызвал манифест Александра I «О даровании купечеству новых выгод» от 13 января 1807 г., ограничивавший права иностранных купцов.

Параллельно с деятельностью Лессепса и Коленкура в Петербурге аналогичные демарши предпринимались правительством Наполеона в Париже. 14 января 1808 г. торговый консул России во Франции К. И. Лабенский сообщал Румянцеву, что Наполеон, озабоченный падением вексельного курса России на мировом рынке, поручил министру внутренних дел Крете найти пути его повышения. Последний обратился к Лабенскому с рядом вопросов. На вопрос «Какими мерами можно было бы поднять вексельный курс?», консул ответил: «Единственным средством для восстановления обменного

курса России является мир на морях или создание рынка сбыта ее национальной продукции, равного рынку мирного времени».

В качестве единовременной меры Лабенский предложил закупить в Петербурге и Риге оснастку для судов (мачтовый лес, парусное полотно, канаты и т. п.) на 50–60 млн. франков. По мысли Лабенского, такая крупная торговая операция могла бы сразу компенсировать потери русских купцов от фактического прекращения торговли на Балтике, выдвинув Францию на первое место среди покупателей предметов русского экспорта, даже по сравнению с Англией.

Предложение Лабенского было принято обеими сторонами, и 24 января 1808 г. Коленкур и Румянцев подписали соответствующую франко-русскую торговую конвенцию. Правда, первоначальная сумма французских кредитов на закупки морского снаряжения была резко сокращена: с 50–60 млн. франков до 14 млн. Однако все эти практические предложения были неприемлемы по той же причине, что и просьбы царя о займах: они требовали значительных ассигнований, а денег на развитие торговли ни у Франции, ни у России не было.

Наиболее эффективно франко-русская торговля могла вестись по морям. Но Балтика и Белое море были практически закрыты для торговых судов Франции из-за английской контрблокады (в 1808 г. в русские северные порты не пришло ни одного французского судна, а в 1809 г. – всего 20). Не был реализован план развития торговли России и Франции через море. На развитие же сухопутной торговли нужны были кредиты, которых Наполеон не дал. Следует отметить, что и та торговля, которую вели французские купцы на свой страх и риск,

носила преимущественно односторонний характер, ибо Франция больше ввозила, чем вывозила из России, что вело к увеличению и без того пассивного торгового баланса ее «союзницы». Следствием всего этого был не расцвет, а постепенный упадок франко-русской торговли 1807–1812 гг., особенно после принятия тарифа 1810 г.

В итоге призыв Шампаньи «занять место Англии на петербургском рынке» повис в воздухе. В конце концов он шлет Лессепсу новую инструкцию, прямо противоположную первой: «Внимание, которое вы заставили обратить на интересы французской торговли в С.-Петербурге, понравилось императору, однако он не желает, чтобы ваши представления на этот счет были слишком настоятельны... Торговые интересы, не столь важны для процветания Франции, как это имеет место для Англии, существование которой основано на торговле».

Наиболее дальновидные современники Тильзита (Румянцев, Мордвинов, Сперанский и др.) отдавали себе отчет, что резкое изменение традиционных торговых связей и методов вызовет наибольшую трудность при реализации союза с Францией, тем более что неудавшийся опыт франко-русских торговых отношений в 1801–1803 гг. не оставлял больших иллюзий. Они догадывались, что Франция не сумеет заменить Англию ни как потребитель русских экспортных товаров, ни как посредник в их реализации. Поэтому, лишив английских купцов всех привилегий на торговлю с Россией, русское правительство не отменило манифест от 13 января 1807 г. и не предоставило французским купцам никаких дополнительных преимуществ в торговле с Россией, кроме тех, которые вытекали из русско-французского торгового договора 1787 г.

Таким образом, обе стороны в силу целого ряда объективных и субъективных причин не смогли подвести под воздвигнутое их дипломатами политическое здание экономическую основу.

В новых условиях международного обмена царское правительство стремилось не ставить свою внешнюю торговлю в зависимость от политической конъюнктуры – союза с Англией или Францией, а попыталось найти выход на путях нейтральной торговли с третьими странами. Это стремление нашло свое выражение в подтверждении принципов вооруженного морского нейтралитета, что со всей четкостью было заявлено в декларации Александра I о разрыве отношений с Англией.

Не подлежит сомнению, что некоторые представители русских правящих кругов действительно пытались воспользоваться англо-русским разрывом для уменьшения зависимости русской внешней торговли от посредничества англичан и укрепления самостоятельности русских экспортеров за счет развития отечественного торгового флота, а также использования нейтральных, главным образом американских, ганзейских (на Балтике и Белом море) и греческих (на Черном море) судов.

Немаловажную роль играли также соображения, что участие России в блокаде стимулирует развитие отечественной промышленности, уменьшит зависимость страны от привозных изделий. Это со всей очевидностью вытекало из коллективного доклада трех министров вскоре после англо-русского разрыва.

Констатируя рост цен и нехватку промышленных товаров, министры писали: «Отъемя, таким образом, поползновение к произвольному возвышению цен на товары, дороговизна некоторых статей, из чужих земель привозимых, и единственно от внезапного разрыва с англичанами возникшая, не может быть постоянна и неминуемо уменьшится, коль скоро повысится наш курс посредством требования наших товаров другими нациями. А если бы некоторые товары и остановились в цене высокой, то в соображении общих государственных выгод из сих самих обстоятельств выйдет та польза, что высокие цены, прельщая промышленность в народе, заставят те же товарные статьи производить дома и посредством труда искать прибылей, теми товарами приносимых».

Один из главных вдохновителей этой политики, министр коммерции и канцлер Румянцев, отстаивал принцип протекционизма (поощрения и защиты) русской торговли и промышленности, видя в этом один из важных источников пополнения казны. Еще в 1802 г. Румянцев представил царю обширный доклад, в котором предлагал сократить ввоз в Россию иностранных товаров и всемерно поощрять вывоз русских, а также развивать транзитную торговлю между Западной Европой и Азией, в которой посредником выступала бы Россия. Румянцев стремился вывести русское купечество на мировые рынки.

В октябре 1804 г. Румянцевым был подготовлен обширный трактат «О разуме тарифа». Для претворения в жизнь содержащихся в трактате рекомендаций царь учредил специальный тарифный комитет во главе с Румянцевым (1804–1806 гг.). Комитет должен был разработать новый тариф, который регулировал бы ввоз иностранных товаров в страну. Особое внимание Румянцев уделял развитию южнорусской торговли, был одним из активных членов «Комитета о устройении Новороссийской губернии» в 1801–1803 гг. Румянцев заботился о развитии не только внешней, но и внутренней торговли. Ему принадлежит инициатива в строительстве Мариинской водной системы, связавшей Волгу с Невой. В целом это был русский вариант хорошо знакомой в XVII–XVIII вв. на Западе политике меркантилизма. Новая война с Францией в 1805–1807 гг. помешала тогда осуществлению планов Румянцева.

В 1808 г., став канцлером, Румянцев снова попытался реализовать свои прежние проекты развития русской торговли и промышленности в условиях резкого изменения международных экономических связей, вызванного континентальной блокадой. Им были сделаны попытки как-то узаконить нейтральную торговлю путем специальных регламентации. 12 августа 1808 г. вышел подготовленный Румянцевым указ о допуске в порты России иностранных судов только при условии предъявления их владельцами письменных свидетельств, удостоверяющих, что привезенные на них товары не являются ни английскими, ни шведскими. Свидетельства должны были быть выданы либо русскими консулами, либо властями порта отправления. Отсутствие таких свидетельств влекло за собой немедленную отправку судна назад без выгрузки.

Указ регламентировал только торговлю на Балтике и Белом море. На товары, привозимые в южные порты России, а также на торговлю с Китаем, Индией и Средней Азией указ не распространялся. Позднее генеральный контролер комиссий нейтрального мореплавания

Кампенгаузен отмечал, что эти меры не пресекли английской контрабанды, продолжавшей проникать в Россию под видом нейтральных товаров.

Английская контрабанда повлекла за собой более четкое определение правил нейтральной торговли. 26 мая 1809 г. вышел второй указ. В нем содержался подробный перечень всех необходимых документов, удостоверяющих нейтральность не только товара, но судна и всей команды. За подложные документы товар и

судно подлежали конфискации. Для соблюдения этих новых, более жестких правил нейтральной торговли третьим указом от 30 июня 1809 г. были созданы комиссии нейтрального мореплавания (в Петербурге, Архангельске и позднее в Риге). Была учреждена также специальная должность генерального контролера этих комиссий. Все спорные вопросы при определении нейтральности судна или товаров комиссии через министра коммерции выносили на обсуждение Государственного совета.

Особое внимание Румянцев снова обратил на развитие южнорусской торговли (по Черному и Каспийскому морям, где режим блокады был значительно слабее), а также на транзитную торговлю со Средней Азией и Дальним Востоком. Русское правительство стремилось привлечь нейтральные суда в свои черноморские порты. Так, 14 октября 1808 г. был издан указ о значительном снижении пошлин на иностранные товары, привозимые в Одессу.

Румянцев попробовал также наладить регулярную торговлю через Среднюю Азию с Индией. Но этот проект в тот период не был реализован из-за его дороговизны и опасности путешествия. Кроме того, англичанам, державшим эту торговлю в своих руках, такая перспектива не улыбалась, и они стали чинить препятствия.

Н. П. Румянцев предлагал торговать даже с далекой Латинской Америкой. 12 февраля 1810 г. он представил в Государственный совет записку о выгодах торговли с Бразилией (тогда – колонией Португалии) и предложил внести соответствующие исправления в русско-португальский торговый договор 1798 г.

Предложение было принято— 17 мая 1810 г. изменения, поощрявшие торговлю с Латинской Америкой, были внесены.

По существу это была целая программа организации торговли России в условиях ухода англичан с русских рынков и общего расстройтва торгового обмена, вызванного блокадой и войной на море.

В числе причин, значительно ослабивших эффект системы нейтральной торговли, можно указать следующие политические и экономические факторы.

Во-первых, России не удалось привлечь к морскому вооруженному нейтралитету Данию и Швецию, обладавших довольно значительным флотом. В сентябре 1807 г. Англия захватила почти весь датский флот. Швеция, отказавшаяся присоединиться к франко-русскому союзу и блокаде, оказалась в состоянии войны с Россией. Позднее по русско-шведскому договору 17 сентября

1809 г. шведское правительство формально примкнуло к блокаде. Однако участвовать в системе нейтральной торговли Швеция отказалась, предпочтя роль посредника в русско-английской контрабандной торговле.

Таким образом, зафиксированная в Тильзитском союзе надежда на создание лиги держав третьего вооруженного морского нейтралитета осталась на бумаге. Фактически России при проведении в жизнь принципа нейтральной торговли пришлось опираться только на свой явно слабый торговый флот и на американские и ганзейские суда.

Во-вторых, сама организация нейтральной торговли, требовавшая постоянного государственного вмешательства (комиссии нейтрального мореплавания), многочисленные регламентации, запрещения сильно мешали торговле такого рода. Суда подолгу простаивали в портах, капитаны вели тяжбу с чиновниками комиссий,

доказывая свою «нейтральность». Терялось время, сокращался грузооборот, судовладельцы несли убытки. В отчете Департамента государственной экономии от 20 сентября 1810 г. отмечалось следующее: «Употребляемые чиновниками нейтральных комиссий прицепки, исследования, помешательства в погрузке судов и другие остановки навели стеснение не англичанам, но нейтральным мореплавателям и собственным нашим подданным, и можно сказать, что враждебные действия противу торговли не на море, но в недрах наших происходят. Многие сведомые департаменту поступки нейтральных комиссий дают повод заключить, что Россия более несет вреда от превратного выполнения континентальной системы, нежели от самого принятия системы ее, и что потому весь вред и расстройство по торговле обратились противу одной России».

В-третьих, большую дезорганизацию во всю систему нейтральной торговли вносила английская контрабанда. Англичане скоро оценили свои преимущества первой морской державы и не стали мешать нейтральному мореплаванию; наоборот, под прикрытием нейтрального флага и поддельных документов они начали сбывать товары в Россию. 26 апреля 1809 г. Британский совет даже отменил свои постановления 1807 г. о встречной морской блокаде побережья Балтики.

В октябре 1809 г. русский посланник в США Дашков доносил Румянцеву, что, по достоверным сведениям, полученным от американских купцов, в Англии английскими и иностранными купцами за 30–40 гиней продаются очень искусно сделанные фальшивые американские «нейтральные» документы. Недавно

несколько английских купцов с такими «документами» и под торговым флагом США отправились в Архангельск.

Поскольку определить, какой из товаров является «английским или из колоний Англии», а какой – нет при тогдашней анархии в торговой документации представлялось практически невозможным без нанесения ущерба действительно нейтральной торговле, русское правительство в конце концов в июле 1810 г. вынуждено было сократить перечень обязательных регламентации.

При всех этих недостатках морская нейтральная торговля (наряду с сухопутной) позволила частично ликвидировать тот кризис, который возник после разрыва англо-русских экономических отношений.

Царское правительство испытывало экономические и финансовые трудности и до разрыва англо-русских отношений. Участие в блокаде чрезвычайно усилило эти трудности, особенно в области финансов. Над разрешением всех этих проблем с 1801 г. бились многие министры правительства Александра I (Мордвинов, Кочубей, Куракин, Сперанский), предлагая различные варианты спасения страны от финансового краха. Система нейтральной торговли на море и интенсивное развитие торга по сухопутным границам страны были одной из таких временных мер. Хотя она и спасла русскую внешнюю торговлю от застоя, тем не менее эта мера не могла быть панацеей от многочисленных бед, к числу которых относилась и блокада.

К 1810 г. для многих современников стал очевиден факт провала блокады как средства экономического удушения Англии. Английская буржуазия не только устояла в этом единоборстве с Францией, но и сумела найти новые рынки сбыта и сырья (в частности, Латинскую Америку).

Для самой Франции блокада принесла определенные выгоды. Некоторые отрасли французской промышленности (особенно текстильная), огражденные от английской конкуренции, успешно развивались. Известный экономический прогресс был замечен и в соседних с Францией районах – Италии, рейнских германских государствах, Швейцарии. Но в целом Франция в силу относительной слабости ее торгово-промышленной буржуазии не смогла занять освободившееся место Англии на континентальном рынке.

Особенно тяжело сказалось участие в блокаде для «периферийных» союзников французской империи – России, Швеции, Дании, Пруссии. Этим странам, издавна тесно связанным с морской торговлей, вызванная блокадой дезорганизация торговли несла экономическое разорение. Поэтому, если говорить о влиянии континентальной блокады на страны севера Европы, то она скорее разъединяла, чем объединяла их. Искусственное объединение этих стран на континентальном рынке с Францией породило даже конкурентную борьбу. 20 ноября 1810 г. министр финансов Гурьев, мотивируя необходимость интенсивного развития нейтральной торговли, сослался

на русско-французскую конкуренцию на хлебных рынках Западной Европы.

Да и для внешней торговли Франции фактическая самоизоляция от морской (самой прибыльной) торговли была тяжелым бременем. Еще в 1809 г. – в самый расцвет блокады – Наполеон начал потихоньку выдавать своим купцам лицензии на торговлю с Англией и ее колониями, в то же время категорически возражая против аналогичных мер в России, Швеции, Пруссии. Характерно, что и английское правительство с 1810 г. также начало выдавать своим купцам лицензии на торговлю с Францией.

Факт выдачи лицензий вызвал резкое недовольство в России. 7 февраля 1810 г. Румянцев заявил Шампаньи протест в связи с тем, что русскими властями был конфискован груз на прусском корабле, капитан которого имел как французскую, так и английскую лицензии.

Возможно, Наполеон к 1810 г. уже начал понимать экономическую неэффективность блокады. Но он хорошо сознавал ее политическое значение, ибо участие в блокаде было единственным, что объединяло пока его северных и восточных «союзников». А поскольку нейтральная торговля ослабляла эти политические узы. Наполеон, идя против объективных экономических законов международной торговли, обрушился на нейтральную торговлю с репрессиями. Как и раньше, атака велась не франками, а декретами.

Симптомы будущего выступления Франции против системы нейтральной торговли имелись уже в Миланском декрете Наполеона 17 декабря 1807 г., содержавшем угрозу конфискации любых судов, под любым флагом, подозреваемых в заходе в порты Англии или ее колоний.

Однако широкое наступление на правила нейтральной торговли Наполеон повел в 1810 г. Как раз в этом году в Англии начался второй со времени начала континентальной блокады (первый – в 1808 г.) тяжелый экономический кризис. Он охватил ее торговлю и промышленность. Кроме блокады, кризис усугублялся ухудшением англо-американских торговых и политических отношений, вызвавших впоследствии американо-английскую войну 1812–1814 гг. Надеясь на то, что внутри и внешнеполитические трудности сделают Англию более уступчивой и помогут Франции продиктовать ей свои условия мира, Наполеон предпринял последнюю попытку усилить запретительные постановления континентальной блокады.

5 августа 1810 г. он подписал декрет о ввозных пошлинах на иностранные товары (Трианонский тариф). Декрет имел целью усилить режим континентальной системы путем весьма значительного повышения пошлин на ввозимые во Францию «колониальные товары» (сахар, чай, кофе, перец, хлопок и др.) из любых стран. Товары, ввозимые контрабандой, подлежали немедленной конфискации. Наполеон рассчитывал распространить действие этого декрета на всю подвластную Франции территорию Европы, чтобы воспрепятствовать сбыту английских товаров и вызвать тем самым новые экономические затруднения в Англии.

Хотя по форме Трианонский тариф был направлен как будто бы лишь против ввоза в Европу колониальных товаров, на самом деле он означал запрет нейтральной торговли, поскольку конфискации подлежали все сырьевые продукты из любой страны или колонии мира, независимо от того, враждебна эта страна Франции или нейтральна. Не менее важна была и политическая

подоплека тарифа: наполеоновская дипломатия в последний раз попыталась сплотить вокруг Франции своих вассалов и разношерстных союзников.

23 октября 1810 г. Наполеон предложил Александру I ввести аналогичный тариф. Принятие этого требования было бы равносильно для России торговому самоубийству, поскольку фактически оно означало закрытие последней легальной отдушины в блокаде. Как и следовало ожидать, царь в беседе с Коленкурром 7 декабря 1810 г. самым решительным образом отверг все домогательства Франции на этот счет.

Тогда Наполеон со свойственной ему решительностью разом лишил Россию одного из важных инструментов нейтральной торговли – голландских и ганзейских судов, а заодно и надежд на займы у тамошних банкиров: 13 декабря 1810 г. Голландия и все побережье между Рейном и Эльбой (включая ганзейские города Бремен, Гамбург и Любек) были присоединены к Франции. На месте вчера еще самоуправляющихся княжеств и городов было создано 10 новых департаментов Франции. На них тотчас же было распространено действие Трианонского тарифа.

Следствием этого были сокращение сбыта и рост цен на сырье, что вызвало во Франции осенью 1810 г. тяжелый экономический кризис. Но Наполеон уже не считался ни с какими тревожными экономическими признаками.

С точки зрения экономического положения своей «союзницы» – России Наполеону трудно было найти более неподходящий момент, чем конец 1810 г., для предложения прекратить нейтральную торговлю, ибо именно на ее развитие и была сделана внешнеторговая ставка русского правительства. Как и в других странах –

участницах блокады, в России к 1810 г. уже хорошо поняли, что блокада Англии провалилась. Она все более превращалась во внеэкономический анахронизм.

Показательны в этом отношении выводы «комитета петербургских негоциантов», созданного по предложению Сперанского для определения мер по ликвидации расстройств финансов. 3 декабря 1810 г. этот комитет направил в Государственный совет обширный доклад. Петербургские купцы жаловались, что после присоединения к блокаде резко упал русский экспорт. В 1808 г. в Кронштадт пришло всего 63 судна. Многие иностранные негоцианты изъяли свои вклады из петербургских банков. В 1810 г. утечка иностранных капиталов достигла апогея. Сложная система выдачи разрешений на внешнюю торговлю, многочисленные регламентации и исконная русская неповоротливость отпугивали «торговых людей». Главная трудность – недостаток иностранного капитала, ибо до 1807 г. 50 % балтийской торговли осуществлялось за счет вкладов иностранных купцов в русские торговые компании.

Чтобы увеличить торговлю на Балтике, нужны русские торговые суда. Для всего этого требуются большие капиталы, гораздо большие, нежели в условиях мирных морей. Купцы предлагали изыскать эти средства путем введения заградительных пошлин на ввоз готовых фабричных изделий (это даст толчок к развитию отечественной промышленности), предметов роскоши (вин, духов и т. п.) из-за границы.

Надо всемерно поощрять и развивать нейтральную торговлю: упростить порядок оформления документов, четко определить понятия «нейтральный товар» и «нейтральный порт», смелее ссужать русских купцов

кредитами и т. п. Необходимо снять ограничения на наиболее прибыльные статьи русского экспорта: хлеб, лес, железо. В числе политических мер комитет рекомендовал скорейшее заключение мира с Турцией. Аналогичные записки и мемуары поступили в Государственный совет со всех концов России.

Подобного рода жалобы торгового сословия не были откровением для русского правительства. Как отмечалось, оно давно уже было озабочено состоянием торговли и особенно финансов страны. С предложением кардинального улучшения положения на этот раз выступил Сперанский. Им еще в ноябре 1809 г. был разработан обширный план реформ государственного аппарата (усиление роли Государственного совета, ограничение полномочий министров и т. д.), финансов (прекращение выпуска ассигнаций, выплаты внешних займов и т. д.), торговли и промышленности. Две последние Сперанский собирался укрепить не путем выхода из континентальной блокады (чтобы было пока несвоевременно по политическим и военным соображениям), а методом государственной защиты от иностранной конкуренции и компенсаций за ущерб, причиняемый от участия России в континентальной блокаде. Все эти меры нашли выражение в проекте самого протекционистского из протекционистских тарифов России. Поскольку проект был направлен как против Англии, так и против Франции, его разработка велась весь 1810 год специальным секретным тарифным комитетом во главе со Сперанским в глубокой тайне.

В течение января – июля 1810 г. большая часть финансовых реформ и реформ государственного аппарата была осуществлена. Наступила очередь торговли. Дорожа репутацией «франкофила», Сперанский не выступил лично, а, подготовив доклад, поручил министру финансов Гурьеву изложить его Государственному совету.

В сентябре 1810 г. Гурьев зачитал этот доклад перед членами Совета. В докладе давался обзор состояния торговли и финансов России на конец 1810 г. Итоги были неутешительны. В числе безотлагательных мер, призванных улучшить экономику и финансы, в докладе признавалось: 1) заключение мира с Турцией и Персией (уменьшение расходов на армию); 2) увеличение экспорта южнорусского хлеба; 3) развитие нейтральной торговли на Балтийском и Белом морях. Последняя мера представлялась самой эффективной. В докладе предлагалось значительно упростить правила нейтральной торговли, упразднить комиссии нейтрального мореплавания и т. п.

12 ноября Гурьев по поручению Сперанского представил в Государственный совет уже проект нового тарифа. После детального обсуждения в Департаменте государственной экономики и на общем собрании всех членов Государственного совета тариф был принят и утвержден царем 31 декабря 1810 г. На следующий день «Положение о нейтральной торговле на 1811 г. в портах Белого, Балтийского, Черного и Азовского морей и по всей сухопутной границе» с приложением «Росписи товаров» (тарифа) вступало в силу.

Новый тариф существенно (до 50 %) повышал ввозные пошлины на любые (включая и французские) промышленные товары, предметы роскоши и т. п. и столь же значительно снижал или отменял вообще пошлины на основные товары русского вывоза.

Кроме того, тариф значительно упрощал организацию нейтральной торговли (процедуру выдачи документов, численность нейтральных комиссий и т. п.),

практически устранив все помехи к доступу в основные русские порты всех судов, кроме английских.

«Положение о нейтральной торговле» было открытым вызовом Трианонскому тарифу. До сих пор России и Франции удавалось избегать прямых столкновений, прикрываясь ссылками на туманные статьи тильзитского трактата. Теперь они сошлись лоб в лоб, пока, правда, на торговой почве. Но не за горами уже было то время, когда «союзникам» пришлось скрестить и шпаги.

Агентурная дуэль накануне 1812 г

Франко-русские отношения с 1810 г. вступили в новую фазу. Внешне все выглядело как будто бы по-старому: оба императора изредка обменивались любезными письмами, именуя друг друга «государь и брат мой» хотя в них за дежурными фразами нет-нет да и прорывались нотки раздражения и взаимного недовольства.

Александр I по-прежнему оказывал Коленкуру всевозможные знаки внимания и даже усилил их, введя французского посла в кружок «интимных» друзей. В Париже Куракин исправно посещал приемы, писал депеши. Между Петербургом и Парижем непрерывно скакали русские курьеры, главным из которых с февраля 1810 г. стал полковник граф А. И. Чернышев. А он, в свою очередь, начал опекать и направлять самого ценного русского военного разведчика ИВАНА (Иоганна) Витта, после Тильзитского союза внедренного в ближайшее окружение Наполеона (ездил с ним воевать в Испанию, вел тайную переписку французского императора с польской графиней Марией Валевской и др.).

Но за кулисами обоих дворов шла напряженная подготовка к теперь уже неизбежному столкновению.

Два с половиной года союза с Россией показали Наполеону, что задуманные им планы создания всеевропейской континентальной антианглийской коалиции провалились. Окончательно убедившись, что дипломатическими мерами заставить Россию воевать

против Англии он не сможет, Наполеон начал готовиться к войне. Подготовка началась с глубокой дипломатической разведки уже в 1810 г.

По его приказанию министр иностранных дел Шампаньи на основании донесений французских дипломатов и секретных агентов в России, Пруссии, Дании и Швеции составил обширный секретный доклад о политике правительств этих стран и ее перспективах.

Этот доклад, весьма симптоматично озаглавленный «Взгляд на дела континента и сближение России с Великобританией», был представлен Шампаньи Наполеону 16 марта 1810 г. По своему значению он может быть приравнен только к секретной переписке Александра I с матерью в сентябре 1808 г.

В докладе содержалась весьма отличная от официальной французской дипломатической переписки оценка союза в Тильзите. Свои связи с Россией в 1807–1810 гг. Франция расценивала «как необходимый противовес, который гарантировал ей, по крайней мере, на время нейтралитет Севера: я говорю нейтралитет, а не союз, не случайно, ибо со времени последнего переворота в Швеции и несмотря на видимое присоединение четырех держав, господствующих на берегах Балтики, к континентальной системе, направленной против Англии, очевидно, что, с одной стороны, коррупция и недоброжелательство дворов, с другой – старые привычки народов открыли тысячи путей, которые должны были бы быть закрыты для английской торговли».

Шампаньи, как и многие французские современники блокады, придавал большое значение английской контрабанде. По его мнению, именно она значительно

ослабила эффект блокады и не дала экономически задушить Англию.

Но каковы бы ни были причины неудач блокады—этого поистине грандиозного торгово-экономического эксперимента Наполеона в его борьбе против английского морского и колониального могущества, — главным отрицательным его последствием была все растущая обособленность балтийских государств от Франции. «Россия, Пруссия, Дания, Швеция, — писал Шампаньи, — под прикрытием открытого разрыва с лондонским двором и тесного союза с Францией, сохраняют настоящий нейтралитет, выгодный только англичанам, поскольку состояние нашего флота делает этот нейтралитет совершенно для нас иллюзорным». Поэтому выгоды Франции от союза с Россией испаряются день ото дня. Пруссия, Дания и Швеция по своей силе на континенте не идут ни в какое сравнение с силой России. Россия — вот главный противник Франции, ибо «только ее влияние может противостоять силам в. в-ва на Севере и Востоке Европы».

Шампаньи не видел путей к укреплению франкорусского союза. Не видел он пользы и от заключения мира с Англией, поскольку он лишь ускорил бы англорусское сближение.

Где же выход? Шампаньи в следующих словах определил политику Франции на будущее: «Итогом этого подлинного изложения вещей является следующее: откровенно противостоящие интересы скоро вызовут более или менее выраженное противоречие политики Франции и политики России. Но тем не менее не пренебрегая способами продолжить союз, база которого рушится, не отказываясь совершенно от надежды найти какую-то уверенность в переговорах с британским кабинетом, приучимся заранее рассматривать Россию как естественного союзника Англии и подготовимся к борьбе с результатами сближения этих двух держав на континенте, коль скоро более не в наших силах помешать этому».

В резюме доклада Шампаньи выдвинул целую программу дипломатических действий против России. «Результатом этого обзора, основанного на донесениях министров вашего величества при северных дворах и на секретных сообщениях, полученных министерством иностранных дел, являются следующие выводы:

1. Наш союз с Россией, несмотря на личные качества императора Александра, должен рассматриваться как ненадежный и идущий к концу.

2. Сближение петербургского и лондонского дворов, вызванное различными обстоятельствами, не может быть отсрочено на долгое время и частично зависит теперь от состава и политики нового английского министерства.

3. В случае разрыва с Россией Пруссия должна быть рассматриваема как противник, и Франция совершенно

не заинтересована в ее вхождении в свою федеративную систему (Рейнский союз. – *В . С.*).

4. Польша и Саксония являются самыми полезными и верными союзниками Франции против России и самыми заинтересованными в разделе остатков прусской монархии.

5. Нельзя ничем пренебрегать, чтобы обеспечить себе поддержку Швеции либо путем субсидий, либо даже путем брака с принцессой императорской фамилии, но эти переговоры должны вестись с чрезвычайной осмотрительностью для того, чтобы не беспокоить Россию и ускорить ее мир с Англией и Турцией до завершения дел в Испании и Португалии.

6. Нужно продолжать в Константинополе начатые переговоры таким же образом, как и в отношении Швеции, до тех пор, пока войска, занятые сейчас войной за Пиренеями, смогут передислоцироваться в Иллирийские провинции (Далмацию. – *В . С.*) и на Север Германии.

7. Есть обоснованная надежда и способы привлечь Данию и Австрию к союзу против России и Англии... План этого союза и его результаты должны быть развиты и уточнены в зависимости от того, какое решение будет принято относительно Пруссии и Польши».

Не все эти предложения были одобрены Наполеоном. В частности, как показали дальнейшие действия французской дипломатии, он отклонил планы раздела Пруссии и восстановления Польского королевства. Но в целом многие из соображений Шампаньи легли в основу негласной практической программы наполеоновской дипломатии в 1810–1812 гг.

Каждая из «союзных» сторон тщательно маскировала истинные цели своей политики, стремясь утопить серьезные спорные проблемы в бесконечных переговорах по второстепенным вопросам. Особенно часто к этой тактике выигрыша времени в 1810–1812 гг. прибегала русская дипломатия. Так, когда осенью 1810 г. Наполеон потребовал от Александра I прекратить нейтральную торговлю, а затем занял атлантическое побережье Северной Германии, дипломатия Александра I тотчас же выдвинула контрвозражение.

Дело в том, что в число присоединенных к Франции 13 декабря 1810 г. северогерманских земель попадало герцогство Ольденбургское – наследственное владение русской императорской фамилии. После Тильзита, отдавшего всю Западную Германию под фактический протекторат Наполеона (Рейнский союз), герцогство Ольденбургское потеряло для России свое бывшее значение, а с 13 декабря 1810 г. оно вообще оказалось со всех сторон окруженным территорией Франции. Правда, Наполеон перед оккупацией атлантического побережья предложил герцогу в качестве компенсации Эрфурт. Но царь отсоветовал герцогу соглашаться на это предложение.

Русской дипломатии важен был повод – ущемление прав герцогства прямо нарушало статью 13-ю русско-французского мирного договора в Тильзите. Когда же 30 декабря 1810 г. в ответ на отказ России усилить режим континентальной блокады и принятие «Положения о нейтральной торговле» французские войска неожиданно вторглись в пределы герцогства, а

сам принц Ольденбургский был лишен престола, то лучшего повода для обвинения Франции в нарушении условий Тильзитских соглашений русской дипломатии было и не сыскать.

Ольденбургский вопрос тотчас же встал на повестку дня всех официальных франко-русских переговоров и не сходил вплоть до начала войны 1812 г. (ситуация, аналогичная англо-французским переговорам 1806 г. о наследственных владениях английских королей в Ганновере, кстати, расположенного рядом с Ольденбургом). Как только французские дипломаты говорили «континентальная блокада», русские отвечали – «Ольденбург». Александр I постарался раздуть «ольденбургский вопрос» до размеров вселенского бедствия, везде и всюду выдвигая его в качестве предварительного условия решения любых спорных вопросов франко-русских отношений.

В апреле 1811 г. из-за Ольденбурга и русского тарифа 1810 г. дело едва не дошло до официального разрыва франко-русских отношений и новой войны. Поводом для военной тревоги послужили взаимные опасения, что «союзник» первым начнет военные действия. В Петербурге присоединение обширных северо-германских территорий расценили едва ли не как начало войны. Агентура из Польши доносила, что французы усилили поставки оружия полякам. Тогда царь отдал приказ придвинуть к западной границе несколько корпусов.

В Париже эту демонстрацию расценили как близкое начало войны, и в конце марта – начале апреля 1811 г. Наполеон даже составил план военных действий против России, в основных чертах повторявший план кампании 1806–1807 гг. (разгром русских войск на территории Пруссии и Польши). Но поскольку русское военное командование ограничилось только военной демонстрацией и не двинуло свои войска дальше государственной границы, этот план Наполеона отпал, тем более что военные неудачи в Испании и экономический кризис 1811 г. не создавали благоприятной обстановки для войны с Россией.

В мае 1811 г. французской дипломатией была предпринята попытка как-то смягчить крайне обострившиеся в декабре 1810 г. – апреле 1811 г. франко-русские отношения. В министерстве иностранных дел Франции были произведены очередные перестановки. Шампаньи, слишком известный своей враждебностью к России, был в апреле 1811 г. заменен

более нейтральным Гюгом Маре. Одновременно вместо Коленкура Наполеон назначил послом в России генерала Лористона.

Все эти перестановки преследовали одну цель – выиграть время для подготовки к новой войне с Россией.

Лучше всего программа официальных отношений Франции с Россией была определена в инструкции Лористону от 5 апреля 1811 г. В ней говорилось: Франция очень недовольна последним русским тарифом, но из-за него она воевать не будет. Не будет пока воевать она и из-за герцогства Варшавского. «Имеются, однако, два возможных и единственных случая возникновения войны. Но этого не следует говорить в России. Об этом можно намекнуть и пустить слух, чтобы она знала, к чему может привести то или иное намерение, тот или иной демарш с ее стороны. Но эти намеки не должны быть ни скороспелыми, ни сделанными без достаточных оснований».

Какими же были «случаи», которые могли привести к войне? Это, во-первых, возможный мир с Англией и, во-вторых, укрепление России на Балканах. Всю поступающую на этот счет информацию Лористон был обязан немедленно отправлять в Париж.

В отличие от Коленкура Лористон лишился всякой свободы действий. В этом отношении инструкция ему напоминала скорее военный приказ, чем дипломатический документ: «Что бы Россия ни делала, будет ли она двигаться на Константинополь или даже заключать мир с Англией, г-н граф Лористон должен ограничиваться лишь наблюдением, отчетом обо всем увиденном и услышанном и ожиданием приказов императора».

Инструкция регламентировала все, вплоть до формулировок ответов на вопросы царя или Румянцева. Лористону в самой строжайшей форме запрещалось высказывать личное мнение по какому бы то ни было вопросу. Свое отношение он мог выразить только двумя фразами: «Так думают в Париже» или «Таково мнение Парижа».

Фактически Лористон лишался всякой свободы действий даже в рамках общей инструкции и сводился на роль протокольной дипломатической пешки, почтового ящика Наполеона в Петербурге.

Никаких практических рекомендаций к разрешению франко-русских разногласий инструкция не содержала. Да и что можно было сделать... Для Наполеона вопрос о войне с Россией был уже решен, решен давно, по крайней мере еще за год до ее начала.

Свои карты он полностью раскрыл 5 июня 1811 г., во время отчета Коленкура о его посольстве в России. Их разговор с глазу на глаз длился более пяти часов!

Коленкур в своих мемуарах оставил очень интересную запись этой беседы.

Наполеон довольно сухо принял своего опального посла и с места в карьер обрушил на него град упреков: он и плохо разбирается в международной обстановке, и «обольщен» Александром I, и обведен вокруг пальца, и не выполнил своего долга, и т. п.

Тщетно пытался Коленкур предостеречь императора от недооценки мощи России, советовал пойти на уступки, прежде всего ослабить хотя бы на время режим континентальной блокады. Тщетно советовал «быть терпимым», намекал, что с Россией нельзя обращаться, как с вассальным немецким княжеством.

Коленкур даже пересказал своему императору слова Александра I, якобы сказанные французскому послу во время прощальной аудиенции с царем 11 мая 1811 г.: «Если император Наполеон начнет против меня войну, возможно и даже вероятно, что он нас победит, если мы примем бой, но эта победа не принесет ему мира. Испанцев нередко разбивали в бою, но они не были ни побеждены, ни покорены. Однако они находятся от Парижа не так далеко, как мы; у них нет ни нашего климата, ни наших ресурсов. Мы стоим за себя. У нас большие пространства, и мы сохраняем хорошо организованную армию... Даже победителя можно заставить согласиться на мир... Если военная судьба мне

не улыбнется, я скорее отступлю на Камчатку, чем уступлю свою территорию и подпишу в своей столице соглашение, которое все равно будет только временной передышкой...»

Наполеон оставался неумолим. «Я хочу, – заявил он, – чтобы союз был мне полезен, а он не является более таковым с тех пор, как Россия начала допускать нейтральные суда в свои порты». Наполеон четко сформулировал свою стратегическую задачу: «Для того чтобы мир (читай: господство Франции в Европе. – *В. С.*) был возможен и длителен, необходимо, чтобы Англия была убеждена, что она не найдет больше сочувствующих на континенте». Но этого мало. «Необходимо также, чтобы русский колосс и его орды не могли больше угрожать Югу внезапным вторжением».

Словом, для Наполеона война с Россией, которую он теперь считал «троянским конем» в своей континентальной системе, стала неизбежной. Ее скорейшему началу мешала война в Испании. Коленкур отметил раздраженную реплику Наполеона: «Эти чертовы дела в Испании мне дорого стоят!»

В июне 1811 г. новая война с Россией мыслилась Наполеоном как расширенный вариант кампании 1806–1807 гг.: новый Фридланд и новый Тильзит, во теперь уже на гораздо более жестких для царя условиях, чем в 1807 г.: «Он говорил о русских помещиках, которые (если начнется война) испугаются за свои поместья и заставят императора Александра, после удачной для нас битвы, подписать мир».

Как и Франция, Россия с января 1810 г. начала усиленно готовиться к войне. Эта подготовка велась и раньше в форме финансирования на армию и флот, строительства военных заводов, закупки оружия и т. п., но теперь военные мероприятия России переходили на практическую основу – разработку планов войны, размещения войск и т. п.

В январе 1810 г. военным министром был назначен М. Б. Барклай-де-Толли. Новый министр деятельно взялся за работу. В феврале – апреле 1810 г. им было представлено царю несколько докладов, в которых содержались конкретные предложения по укреплению обороноспособности России.

В своей первой записке «О защите западных пределов» России Барклай-де-Толли предложил построить линию оборонительных сооружений на правом берегу Западной Двины и левом берегу Днепра с тем, чтобы встретить французскую армию на границе, измотать ее в боях на плацдарме Рига – Смоленск – Киев, а затем отойти на укрепленные позиции по Двине и Днепру.

К слову сказать, у русского военного командования были большие разногласия в отношении стратегического плана возможной войны. Если, скажем, Барклай-де-Толли, начальник тыловых служб П. М. Волконский и другие в 1810–1812 гг. придерживались оборонительной тактики, предлагая вести войну на территории западных русских губерний (об отступлении до Москвы тогда никто и не помышлял), то другие генералы (например, П. И. Багратион) настаивали на

стратегии наступательной. Воевать надо, говорили они, не в России, а за ее пределами, на территории Польши и Пруссии.

Военному министерству России нужны были прежде всего сведения о состоянии армий Франции и ее союзников. Раньше такие данные получали через посольства, но они были отрывочными и неточными. Барклай-де-Толли предложил создать параллельно с дипломатической службу военных агентов (атташе) при европейских посольствах и миссиях России. Такие агенты посылались и ранее (в 1806 г. в Берлин и Вену), но службы военных атташе не существовало. Впервые она была введена в России с 1810 г. По мысли министра, военный агент должен был обладать дипломатическим иммунитетом. В задачу агента входило информировать министерство о военных приготовлениях Франции. В 1810 г. такие агенты были посланы Россией в Вену, Варшаву, Мюнхен.

Самой примечательной фигурой среди них был полковник граф А. И. Чернышев. Его официальная миссия состояла в перевозке личных писем Наполеона и Александра I. С октября 1810 г. к этой миссии добавилась неофициальная – сбор военной информации.

Фактически Чернышев осуществлял военную разведку. Это со всей очевидностью вытекало из врученной ему инструкции Чернышев обязан был собирать и сообщать в Россию сведения о военных приготовлениях Франции и ее союзников (дислокации войск, резервах, вооружениях, крепостях и т. п.) Вся эта «неофициальная» деятельность Чернышева проходила в строжайшей тайне. Он подчинялся только царю и

военному министру. Ни Румянцев, ни Куракин не могли ничего приказать Чернышеву.

Чернышев выполнял задание военного разведчика до февраля 1812 г. Немало ценных сведений сообщил он русским генералам. Но его заслуга была не только в том, что он лично выполнял самые рискованные разведывательные задания – Чернышев был еще и тем, кого сегодня во всех разведках мира именуют резидентом. В его «резидентуру» (хотя такого термина тогда еще не существовало) входили такие известные в истории лица, как будущий министр иностранных дел России и канцлер граф Карл Нессельроде (тогда, с марта 1810 г. – скромный «чиновник по финансовой части» российского посольства в Париже) и бывший министр иностранных дел Наполеона Шарль-Морис Талейран (в 1808–1814 гг. в отставке), а также два глубоко законспирированных военных разведчика – русский полковник Иван (Иоганн) Витт и французский полковник Мишель, крупный чиновник военного министерства Франции, много лет работавший на русскую разведку.

Если Мишель все же представлял собой типичный пример наемного «крота», работавшего за деньги, то фигура Ивана Осиповича Витта (1781–1840 гг.), как талантливого и удачливого разведчика, все еще ждет своих исследователей.

Сын немца – коменданта военной крепости на юге Украины, в Каменец-Подольске, и матери-польки Софьи Витт, известной в конце XVIII в. авантюристки и любовницы многих знаменитых людей (среди ее поклонников был сам всесильный екатерининский вельможа светлейший князь Григорий Потемкин-Таврический), молодой Витт благодаря матери получил блестящее домашнее образование (с детства свободно говорил на шести европейских языках) и не менее блестящее начало военной карьеры – с одиннадцати лет как и все дворянские «недоросли» был записан «для прохождения службы» в русскую императорскую конную гвардию, вступив в службу с 18 лет, получил чин корнета, но уже через два года, благодаря личной протекции Павла I в 1801 г. (и снова не без содействия матери) на зависть своим безусым однокашникам сразу «прыгнул» через все чины – стал гвардейским полковником (самый молодой полковник во всей русской армии)

Однако Витт не рвется в командиры полка – он выбирает малозаметную «канцелярскую» работу в Главном штабе императорской гвардии в 1801–1805 гг. корпит над бумагами – изучает уставы армий Наполеона, их структуру, размеры жалованья и т. п.

Но в 1805 г. сам просится в действующую армию и храбро сражается под Аустерлиц (был контужен, но остался в строю).

В 1807 г. – новый поворота судьбе молодого гвардейского полковника (кстати, и его будущий начальник А. И. Чернышев, будучи моложе Витта всего на четыре года, тоже получил полковника в 25 лет) его вызывают в Тильзит к царю Александру I Последний представляет Витта Наполеону, и после этой встречи молодой полковник вдруг в 26 лет неожиданно выходит в отставку и исчезает.

Но в начале 1808 г. до его сослуживцев по Главному штабу гвардии в Петербурге доходят слухи – Витт предатель Он, оказывается, «завербован» наполеоновской разведкой о время пребывания в Тильзите, сбежал во Францию и там поступил на службу к Наполеону. Все оказалось верным, – Витт действительно оказался в Париже, более того, был принят с сохранением чина полковника в наполеоновскую армию, вскоре вошел в доверие к маршалу Мюрату, а затем – и к самому Наполеону. Тот даже делает русского полковника начальником своей временной походной канцелярии и берет с собой в 1808 г. в Испанию.

Затем Наполеон поручает Витту ряд деликатных секретных заданий тот едет с тайной миссией на Балканы (вспомните, как болезненно в Петербурге в 1802–1807 гг. относились к проискам французской дипломатии и разведки на Балканах – а там, оказывается, в 1809 г. побывал и «наш человек»!) поручает в 1810 г. посредничество в своей неофициальной переписке с польской графиней и своей мимолетной любовницей

Марией Валевской и, наконец, в начале 1811 г. назначает Витта своим личным тайным представителем в Варшаве – центре сбора всех шпионских сведений перед готовящимся вторжением «Великой армии» в Россию

Но за две недели до вторжения Наполеона Витт исчезает из Варшавы и «всплывает» в штабе 1-й русской армии М. Б. Барклая-де-Толли с целым портфелем сверхсекретных бумаг французской армии (дата и маршруты вторжения, основные места переправы через р. Неман, списки завербованных шпионов на русской стороне и т. д.).

К удивлению некоторых бывших сослуживцев Витта по Главному штабу гвардии, еще в 1808 г. требовавших разжалования молодого полковника как «дезертира», Барклай не только не арестовал «шпиона Наполеона», а, наоборот, заперся с ним у себя в кабинете и проговорил всю ночь. Изумленным сослуживцам «дезертира» он затем объяснил, что Витт не только не вычеркнут из списков русской гвардии, но и все эти годы числится в «длительной заграничной командировке» по штабу 2-й армии Багратиона, а вся его «отставка» в 1807 г. не более чем мистификация.

Только тогда сослуживцев «дезертира» вдруг осенило. Когда в 1808 г. они «сигнализировали» лично Александру I от имени полкового гвардейского суда офицерской чести о «предательстве» Витта и требовали его разжаловать, судить и сослать «в Сибирь навечно», царь на их бумаге почему-то начертал:

«В ходатайстве отказать, оставить [Витта] в списках [русской] гвардии».

И уже совсем были добыты завистливые сослуживцы, когда от Барклая-де-Толли Витта с

фельдъегерем доставили в Петербург прямо к самому царю, и тот, закрывшись, проговорил с «дезертиром» целых пять часов! Да еще вышел Витт из царского кабинета уже не полковником, а 30-летним гвардейским генерал-майором!

И было за что. Витт ведь не только выкрал сверхсекретные оперативные документы «Великой армии» накануне ее вторжения в Россию, но и еще в 1808–1811 гг. являлся активным связником между Мишелем, Талейраном, сестрой Наполеона Полиной Боргезе (ее парижский салон в 1808–1810 гг. был легальным местом встреч между Чернышевым и Виттом) и Нессельроде.

Последний же сыграл не менее важную роль как связник между Талейраном и Александром I.

Любопытно, что Витт успел предупредить Баркляя – «Дрисский лагерь» прусского генерала на русской военной службе Карла Фуля (Пфуля – о нем саркастически писал Лев Толстой в эпопее «Война и мир») – ловушка.

В марте в Париж был послан советник русского посольства по финансовым вопросам Нессельроде. Неофициально его миссия была аналогична миссии Чернышева, только много шире – он должен был информировать царя не только о военных, но и о дипломатических мероприятиях Наполеона. И самое главное – Нессельроде был тайным посредником между царем и основным агентом Александра I во Франции – Талейраном.

Запустив пробный шар в Тильзите, Талейран в октябре 1808 г. в Эрфурте уже прямо предложил свои услуги царю. В ноябре 1808 г. – феврале 1809 г., во время пребывания Румянцева в Париже, Талейран сообщал некоторые, хотя и второстепенные данные о планах французской дипломатии. Позднее, в мае 1809 г., он даже написал Румянцеву письмо, в весьма осторожной форме советуя уклоняться от строгого соблюдения условий континентальной блокады.

В тот период Александр I до поры до времени опасался вступать в слишком тесный контакт с Талейраном – в случае раскрытия Наполеоном таких связей это был грандиозный скандал: союзник за спиной союзника собирает секретную информацию через опального министра! В 1810 г. обстановка изменилась. Услуги Талейрана были весьма кстати, и Александр I послал в Париж Нессельроде. Последний находился во Франции с марта 1810 г. по август 1811 г. и все это время через Сперанского регулярно информировал царя.

Письма Нессельроде из Парижа – интереснейшие документы русской дипломатии накануне войны 1812 г.

Они были написаны по всем правилам конспирации, несмотря на то, что наиболее важные из них отправлялись только с Чернышевым. Все главные действующие лица были зашифрованы. Талейран именовался в них то «Анной Ивановной», то «наш библиотекарь», но чаще всего – «мой кузен Анри». Наполеону было присвоено исконно русское имя-отчество «Терентий Петрович», а иногда Нессельроде называл его даже на английский манер – «Софи Смит». Под условными именами были скрыты: Куракин («Андрюша»), Румянцев («моя тетя Аврора»), Шампаньи («наш племянник Серж»). Александр I именовался «Луизой», а сам Нессельроде скрылся под псевдонимом «танцор».

По содержанию и объему информации Нессельроде можно разделить на три неравные части: большую часть составляли его личные соображения о политике Франции и России, затем шло изложение бесед с Талейраном и, наконец, копии важнейших документов французской дипломатии. Наибольший интерес представляли копии документов. Судя по письмам Нессельроде Сперанскому (к сожалению, добытые французские документы в мемуарах не публикуются), это были, как правило, секретные обзоры отношений Франции с ее «союзниками» (Россией, Австрией, Пруссией), отчеты о войне в Испании и внутривосточных настроениях в империи Наполеона.

Немало места в письмах Нессельроде было уделено отчетам о беседах с Талейраном. Правда, они были не так интересны, как копии секретных докладов Наполеону, но содержание этих отчетов заставляет думать, что Талейран если и не был посвящен царем в Эрфурте в тактику двойной игры с Наполеоном, то во

всяком случае раскусил ее довольно давно, возможно, уже в Тильзите.

Талейран советовал начать с Австрией секретные переговоры, тайно поддерживать Пруссию, быстрее заключать мир с Турцией, мешать действиям французской дипломатии в Швеции. «Пока будет длиться испанская война... – резюмировал Нессельроде слова Талейрана, – французам не нужно ускорять события, и они думают только о том, как помешать нам изменить занимаемую сейчас позицию (пассивного нейтралитета. – *В. С.*), столь устраивающую французское правительство, ибо эта позиция значительно ослабляет Россию и лишает нас всякой возможности сопротивления к тому времени, когда Франция решится сбросить маску».

Конечно, Наполеон не знал всех деталей деятельности Нессельроде, Чернышева и, тем более, Витта, но принимал уже некоторые предупредительные меры. Так, не случайно 15 июня 1810 г. он неожиданно уволил в отставку министра полиции Фуше. Вряд ли было случайным, что Наполеон все меньше и меньше считался с официальным послом России Куракиным. Не случайно также и то, что на процессе Мишеля наполеоновский прокурор располагал секретными материалами о связях Чернышева с Мишелем, причем уже в апреле 1812 г. утечка об этом закрытом процессе была намеренно сделана в парижскую печать.

И хотя по команде из Петербурга посол Куракин попытался было провести «операцию прикрытия» – направил 14 апреля 1812 г. официальную ноту протеста о якобы непричастности графа А. И. Чернышева к махинациям арестованного полковника Мишеля, требуя опубликовать эту ноту в парижских газетах – успеха эта акция не имела: Наполеон санкцию на публикацию не дал.

Другое дело, что процесс этот состоялся не в 1810 г., а в июне 1812 г., когда Чернышев был далеко от Парижа, а Витт уже темной ночью переплывал вплавь Неман, чтобы наутро явиться в штаб 1-й армии Баркляя с секретными документами о дате перехода «Великой армии» русской границы.

Понятное дело, что и сам Наполеон действовал в отношении своего «союзника»-царя отнюдь не в белых перчатках. Так, в начале 1810 г. он пригласил к себе французского археолога Жана Лайара, которому было

поручено собрать сведения о рекрутских наборах в России, ее военном управлении, складах, войсках и т. п., а в декабре того же года выслушал его отчет. (Лайар в 1807–1810 гг. вел раскопки в Персии, а на обратном пути по заданию французской разведки провел несколько месяцев в России.)

Кстати, важная информация археолога о состоянии дорог в России и таком феномене, как весенняя русская распутица, побудили Наполеона отодвинуть начало вторжения на конец июня 1812 г.

Впрочем, как считает один из французских специалистов, Ж. Саван, наполеоновская разведка в России была поставлена гораздо хуже. Чаще всего вербовалась прислуга – французские гувернеры в домах богатых помещиков, модистки, повара и т. п., как правило, не умевшие ни говорить, ни читать по-русски. Никуда «на местность» поэтому они не выезжали и сочиняли свои агентурные «сведения» наобум лазаря. Поэтому у одного из них, например, на сочиненной им географической «карте» Российской империи сразу за Уралом... начинался Китай. Только в самый канун войны 1812 г. при МИД Франции был создан специальный информационный центр. В его задачу входили сбор и обработка разведывательных и дипломатических данных о состоянии русской армии и укреплений. Саван считает работу информационного центра неэффективной.

Между прочим одну из главных причин провала похода 1812 г. Саван видел в отсутствие хорошо налаженной шпионской сети в России, что, по его мнению, не дало французскому Генеральному штабу возможности правильно оценить военно-стратегический потенциал противника. Сеть же эта не была создана не из-за недалёковидности Наполеона, а потому, что «патриотизм русских (или их боязнь) делали случаи подкупа военных или гражданских лиц весьма редкими».

И тем не менее Нессельроде считал за лучшее уехать из Парижа, как только представился случай. Случай представился за полгода до начала войны, в августе 1811 г. 15 августа на дипломатическом приеме Наполеон впервые за всю историю франко-русских отношений со времен Тильзита публично и резко обрушился на Куракина с упреками, обвиняя Россию в нарушении союза. Что мог ему ответить старый посол? В Петербурге, он это чувствовал, с ним уже давно не считались и держали в Париже как ширму. Вся деятельность Чернышева и Нессельроде проходила без его участия и за его спиной.

Однако отъезд Нессельроде из Франции в августе 1811 г., судя по материалам шестого тома «Внешней политики России XIX – начала XX в.», не сказался отрицательно на источниках его информации. Даже в марте 1812 г. царское правительство продолжало получать ценные сведения. К их числу относилась копия секретного франко-австрийского договора от 14 марта 1812 г., которой уже в апреле располагал Румянцев. Об обстоятельствах ее получения канцлер 9 апреля в следующих словах сообщал русскому посланнику в Вене Г. О Штакельбергу: «Благодаря имеющимся у нас тайным связям в Париже нам удалось получить через одного

военного, вернувшегося из-за границы, сведения об акте, недавно заключенном с Францией венским двором».

По мере ухудшения отношений с Францией слабеет влияние русских творцов тильзитской системы, подобно тому, как в 1806–1807 гг. слабели позиции вдохновителей III коалиции – Чарторыйского, Новосильцева, Строганова. Канцлер Румянцев начинает терять былое влияние. Как и Куракин в Париже, он все более и более становится декоративной фигурой. Так, когда в феврале-марте 1811 г. начался очередной тур франко-русской закулисной борьбы за Австрию, посланнику России в Вене было предписано направлять донесения «в собственные руки» Александра I, минуя Румянцева.

В записке царя Штакельбергу говорилось: «Вы будете сношаться со мной непосредственно и адресуйте ваши письма и ваших курьеров в деликатных случаях г. Кошелеву, который пользуется полным моим доверием. Канцлеру не будет ничего известно об их содержании». Правда, полностью отстранять Румянцева от секретных переговоров царь не хотел, но когда это было возможно, обходился и без него.

Такое двусмысленное положение Румянцева (хотя он и понимал его причины) вызывало с его стороны недовольство, усугублявшееся разногласиями с царем относительно ряда важных вопросов (сроков готовности к войне, ускорения примирения с Англией и т. д.) Наряду со Сперанским и Куракиным Румянцев был сторонником максимального отсрочивания качала войны в целях лучшей подготовки к обороне. Накануне войны с Францией разногласия Румянцева с царем приняли такую острую форму, что канцлер отказался выполнить

приказание царя о составлении резкой ноты французскому правительству и в мае 1812 г. подал прошение об отставке, которая, впрочем, была отклонена.

Вместе с тем Александр I не считал пока нужным менять эти три важные в дипломатической игре с Наполеоном фигуры. В то время как последний сменил за это время двух министров иностранных дел – Талейрана (не по своему желанию) и Шампаньи и одного посла – Коленкура, царь все оставил по-прежнему. Сохранение Румянцева, Сперанского и Куракина – этих столпов франко-русского сближения – на их официальных постах должно было демонстрировать неизменность внешнеполитического курса России, принятого в Тильзите.

Возможно, с точки зрения «двойной дипломатии» Александра I это был правильный шаг – за все время существования союза Россия старалась не дать Франции никакого формального повода для обвинения в отступлении от Тильзитских соглашений.

Если влияние Румянцева падало, то стремительно росли акции Нессельроде. Почти полуторагодовое пребывание на секретном дипломатическом посту во Франции сделало его самым информированным чиновником русского министерства иностранных дел. Нессельроде постарался максимально подробно передать царю эту информацию, а также свои (и Талейрана) соображения о внешнеполитическом курсе России в условиях теперь уже очевидной для всех неизбежной войны с Францией.

В середине октября 1811 г. Нессельроде представил Александру I итоговый отчет о своей миссии в Париже. Вся историю франко-русских отношений Нессельроде поделил на три периода: 1807–1809 гг. – «эпоха надежд», Тильзит и Эрфурт; 1810 г. – «начало разочарований»; с 1811 г. – состояние необъявленной войны.

Союз с Наполеоном принес России несомненные выгоды. Главнейшая из них – укрепление обороноспособности государства: сейчас у России самая сильная армия, которую она когда-либо имела с 1801 г. Поставленная в Тильзите цель – подготовиться к новой войне с Францией – достигнута.

Но этого мало. Начавшаяся сейчас война снова была бы войной один на один с Францией, что, учитывая опыт франко-австрийской войны, весьма опасно. Наполеон это хорошо понимает. Поэтому он любыми путями хотел бы спровоцировать Александра I на объявление войны первым, а главное – на выдвижение русских армий на территорию Польши и Пруссии. Тогда бы французская армия получила возможность разыграть второй вариант кампании 1806–1807 гг., попытавшись разгромить русские войска в одном-двух генеральных сражениях. Поэтому, предостерегал Нессельроде, ни в коем случае нельзя повторять ошибок войны 1806–1807 гг. Россия не должна дать себя спровоцировать.

Что же делать? По-прежнему выжидать. Но не пассивно (здесь позиции Нессельроде и Румянцева расходились), а активно. Нессельроде предлагал максимально ускорить тайные переговоры со всеми

потенциальными союзниками Франции по войне против России, прежде всего с Австрией.

Нессельроде вслед за Талейраном придавал огромное значение позиции Австрии. Он считал, что только австро-русский союз может обеспечить России успешное ведение войны против Франции. Поэтому выигрыш во времени необходим русской дипломатии прежде всего для привлечения Австрии на свою сторону. Более того, в отчете Нессельроде уже вырисовывались контуры будущего Священного союза 1815 г., основой которого служил русско-австрийский союз.

Правда, брак Наполеона с австрийской принцессой Марией-Луизой в феврале 1810 г. очень осложнил эту задачу, но тем важнее фактор продления передышки в отношениях с Францией. Эта передышка – время поисков союзников против Наполеона. Для продления передышки Нессельроде предложил начать официальные франко-русские переговоры по спорным вопросам. Такие переговоры следовало бы вести еще весной 1811 г., когда поражение французских войск в Испании делало благоприятным заключение выгодной России конвенции с Францией. Но не поздно и осенью 1811 г. – русские войска успешно бьют турок, и не сегодня-завтра мир с Турцией будет заключен.

Царь должен послать в Париж доверенное лицо с проектом франко-русской конвенции. Проект, по мысли Нессельроде, включал бы шесть основных пунктов: 1) ольденбургский вопрос; 2) взаимное сокращение вооруженных сил у границ; 3) польский вопрос; 4) судьба Пруссии; 5) русский тариф 1810 г. и 6) австрийская гарантия этих условий франко-русского соглашения.

Позиция России по всем этим вопросам должна быть неодинаковой. Ольденбургский вопрос – второстепенный и выдвигается только как единственная формальная претензия России к Франции. В конце концов интересами герцога Ольденбургского можно и пожертвовать. Зато ни в коем случае не уступать в вопросе о русском тарифе. Гарантии Австрии, по словам Нессельроде, – первый шаг к русско-австрийскому союзу, который он считал «единственным спасательным кругом, оставшимся для России после стольких кораблекрушений». Впрочем на переговорах с Францией важно установить контакт с австрийской дипломатией, но решать вопрос о союзе с Австрией надо, конечно, не в Париже, а в Вене или Петербурге.

И, наконец, вопросы о вооруженных силах, о Пруссии и герцогстве Варшавском. Их обсуждение потребует много времени, и это очень хорошо. Россия должна демонстративно отвести войска от своей западной границы, но так, чтобы они в любой нужный момент могли снова быстро занять построенные там укрепления. За это Франция должна вывести или уменьшить количество своих войск в Пруссии. Формальный повод к тому есть: еще 8 сентября 1805 г. по франко-прусскому договору Наполеон обязался вывести свои войска из занимаемых им прусских крепостей.

На дворе уже осень 1811 г, а войска не только не выведены, но число их постоянно растет. Бывший «чиновник по финансовой части» предлагал царю проект специальной русско-французской союзной конвенции по Пруссии, в которую и надлежало включить все его предложения. Кроме того, Нессельроде предлагал

включить статью об обязательстве Наполеона не помогать полякам герцогства Варшавского вооружаться.

В целом условия этого проекта конвенции, выработанного Нессельроде, были, конечно, явно нереальными. Наполеон никогда бы на них не пошел. Но Нессельроде считал, что это и неважно: главное – выиграть время.

Выигрыш во времени от этих переговоров или даже (все может быть!) заключение с Наполеоном конвенции сроком на два года даст России дополнительную передышку для восстановления финансов и еще большего укрепления армии. За то же время она, как надеялся Нессельроде, заключит союз с Австрией и наладит тесный негласный контакт с Англией.

Откровения Нессельроде и Витта не были неожиданностью для Александра I. Многие из того, что предлагалось, уже давно осуществлялось царской дипломатией на практике.

Еще в ноябре 1809 г., вскоре после франко-австрийской войны, русское министерство иностранных дел направило в Вену для восстановления русско-австрийских дипломатических отношений графа П. А. Шувалова. В сентябре 1810 г. ввиду ухудшения отношений с Францией Румянцев предписал ему добиваться заключения русско-австрийской конвенции с включением в нее статьи об обязательстве России не помогать Франции в случае новой австро-французской войны с аналогичным обязательством Австрии при нападении Франции на Россию. Шувалов находился в Вене по март 1811 г. За это время его задача все более и более усложнялась: в ноябре 1810 г. Румянцев предложил ему заключить уже не конвенцию, а австро-русский секретный союз против Франции. Однако миссия Шувалова окончилась неудачей. Австрия, подобно Пруссии в 1806 г., отчаянно балансировала между двумя «союзниками».

Но Александр I не оставлял надежд на успех своей тайной дипломатии. 20 февраля 1811 г. он пишет австрийскому императору секретное письмо. В нем уже не было предложения о союзе, но зато в упор ставился вопрос: какую позицию займет Австрия в случае франко-русской войны? Царь советовал императору занять позицию нейтралитета, обещая за это свое содействие в возвращении отторгнутых Наполеоном

бывших австрийских владений в Италии и на Балканах. Франц I ответил уклончивым письмом, однако оставил дверь для дальнейшего обсуждения открытой.

Тогда царь срочно послал в Вену своего посланника Штакельберга. Внешне его миссия выглядела не более успешной, чем миссия Шувалова. Ожесточенная русско-французская секретная борьба в Вене закончилась успехом Франции—14 марта 1812 г. в Париже был заключен австро-французский союзный договор, – в силу которого Австрия обязана была участвовать в войне против России на стороне Франции.

Как отмечалось выше, содержание договора вскоре стало известно русскому правительству. Уже 7 апреля Румянцев пригласил на беседу австрийского посла Сен-Жюльена и устроил ему допрос. Посол, не имевший никаких инструкций из Вены на этот счет, молчал. Румянцев, не раскрывая козырной карты (копии франко-австрийского договора), требовал от Австрии если не союза, то по крайней мере нейтралитета во франко-русской войне.

Поскольку посол не отвечал ничего определенного, беседа была продолжена. Теперь ее вел сам царь. Показав, наконец, Сен-Жюльену копию договора, он заявил: «Если ваш император намерен разыграть комедию и ограничиться формальной посылкой против меня 30 тыс. солдат, для меня достаточно, что я поставлен в известность об этом договоре. Но если... вы хотите со мной действительно воевать, то я двину против вас шесть дивизий, кроме Дунайской армии, я использую... все способы для усиления недовольства в Венгрии или же снова договорюсь с Францией; любой вариант – не в ваших интересах».

Стремясь выйти из столь деликатного положения, Меттерних, этот «австрийский Талейран», поспешил заверить русского посла, что «доброе согласие втайне могло бы по-прежнему существовать между старинными императорскими дворами», и через Штакельберга официально сообщил русскому правительству уже известное ему содержание секретного франко-австрийского союза.

В самый канун войны, в июне 1812 г., специальный уполномоченный Меттерниха Лебцельтерн встретился с царем в его ставке в Вильно. Их беседа имела огромное значение, ибо речь шла о степени участия Австрии в войне на стороне Франции. По поручению Меттерниха Лебцельтерн заявил следующее: «Австрия должна предоставить контингент своих войск для действия против России», но численность их не превысит 30 тыс. человек, а действия австрийских войск «по возможности будут ограничены». «Австрия, – заявил Лебцельтерн, – навсегда останется другом России... но если русское правительство будет смотреть на нее как на врага, Австрии придется действовать более решительно. Ведь не хочет же Россия, чтобы Австрия выставила 150 тыс. войск и окончательно встала на сторону Наполеона?»

Видя двойную игру Меттерниха, царь попытался добиться большего. Заявив Лебцельтерну, что «Австрия старается обеспечить себе двойную выгоду – воюющей и нейтральной стороны и связывает руки России», он попытался гарантировать эту тайную устную договоренность заключением письменного соглашения. Однако Меттерних был достаточно хитер, чтобы подвергать свою страну новым неприятностям в случае победы Наполеона над Россией, и отклонил это предложение. «Из Вены – сообщал Александр I командующему Дунайской армией П. В. Чичагову, – велели передать мне, что только абсолютная необходимость... заставила Австрию подписать с ним (Наполеоном. – Б. С.) союзный договор. Но Австрия ограничится тем, что введет в действие только те 30 тыс. человек, которые она обязана предоставить Наполеону

против нас. Если мы не будем нападать на Австрию с какой-либо другой стороны, то война будет идти только на одном участке; Австрия заверяет нас в спокойствии на всей остальной нашей границе, принимав на себя обязательство не приводить в движение всей основной массы своих войск. Отзывая г. Лебцельтерна в Вену, австрийское правительство приказало ему проездом через Вильно устно повторить все эти заверения».

Позднее все было сделано почти так, как договорились. В июле 1812 г. под давлением Наполеона Австрия объявила о разрыве дипломатических отношений, но русский посланник не покинул страны, а уехал «на курорт», откуда продолжал информировать свое правительство.

Кроме того, для связи остались: в Вене – чиновник русского посольства Отт, а в Петербурге – австрийский дипломат Маршал. Связным между русским послом Штакельбергом и Меттернихом был Лебцельтерн.

Австрийское правительство действительно выделило Наполеону только один вспомогательный корпус под командованием Шварценберга, который почти не вел военных действий. Второй, «наблюдательный» австрийский корпус, двинутый к границам Восточной Галиции, вообще бездействовал настолько, что русское командование сократило на этом участке количество своих войск. Дело дошло до анекдота: австрийское правительство через Штакельберга в ноябре 1812 г. просило хотя бы для вида двинуть в Восточную Галицию русские войска, дабы оправдать перед Наполеоном бездействие австрийского «наблюдательного» корпуса. В общем «участие» Австрии

в войне 1812 г. поразительно напоминало «участие» России в австро-французской войне 1809 г.

Мало того, австрийское правительство сквозь пальцы смотрело на антифранцузскую деятельность Штакельберга и особенно Отта в Австрии. Отт, например, наладил контакт с руководителями антинаполеоновского восстания в Тироле, снабжая их русскими деньгами.

Когда же в войне наступил перелом в пользу России и французская армия начала поспешное бегство, корпус Шварценберга перешел на сторону русских. Австрийцы в декабре 1812 г. оставили территорию России, а 30 января 1813 г. Шварценберг, наконец, заключил официальную письменную конвенцию о перемирии между русскими и австрийскими войсками. 9 февраля он без боя сдал русским войскам Варшаву, сорвав тем самым план Наполеона задержать на территории Польши наступление русских войск.

В целом устная договоренность Александра I с Лебцельтерном в июне 1812 г. в Вильно означала большую победу русской дипломатии в борьбе против дипломатии Наполеона.

Может быть, является известным преувеличением утверждение, что это «тайное соглашение фактически означало союз России с Австрией против Франции». Австрийское правительство вело сложную игру, выжидая, кто же из двух гигантов одержит верх. Не случайно, что почти в одно время с беседой между царем и Лебцельтерном в Вильно, в нескольких десятках километров от них, в Дрездене, австрийский император и Меттерних обещали Наполеону увеличить численность своих войск в войне против России.

Действительно, судя по донесениям Штакельберга из Австрии за октябрь– ноябрь 1812 г., австрийское правительство увеличило корпус Шварценберга за счет нескольких батальонов бездействовавшего в Галиции «наблюдательного корпуса». Колебания австрийского правительства видны были и в отношениях Аебцельтерна со Штакельбергом, особенно после занятия французами Москвы.

Но вместе с тем не следует и преуменьшать значения этой секретной договоренности только на том основании, что она не была закреплена в письменном документе. Разумеется, в конечном итоге судьба австрорусских тайных отношений целиком зависела от исхода военной кампании, и, вне всякого сомнения, Меттерних, не задумываясь, предал бы Александра, если бы Наполеон победил. Однако июньская договоренность значительно ослабила военный вклад Австрии в эту проблематичную победу, и в этом несомненная заслуга русской дипломатии, сумевшей нейтрализовать одного из самых сильных союзников Франции.

Аналогичная картина наблюдалась и в русско-прусских отношениях. Пруссия была еще более зависима от Франции – ее территория контролировалась французскими войсками. Прусский король фактически был заложником Наполеона. Вместе с тем прусское дворянство понимало, что избавление от французской оккупации может прийти только из России.

До 1810 г. пруссаки вели себя тихо. С 1810 г. прусская дипломатия начала искать контакты с Россией. Пруссакам приходилось быть вдвойне изворотливее, чем австрийцам, – Наполеон мог просто присоединить территорию Пруссии к Франции.

Прусская дипломатия начала издавна – летом 1810 г. она предложила свое посредничество в мирных переговорах России и Турции, поскольку это, как писал прусский король своему посланнику в России Шладену, «упрочило бы положение России по отношению к Франции и позволило бы ей более действенным образом защищать независимость других государств от посягательств Франции».

Затем прусское правительство потихоньку начало перевооружать свою небольшую армию и укреплять оставшиеся у него крепости. В сентябре 1811 г. оно даже послало в Россию генерала Шарнгорста для заключения военной конвенции о совместных действиях против Франции. В сверхсекретных переговорах с Шарнгорстом (они велись без всяких протоколов и бумаг) принял участие сам царь и Барклай-де-Толли. 17 октября 1811 г. русско-прусская союзная военная конвенция была,

наконец, составлена и подписана, но прусский король побоялся ее утвердить.

Боязнь Фридриха-Вильгельма объяснялась просто – Наполеон узнал о секретных переговорах с Россией (у него тоже были в Петербурге свои «Витты»), и через своего посла в Берлине – Сен-Марсана – предъявил Пруссии ультиматум: или она немедленно заключает союз с Францией, или за дальнейшие последствия он не ручается. Какие это могли быть «последствия», прусский король хорошо знал – опыт Иены и Ауэрштадта научил его понимать Наполеона с полуслова.

24 февраля 1812 г. франко-прусский союзный договор и военная конвенция были заключены. Пруссия обязалась выставить 20-тысячный вспомогательный корпус для войны с Россией. Эти соглашения были дополнены указом прусского короля от 15 апреля 1812 г. о запрещении ввоза в Пруссию товаров из России. За все это королю в случае победы обещалась территориальная компенсация.

Далее события развивались по той же схеме и в одно и то же время, что и с Австрией. Еще до объявления войны, в апреле 1812 г., в Петербург был послан прусский подполковник Шелер. Он передал царю пожелание своего короля сохранять тайные сношения между Россией и Пруссией даже после начала войны. Шелер остался в Петербурге (под вымышленной фамилией), а в Берлине функции секретного агента России выполнял подполковник прусской армии Валентини. Вот как описывал русский посланник Х. А. Ливен задачи тайного представителя России в Пруссии: «Подполковник Валентини получил от государственного канцлера (Пруссии. – *В . С.*) указание договориться со

мной о том, как, по его мнению, ему следовало бы выполнять его обязанности, которые барон Гарденберг (канцлер Пруссии. – *В. С.*) характеризовал ему как обязанности тайного поверенного в делах России в Пруссии. Он просил меня дать ему лучше устные директивы, а не письменные инструкции, которые могли бы скомпрометировать его. Я порекомендовал ему стараться быть осведомленным о намерениях короля и его министерства в отношении России и сообщать о своих наблюдениях императорскому министерству... Я полагаю, что г-н Валентини сможет принести пользу в этом отношении, и надеюсь, что... (король)... будет беседовать с ним о делах. Этот офицер будет также передавать все, что сможет узнать о передвижениях французских войск, и, в частности, будет сообщать о подкреплениях, направляющихся на соединение с армией».

В то же время русское военное командование, информированное о колебаниях прусского правительства, стремилось склонить командующего прусским корпусом Йорка перейти на сторону России. Задача облегчалась тем, что Йорк не рвался в бой. Переговоры с ним начались еще в июне (вскоре после вторжения армий Наполеона в Россию) при посредничестве Немецкого комитета и продолжены в сентябре-ноябре 1812 г. через представителя царя рижского генерал-губернатора Ф. О. Паулуччи. Йорку предлагалось заключить соглашение о переходе прусского корпуса на сторону России. Йорк и информированный им о русских предложениях прусский король колебались. Только после того, как разгром «Великой армии» Наполеона на полях России стал очевидным фактом, Йорк 30 декабря 1812 г. заключил с

русским военным командованием в Таурогене (Литва) конвенцию о нейтралитете прусских войск.

Таким образом, секретная деятельность русской дипломатии в 1810–1812 гг. по нейтрализации двух основных союзников Наполеона в войне против России принесла свои плоды.

Дипломатический успех России в тайной дуэли против наполеоновской дипломатии накануне войны 1812 г. был закреплен еще двумя крупными победами 5 апреля 1812 г. был заключен русско-шведский союзный договор, а 28 мая – мирный договор с Турцией. Иными словами, еще два вероятных союзника Франции по войне с Россией – Швеция и Турция – вышли из игры буквально накануне войны.

Особенно важна была нейтрализация Швеции как сильного военного союзника Франции, угрожавшей столице Российской империи на самом кратчайшем операционном пути – через Балтийское море. В отличие от Османской империи, где никто не был уверен заранее – какого очередного султана свергнут и кого посадят на престол Блистательной Порты султанские гвардейцы – янычары, в Швеции все было стабильно.

Путем сложных династических и дипломатических комбинаций Наполеону удалось протолкнуть 21 августа 1810 г. на шведский престол в качестве «наследника» при больном шведском короле Карле XIII («отец» всего на несколько лет был старше «сына») своего маршала Жана-Батиста Бернадотта (1763–1844 гг.) в качестве регента.

Наполеон всегда свято верил в семейные клановые связи: «Я признаю родственниками лишь тех, кто мне служит... Те, кто не поднимется вместе со мной, перестанут быть членами моего семейства. Я из всех сделаю семейство королей, вернее, вице-королей». Поэтому он относил и Бернадотта к своей «дальней семье» – ведь в 1798 г. он женился на первой

(несостоявшейся) невесте молодого Бонапарта Дезире Клари. И хотя Бернадотт особыми военными талантами не блистал, 18 брюмера 1799 г. открыто не поддержал государственный переворот Бонапарта, а позднее был даже замешан в антибонапартистском заговоре генерала Симона, начальника штаба Западной армии, которой тогда командовал будущий король Швеции, Наполеон все это оставил без внимания.

В 1804 г. он присвоил Бернадотту звание маршала Франции, в 1806 г. удостоил титула «нового дворянства» Первой империи – князя Понтекорво.

Наполеон был твердо уверен – этот тяжеловесный красавец за все, что он для него сделал, не посмеет перечить императору Франции. Как всякий корсиканец, Бонапарт верил в «знаки судьбы», а у принца-регента Швеции – это он видел сам – во всю грудь была несмываемая татуировка «Смерть королям и тиранам» (память о революционной военной молодости).

И стоит Наполеону только намекнуть спесивой шведской аристократии, что написано на груди у их будущего короля – не видать Бернадотту шведского трона как своих ушей (он действительно станет «полным королем» только 5 февраля 1818 г. под именем Карла XIV Юхана, сразу после смерти своего «отца», и процарствует благополучно еще 26 лет, дав начало нынешней королевской династии Швеции).

Имелся у Наполеона и еще один, запасной, рычаг воздействия на Бернадотта – это его супруга Дезире. Пользуясь ее женскими страхами относительно климата в Швеции (южанка – родилась в Марселе, – Дезире была уверена, что Швеция, как и Россия, расположены где-то близко к Северному полюсу, и наверняка населены

белыми медведями), Наполеон уговорил супругу принца-регента пока не переезжать к маршалу в Стокгольм, что она и сделала (и двенадцать лет прожила в поместье мужа – князя Понтекорво во Франции, пока, наконец, не воссоединилась с мужем в 1822 г., переехав-таки к нему в Стокгольм на страх белым медведям).

Но все эти расчеты Наполеона оказались построенными на песке. Александр I его перехитрил и переманил Бернадотта на свою сторону, при этом настолько уверовал в его военные таланты, что даже предлагал Бернадотту в июле 1812 г возглавить главнокомандование отступающей на восток русской армии (такой пассаж царя с удивлением отметил в свое время Карл Маркс). Перед этим царь наладил через А. И. Чернышева со шведским регентом личную и конфиденциальную переписку (поездки русского резидента в Стокгольм в 1811 – начале 1812 г.) Позднее в шведской и русской столице весной 1812 г. начались сверхсекретные мирные переговоры, которые 5 апреля 1812 г. завершились подписанием тайного антинаполеоновского союзного договора, сорвавшего все планы Наполеона.

И все это в одночасье рухнуло, когда, наконец, Наполеон в июне узнал, что его «революционный маршал» его жестоко обманул.

Все, что мог затем сделать Наполеон, это отыграться на личности Бернадотта в своих мемуарах на Св. Елене – предатель, дал «нашим врагам ключи от нашей политики и отмычки от нашей военной тактики».

Действительно, Бернадотт перехитрил Наполеона и даже в 1813 г. в Германии разбил своих бывших коллег –

Удино и Нея, чуть не сев по протекции Александра I в 1814 г. на французский королевский престол вместо Бурбонов.

Если к успехам сначала по нейтрализации, а затем и союзу со Швецией добавить категорический отказ Дании принять участие в войне против России, то станет ясным, что надежды французской дипломатии на создание мощной антирусской коалиции в составе Франции, Австрии, Пруссии, Швеции, Турции и Дании к началу войны 1812 г. оказались в значительной степени неосуществленными.

Позднее Наполеон сам с горечью признавал: «Моя дипломатия должна была сделать для меня половину (русской) кампании, а она почти и не думала об этом». Французская дипломатия, сетовал Наполеон, «пребывала в состоянии изоляции, действуя без должной тонкости среди проблем, которые нужно было решать». «Впоследствии, – писал Е. В. Тарле, – Наполеон говорил, что если бы он предвидел, как поведут себя турки в Бухаресте и шведы в Стокгольме, то он не выступил бы против России в 1812 г.» Следует отметить, что первоначально французский император хотел идти войной не на Москву, а на Петербург; при этом французская атака с суши должна была быть поддержана шведской атакой с моря. Наполеон настолько был уверен в успехе всей операции, что на 15 августа 1812 г. отпечатал даже пригласительные билеты на свой день рождения с местом празднования в Зимнем дворце русских царей.

Правда, утверждение Наполеона о том, что он не начал бы войну с Россией, если бы знал о поведении шведов, вряд ли соответствует истине. Скорее наоборот: видя провал усилий французской дипломатии по

сколачиванию антирусской коалиции, он поспешил ускорить начало войны, чтобы не допустить развала и без того непрочного австро-франко-прусского союза, тем более что на горизонте все явственнее вырисовывались контуры англо-русского мира.

Несмотря на разрыв дипломатических отношений и участие России в континентальной блокаде, английское правительство не оставило надежды оторвать ее от Франции путем заключения англо-русского сепаратного мира.

После неудачной попытки запугать царя угрозой дворцового переворота и даже физической расправой (декабрь 1807 г.) английская дипломатия перешла к тактике поддержки антитильзитских настроений, особенно в Петербурге и Москве. Английская агентура при этом опиралась на конкретных лиц – Чарторыйского, Строганова, Новосильцева, а также частично на окружение императрицы-матери Марии Федоровны, игравшей важную роль в закулисных дворцовых комбинациях.

Одним из методов подогревания антитильзитских настроений была засылка в Россию брошюр и памфлетов антифранцузского содержания. Снабженные многочисленными статистическими выкладками, эти отпечатанные на английском и французском языках книжечки «доказывали» полную неэффективность континентальной блокады для Англии и подчеркивали отрицательные последствия англо-русского торгового разрыва для России.

В целях нейтрализации английской пропаганды как в России, так и в Англии русское правительство предприняло контрмеры. Министерством иностранных дел России был налажен выпуск анонимных брошюр про-тильзитского содержания. Так, в конце 1807 г. в Лондоне на английском языке вышла одна из таких брошюр под названием «Ключ к пониманию последних действий России». Написанная якобы от имени англичанина, эта брошюра пыталась смягчить неблагоприятное впечатление в Англии от франко-русского союза.

Наряду с созданием антитильзитских настроений английское правительство пыталось нащупать почву для англо-русских сепаратных мирных переговоров. С этой целью еще в октябре 1807 г. в Петербург был направлен английский офицер-разведчик Роберт Вильсон. Целью его секретной миссии было предотвратить англо-русский разрыв. Однако добиться этого Вильсону не удалось.

Тем не менее англичане не оставили своих попыток. Накануне эрфуртской встречи министр иностранных дел Англии Каннинг тайно направил в Петербург нового гонца, некоего Холидея, который привез письмо министра на имя Новосильцева. Каннинг надеялся (и не без оснований), что либо Новосильцев, либо его друзья доведут содержание письма до Александра I. Так и случилось. А в письме уже почти открыто содержалось предложение заключить англо-русский сепаратный мир. Царь оставил обращение Каннинга без ответа, но и ничего не сообщил об этом английскому демарше Наполеону.

Почти одновременно была сделана еще одна попытка начать переговоры с Россией, связанная с

эскадрой адмирала Д. Н. Сенявина. Оказавшись отрезанной от русских портов из-за войны с Турцией и Англией, часть русской средиземноморской эскадры была блокирована в Лиссабоне английским флотом. Несмотря на явное военное превосходство, англичане не только не разгромили русскую эскадру, но заключили 4 сентября 1808 г. с Сенявиным конвенцию, по которой русские военно-морские суда передавались Англии «на сохранение» до заключения англо-русского мира, а весь экипаж во главе с командующим англичане обязывались доставить в Россию. И действительно, после ряда проволочек в сентябре 1809 г. русские матросы и офицеры на английских транспортных судах были доставлены в Ригу, после того как их суда были сданы под расписку английским властям. Столь гуманное обращение английского адмиралтейства с противником, явно нетипичное в английской морской практике, преследовало все ту же политическую цель – подчеркнуть, что Англия, несмотря ни на что, не считает Россию своим врагом.

И, наконец, еще одна попытка нащупать контакт с дипломатическими представителями России была сделана в декабре 1808 г. в письме Каннинга Румянцеву, находившемуся в то время в Париже.

Царская дипломатия на все эти авансы до 1810 г. отвечала официальным отказом. Александр I откликнулся на английский зондаж только в конце 1810 г., когда крах франко-русского союза и провал континентальной блокады стали очевидными. На этот раз английская дипломатия действовала через посредников – испанских дипломатов Коломби и Зея Бермудеса. Русскую сторону представлял Р. А. Кошелев, подчинявшийся непосредственно царю.

Англия хотела добиться заключения русско-испанского союзного договора, чтобы организовать войну против Наполеона на два фронта. Александр I до поры до времени воздерживался от конкретных обязательств. Секретные переговоры пошли интенсивнее по мере ухудшения франко-русских отношений.

16 августа 1811 г. (15 августа Наполеон устроил Куракину в Париже «разнос») принц-регент Великобритании написал царю письмо. В письме и приложенном к нему меморандуме английского министра иностранных дел Уэлсли (он сменил Каннинга на этом посту), доставленных в Петербург Бермудесом, содержалось предложение заключить новый англо-русский союз против Франции. Англичане предлагали свои услуги по примирению Турции и Персии с Россией, а также обещали помогать действиям русской дипломатии по привлечению на сторону России Пруссии и Австрии.

Не желая дать повод к обвинению в двойной игре, Александр I не ответил принцу-регенту, но написал

Кошелеву весьма интересную записку: «Если Англия заинтересована в том, чтобы Россия была в состоянии оказать действительно серьезное сопротивление Франции, необходимо, чтобы она помогла России заключить мир с Турцией на почетных для России условиях. Очень важно также, чтобы Англия помогла России покрыть расходы, неизбежно связанные со столь значительными вооруженными приготовлениями... Если таких результатов удастся добиться с помощью Англии, то Россия немедленно положит конец всем разногласиям с ней, открыв свои порты, ибо тогда она будет в состоянии оказать сопротивление в случае нападения со стороны Франции...».

Кошелев сообщил эти соображения царя Бермудесу. Через него они стали известны в Лондоне. Оттуда сразу же последовало второе предложение заключить союзный договор.

Но царь пока не спешил. Ему гораздо важнее было добиться нейтрализации Австрии и Пруссии, а также мира с Турцией. Наполеон собирался воевать с Россией отнюдь не на море, а на суше Англия вряд ли могла оказать России существенную помощь.

Тем не менее секретные переговоры продолжались. Через проживавшего в Англии в качестве частного лица бывшего посла С. Р. Воронцова и особенно через бывшего чиновника МИД России корсиканца К. Поццо-ди-Борго, высланного по требованию Наполеона в 1808 г. из России, царь установил неофициальный контакт с английским правительством. Особенно активно действовал Поццо-ди-Борго. Осенью 1811 г. он имел продолжительную беседу с принцем-регентом, который

вновь подтвердил готовность Англии оказать помощь России в войне против Франции.

Весной 1812 г. англо-русские переговоры настолько активизировались, что русское правительство даже предложило направить в Петербург английского министра иностранных дел Уэлсли. И хотя Уэлсли не поехал, дальнейшие переговоры велись без особых помех в Стокгольме, куда оба правительства назначили своих представителей. 11 июня 1812 г. царь писал своей сестре: «Я надеюсь в скором времени известить вас о мире с Англией, но пока – никому ни слова».

18 июля 1812 г. русско-английский мирный договор был подписан на территории Швеции русскими представителями Сухтеленем и Николаи и английским уполномоченным Торнтоном.

К лету 1812 г. обе «союзницы» уже закончили дипломатическую и военную подготовку к новой войне. Франция заключила в феврале и марте союз с Пруссией и Австрией, Россия – в апреле союз со Швецией и в мае – мир с Турцией. Оба последних соглашения были особенно тяжелыми ударами планам Наполеона, ибо освобождали значительные силы русской армии для войны против Франции: царю не надо было больше держать обсервационный корпус в Финляндии против шведов, и свою Дунайскую армию на юге – против турок.

Согласно предложению Нессельроде, дымовой завесой всех этих приготовлений служили франко-русские официальные переговоры по спорным вопросам. Ведение переговоров было поручено Куракину. Нечего и говорить, что эти переговоры с самого начала были обречены на провал хотя бы потому, что с апреля 1811 г. Наполеон отказывался признавать Куракина в качестве полномочного посла России во Франции. Год спустя комедия переговоров повторилась: Куракин домогался встреч с министром иностранных дел Маре, а последний уклонялся от них и даже не удосуживался отвечать на ноты Куракина, что само по себе было вопиющим нарушением дипломатического протокола. Эта игра продолжалась три месяца, с апреля по июнь 1812 г. 11 мая Куракин пригрозил, что если на последнюю его ноту ответа не будет, то он затребует паспорта для себя и всего персонала посольства. «Затребовать паспорта» на тогдашнем дипломатическом языке означало разорвать дипломатические отношения.

Куракин, конечно, не получил ответа. Тогда он выехал из Парижа в одно из его предместий, надеясь припугнуть Маре возможным разрывом отношений. Но тот и не думал бояться. Ровно через месяц, 12 июня, Куракин, наконец, получил ответ. Все предложения русского посла объявлялись ультиматумом, а требования о выдаче паспортов расценивались как объявление войны Франции.

Через десять дней тот же довод был повторен в ноте французского посла Лористона, а 24 июня 1812 г. «Великая армия» Наполеона перешла границу России. Началась Отечественная война 1812 г., на полях которой был подведен окончательный итог дипломатической дуэли двух императоров.

«Война перьев»

Наполеона и Александра

Картина дуэли двух императоров перед войной 1812 г. будет неполной, если не затронуть ее пропагандистски-идеологический, религиозный аспект, который современники, в противовес обычной, называли «войной перьев».

При этом Бонапарт, в отличие от царя, сам лично брался за перо, что еще в 1919 г. установил французский исследователь А. Первье в своей небольшой работе «Наполеон – журналист». В частности, в 1800–1803 гг. Бонапарт довольно часто печатал свои публицистические заметки в парижских газетах, особенно, в официозе «Монитор», правда, всегда анонимно или под псевдонимами.

Бонапарт был «сыном века Просвещения» (проф. А. З. Манфред) и всегда придавал «войне перьев» очень большое значение как инструменту управления общественным мнением в армии, обществе и Европе.

«Первый консул, – писал в своих мемуарах его секретарь Бурьенн, – всегда был врагом печати и держал все журналы в железных руках. Он часто мне говорил: если я сниму с них узду, то через три месяца лишусь власти». Тот же Бурьенн приводит и такую сентенцию Бонапарта: «Типография – это оружейный арсенал, который не может быть доверен каждому встречному. По моему мнению, право пользования им должно быть доверено лишь тем лицам, которые пользуются полным доверием правительства».

Но запрет и цензура – это лишь одна сторона политики «войны перьев» Бонапарта. Вторая сторона – управление печатью.

«Мы должны управлять общественным мнением, – воскликнул Наполеон на заседании Государственного совета в июне 1804 г., – а не рассуждать о нем».

«Управление» началось вскоре после государственного переворота 18 брюмера 1799 г. – уже 27 нивоза VIII года республики (17 января 1800 г.) Бонапарт росчерком пера закрыл 147 газет и журналов (из них свыше 60 – только в Париже), оставив всего 13 периодических изданий (через год из них осталось всего восемь). Но и из этих восьми политическую информацию дозволялось печатать лишь трем газетам – «Moniteur Universe», «Publiciste» и «Gazette de FEmpire».

Ведал всеми этими официозами министр полиции Жозеф Фуше, который реорганизовал и включил в состав своего министерства «Бюро по контролю за общественным мнением», созданное еще Директорией. В России очень скоро окрестили это «бюро» пропагандистским «ведомством Фуше».

Фуше выступил и первым «инструктором» русских сановников, которым еще не была ведома такая тонкая материя, как управление общественным мнением (какое мнение – на конюшню, выпороть холопа кнутом!). Правда, случится это чуть позднее, в разгар Тильзитского союза в 1808 г. с графом Виктором Кочубеем, который, окончательно отставленный царем после Тильзита, отправился как частное лицо набираться у «союзника» ума-разума (в 1819 г. Кочубею это очень пригодится, когда он вновь станет «русским Фуше» – министром внутренних дел).

Кочубей, встретившись с Фуше в Париже, вначале даже не понял сам предмет разговора – какое общественное мнение может быть у поголовно неграмотных русских мужиков, которые никаких газет, а тем более на французском языке, отродясь не читали?

Но Фуше на целом ряде примеров показал, что во Франции (и не только «вверху», но и «внизу») общественное мнение существует. Более того, любое правительство во Франции «вынуждено следовать общественному мнению, если оно желает спать на матрацах, а не на штыках». Но, как разъяснил Фуше, «следовать» – не значит «подчиняться» общественному мнению: его надо контролировать, им надо управлять.

Сам Бонапарт уже давно пользовался «типографиями – оружейными арсеналами». Еще во время итальянского похода он создал первые походные армейские типографии, где уже с 1797 г. печатались его газеты: «*Courrier de l'Armée de l'Italie*» (редактор – тогдашний друг Бонапарта М.-А.Жюльен). Не забыл Наполеон и читателей в Париже – и для них он наладил выпуск собственной газеты – «*Journal de Bonaparte et des homes vertus*».

С тех пор в обозах армий Бонапарта за границей неизменно следовали «походные типографии», начиная с египетского похода – и там некоторое время выходил его бюллетень «*Courrier de l'Égypte*». Проследовали такие типографии за «Великой армией» в Россию и в 1812 г. Именно в них печатались знаменитые наполеоновские «бюллетени».

Со времен революционных войн 1792–1799 гг. не только Бонапарт, но и все остальные французские генералы уделяли большое внимание «войне перьев» на

театре боевых действий, в ближайшем тылу противника. Туда забрасывали тысячи прокламаций, армейские разведки засылали специальных «слухачей» (слушали и распространяли ложные слухи), подкупали местных издателей.

В России якобинские пропагандисты начали действовать уже в последние годы царствования Екатерины II.

После победы при Аустерлиц в 1805 г. и при подготовке в первой «польской кампании» 1806–1807 гг. Наполеон значительно расширил эту старую, еще достаточно кустарную (якобинцы забрасывали в русские деревни листовки... на французском языке, не догадываясь, что мужик-то и по-русски читать не умеет) антикрепостническую пропаганду.

Целый ряд фактов указывает, что эти усилия наполеоновской пропаганды не проходили бесследно. Об этом, в частности, свидетельствуют протоколы допросов в Комитете общей безопасности, учрежденном Александром I в январе 1807 г. В задачи Комитета входило выявление тайных французских агентов в России, а также рассмотрение дел «об измене, нарушении спокойствия и безопасности государства». Специальным поручением Комитета было расследование источников слухов об освобождении крепостных крестьян.

И уже через месяц после своего создания Комитет допрашивал «дворового человека» некоего Ивана Спирина по обвинению о распространении слухов о близком освобождении, как только «Бонапарт придет в Россию».

Даже в достаточно просвещенных столичных кругах в 1806–1807 гг. всерьез опасались, что в случае поражения русской и вторжения французских армий в

Россию Наполеон может декретом отменить на оккупированных русских территориях крепостное право, как он сделал это в 1806 г. в Пруссии и в 1807 г. в герцогстве Варшавском.

Один из близких к будущим декабристским кругам братьев Тургеневых – Александр Иванович, – записал в декабре 1806 г. в своем «дневнике» «Мне кажется все, что Бонапарте придет в Россию; я воображаю санкюлотов, скачущих и бегающих по длинным улицам московским...»

Запаниковали и некоторые крупные царские сановники, в частности, граф Ф. В. Ростопчин, написавший царю тревожное письмо о «подрывной деятельности» французов, постоянно проживающих в России.

Александр I не отмахнулся от «сигнала», а ответил 2/14 января 1807 г. графу не менее озабоченным письмом: «Я желаю, чтобы вы яснее представили мне, в чем состоят те нелепые разглашения, своеволие, презрение к министерству и неуважение законов, которые, по словам вашим, погашают преданность и любовь ко мне народа. Опасения ваши о толках мнимой вольности... были уже предусмотрены, и принимаются, сколь возможно, такие меры, которые предупредить могут вредные оных действия. Я желал бы только знать, какой повод имели вы к заключению о внушениях слухам о вольности, которые делаются здешними французами и заставляют ожидать их Бонапарте».

«Опасения о толках мнимой вольности» в России будут волновать историков последующие два века. Во Франции некоторое распространение получила концепция полковника Ж. Шабанье (1963 г.) о том, что

стратегическая ошибка Наполеона в России в 1812 г. – это отказ отменить крепостное право, особенно, в Прибалтике. (Кстати, в 1817–1819 гг. эту «ошибку» исправит Александр I – он отменит в Латвии и Эстонии крепостное право).

Схожие идеи еще раньше (в 1940 г.) и позднее (в 1976 г.) высказывал литовский историк Б. И. Дундулис, однако подавляющее большинство исследователей в СССР считало все эти пропагандистские наполеоновские листовки 1806–1807 и 1812 г. лишь действительно «слухами о вольности» и «антикрепостническими диверсиями», разделяя категорическую оценку акад. Е. В. Тарле (1938 г.): Наполеон «ни в малейшей степени не помышлял об освобождении крестьян от крепостной неволи».

В 1981 г. я осторожно попытался уточнить категорическую оценку своего студенческого преподавателя в МГИМО (Е. В. Тарле) относительно «антикрепостнических диверсий» Наполеона, ссылаясь на только что вышедшую в издательстве МГУ работу своей «подшефной» аспирантки Елены Федосовой (по просьбе ее научного руководителя проф. А. В. Адо я консультировал ее по теме кандидатской диссертации, которую затем она выпустила отдельной книгой).

Е. И. Федосова, в частности, отметила, что забрасываемые во время русско-французской войны 1806–1807 гг. в ближнее приграничье – в Литву, Белоруссию, на Украину – листовки «ведомства Фуше» действительно отражали реалии политики Наполеона в Пруссии (отмену крепостного права в 1806 г.) и Польше (юридическую отмену крепостного права, зафиксированную в конституции герцогства Варшавского в июле 1807 г.; введение в нем в мае 1808 г. буржуазного гражданского «кодекса Наполеона»).

Помнится, в своей статье я даже привел письмо Наполеона от 5 августа 1812 г. пасынку Евгению Богарнэ в ответ на его донесение о бунте русских крепостных против их помещика: «Прошу сообщить детальные сведения об этом [бунте] и ваше мнение, какого рода декрет или прокламацию можно было бы издать, чтобы возбудить восстание крестьян в России и привлечь их на нашу сторону», т. к. это «очень выгодно для нас».

И хотя в духе тех «застойных времен» я прикрылся цитатой из популярной книжки французского историка-коммуниста Эмиля Терсена «Наполеон» (толки

о мнимой вольности в России не более, чем «средство поугагать помещиков», чтобы «они побыстрее заставили царя подписать мир, нежели программа реальной политики»), все же не только оставил в тексте статьи письмо Наполеона о возбуждении восстания крестьян в России, но и усилил его фразой – «схожие декларации Наполеона встречаются в воспоминаниях французских мемуаристов».

Помнится, наши с Е. И. Федосовой намеки на «прогрессивность» Наполеона в 1806–1807 и в 1812 г. вызвали в то время скептические ухмылки коллег (Н. И. Казакова, А. Г. Тартаковского, Б. С. Абалихина и др.).

Прошло 20 лет, и нашу с Е. И. Федосовой эстафету подхватил доцент Самарского госпедуниверситета Андрей Иванович Попов. В небольшой, но очень емкой статье «Наполеон и крепостное право в России в 1812 году», написанной на основе его выступления в Бородинском военно-историческом музее-заповеднике в сентябре 2000 г., А. И. Попов расставил, наконец, точки над і.

Автор значительно расширил источниковую базу «прогрессивности» взглядов Наполеона на отмену крепостного права в России в 1812 г. Свидетелями теоретической готовности французского императора отменить «неволю» русских крестьян выступает уже не только его пасынок Евгений Богарнэ (при этом автор приводит и ответ пасынка отчиму от 8 августа 1812 г., где принц Евгений настойчиво рекомендует подбивать к бунту не крестьян, а мещан городов Белоруссии, чтобы вызвать «еще одну революцию в буржуазии в пользу французской армии»), но и Ф. Сегюр и А. Коленкур, а также генералы и офицеры «Великой армии», обычно

остававшиеся за скобками исследований советских авторов о партизанском движении в 1812 г. – губернаторы оккупированных губерний А.-Ф. Шарпатье и Ф. Пуже, полевые генералы «Великой армии» А. ван Дедем ван де Гельдер, Ж.-Д. Компан, капитан М. де Бодю и другие.

Благодаря этим новым для русскоязычных публикаций источникам на французском и немецком языках, а также отечественным архивным и рукописным документам, А. И. Попов проследил социальный эффект от одной из прокламаций о воле, изданной в оккупированной Витебской губернии. Эффект оказался прямо противоположным ожидаемой радости от дарованной Наполеоном свободе: «Она (прокламация) вызвала только со стороны некоторых из этих варваров небольшое число зверских выступлений (убивали помещиков. – *Авт.*), способных вызвать стыд у человека (Наполеона. – *Авт.*), который предпринял эту попытку революционной пропаганды» (капитан де Бодю).

Автор уже не стесняется (как некогда Е. В. Тарле и я, как его ученик) говорить о «неудобных» страницах войны 1812 года – коллаборационизме местных жителей на оккупированных территориях даже «коренной России» – в Смоленской, Калужской и Московской губерниях. В Волоколамском уезде, например, крестьяне, «обольщенные вредными внушениями неприятеля, вышли из повиновения своим помещикам, приказчикам и старостам... Бунтуя, крестьяне говорили, что отныне они принадлежат французам, поэтому повиноваться будут им, а не русским властям». Один из очевидцев такого коллаборационизма доносил Александру I, что в Смоленской губернии некоторые его подданные «способствовали неприятелю в отыскании фуража и

сокрытых имуществ, а другие, сообщась с ним, попускались даже на грабительство господских домов».

Совсем другой была практика революционных «диверсий Наполеона». Еще в советские времена исследователи и публикаторы документов обращали внимание на почти трехкратный рост крестьянских выступлений в 1812 г. в «прифронтовых» губерниях, откуда сбежали царское местное «начальство» и помещики. Уральский исследователь Б. Ф. Ливчак не побоялся при этом еще в 1961 г. написать, что этот рост «бунтарства» (грабежи и поджоги поместий и складов, убийство оставленных «охранять добро» управляющих и приказчиков, сотрудничество с оккупантами и совместное мародерство и т. д.) происходило в общей атмосфере иллюзий, что «Великая армия» якобы «несла с собой антикрепостнический дух».

Даже в занятой им Москве Наполеон получил 6 октября 1812 г. прошение неких «жителей гор. Рузы» с просьбой издать прокламацию «о воле».

И тем не менее, отмечает А. И. Попов, такая прокламация так и не была издана.

Автор повторяет главный мотив этого отказа, давно известный по французской литературе о кампании 1812 г. – Наполеону в Москве нужен был прежде всего мир (дубликат Тильзита, но на еще более тяжелых для Александра I условиях), что уже не раз отмечалось в историографии.

Но был еще один – и, пожалуй – главный мотив, который уберег императора Франции от этого, как показала вся последующая история России, крайне рискованного предприятия – прокламации о воле. Самой

сильной стороной статьи-доклада А. И. Попова является аргументация мотивов этого отказа на основе анализа французских источников – как высказываний самого Наполеона, так и его ближайшего окружения во время русской кампании – Сегюра, Коленкура и, особенно, маршала Л. Гувьона Сен-Сира. Позднее в своих мемуарах все они в один голос утверждали, что от отмены крепостного права в «коренной» России удержало Наполеона то, что «у варварского народа и свобода варварская, необузданная...» (Ф. Сегюр), революционные принципы «свободы – равенства – братства» применимы только к «цивилизованным народам» (Л. Гувьон Сен-Сир: маршал приводит конкретные примеры, когда русские «партизаны» нападали и грабили не только обозы неприятеля, но и собственных отступавших войск).

Впрочем, мародерство самих русских и их участие по приказу Наполеона в разграблении Кремля и других святынь Москвы (снятие золоченого креста с кремлевской колокольни Ивана Великого, конной статуи Петра I с купола здания Сената в Кремле, золоченого орла с Сухаревской башни и такого же орла со здания почтамта и др.) сегодня не стесняются упоминать и современные отечественные публикаторы.

Известно, что те же аргументы о «необузданной свободе» Наполеон повторял и после поражения в России в своей знаменитой оправдательной речи в Сенате Франции 20 декабря 1812 г. о «генерале Морозе»: «Я мог бы поднять против [царя] большую часть населения, провозгласив освобождение рабов, но я отказался от этой меры», узнав о «грубости нравов этого самого многочисленного класса русского народа».

Тем не менее, еще 16 сентября 1805 г. кн. Адам Чарторыйский представил царю обширный доклад по организации антинаполеоновской пропаганды, Александр I его полностью одобрил.

Что же предлагал польский князь на русской государственной службе? А вот что:

«1. Наполеоновская антирусская печатная пропаганда приобретает угрожающие размеры.

2. Ей срочно следует противопоставить систему мер, включающую:

а) контроль за публикацией в России всех внутривнутриполитических материалов, дабы не дать врагу использовать невыгодные или опрометчивые публикации русских журналистов;

б) тщательное отслеживание внешнеполитических публикаций в Европе, особенно, во Франции, что должны осуществлять русские посольства за границей, пересылая в Петербург копии наиболее интересных статей

в) основным объектом русской антикритики должен стать наполеоновский «Монитор».

3. Главная же цель – «приобретение нужного влияния над журналами и газетами, в чужих краях издаваемых, так и вообще над мнением общественным посредством печатания разных статей, соответствующих видам и намерениям России, и издания разных политических сочинений, имеющих в виду благо общественное».

Однако поначалу все это новое дело пошло по традиционному для России бюрократическому пути. Вначале никак не могли определиться – при каком ведомстве создавать собственное «ведомство Фуше»?

Конкурировали в основном два – МИД и Главная дирекция почт, директор которой Д. Троцинский еще раньше Чарторыйского (20 октября 1804 г.) представил царю схожий доклад.

В конце концов МИД перетянул «канат», поскольку в нем еще в 1804 г. был учрежден особый «газетный отдел», уже готовивший с 1804 г. «статьи для помещения в газетах».

Однако эти «газеты» (а речь шла главным образом о правительственном официозе «Санкт-Петербургские ведомости» на русском языке) за границей никто не читал – по незнанию языка. Пришлось в 1804–1805 гг. переориентироваться на частные русские издания на немецком языке – «Russland unter Alexander dem Ersten» (1803–1806) академика Генриха Шторха (журнал печатался в Лейпциге и расходился и в Германии, и в России), и «Konstantinopol und St.-Peterburg, der Orient und der Norden» (Рига, 1805–1806) прибалтийского лютеранского просветителя Генриха фон Реймерса и рижского немца Фридриха фон Шредера ставшего одним из активных публицистов русской официозной антинаполеоновской пропаганды.

И хотя в России в те времена издавалось несколько иноязычных частных журналов (причем некоторые, например, «Русский инвалид», сразу на трех языках – русском, немецком и польском) в Петербурге, Москве, Риге и Одессе, размах и качество русской антинаполеоновской пропаганды царя явно не

удовлетворял, особенно, в связи с тем, что «ведомство Фуше» в преддверии русско-французской войны 1806–1807 гг. усилило заброску прокламаций, листовок, брошюр в Литву, Латвию, Белоруссию и на Западную Украину.

Александр I вынужден был снова обратиться к услугам Чарторыйского, хотя с середины 1806 г. князь Адам был уже отстранен от руководства внешней политикой России. На этот раз Чарторыйский подготовил не доклад, а проект секретного указа, который царь и подписал 2 октября 1806 г. По этому указу в дополнение к уже существующему «газетному отделу», предписывалось создать еще при МИДе и «особенную экспедицию сочинения специальной газеты на французском языке».

Предложенное князем Адамом название «Anti-Moniteur» не прошло, и газету окрестили нейтрально – «Journal du Nord» (1806–1812 гг.). указ приписывал новый официоз к министерству иностранных дел России, но официально он считался изданием «группы литераторов». А чтобы замаскировать и источник финансирования (значительная по тем временам сумма в 13 тыс. руб. в год), указ предписывал брать деньги из доходов главной дирекции почт Российской империи.

В ноябре 1806 г. царь лично утвердил штат «Journal du Nord» из четырех человек – двух «литераторов» Д. Н. Блудова и С. И. Ланского (в 1802–1804 гг. чиновника русского посольства в Париже), и двух переводчиков. Из «литераторов» только Дмитрий Блудов, оставаясь дипломатом, впоследствии войдет в русскую литературу, став членом пушкинского литературного объединения «Арзамас» и Вольного общества любителей русской словесности.

Однако не Блудов и не Ланской сыграли главную роль в становлении «Journal du Nord» на первом (до Тильзита) этапе его издания.

Заслуга превращения официоза в заметный в России и за рубежом в первой половине 1807 г. печатный орган принадлежит польскому графу Яну (Ивану) Потоцкому (1761–1815 гг.).

В отличие от Блудова, которому в момент зачисления в штат газеты было всего 20 лет, Потоцкий имел за плечами большой жизненный опыт – в период польских разделов 80-х – 90-х годов XVIII в. он уже владел «свободной типографией» в Варшаве, сражался в повстанческой армии Костюшко, попал в плен к русским и был спасен от репрессий благодаря родственным связям влиятельного при дворе Екатерины II польского клана Потоцких. Позднее, при Александре I, благодаря протекции Чарторыйского, Потоцкому удалось поступить в 1802 г. на службу в русское министерство иностранных дел в «Азиатский стол» (департамент).

К тому времени, благодаря своему роману «Рукопись, найденная в Сарагосе», польский граф стал известен в литературных кругах Петербурга и Варшавы. Как литератор он попал в большое посольство графа Ю. Головкина в Китай (1805–1806), по образцу египетской экспедиции Бонапарта включавшее многочисленную группу писателей, ученых, художников, статистиков. И хотя посольство окончилось, неудачей – китайцы из-за протокольных разногласий так и не допустили Головкина во дворец богдыхана, – сама двухлетняя поездка через всю Сибирь и Маньчжурию дала ее участникам очень много.

Художники опубликовали альбомы своих зарисовок, ученые представили отчеты, а Ян Потоцкий – научный доклад в Императорскую Академию наук об экономическом и культурном развитии Сибири, за который в январе 1806 г. он был удостоен звания почетного академика. И вот этот талантливый публицист, писатель и ученый попадает в редакцию новообразуемой газеты «Journal du Nord», пока – всего лишь пятым «газетным чиновником».

Ознакомившись с макетами первых номеров за конец 1806 г., Потоцкий понял, что на крупный «Анти-Монитор» газета не тянет – так, некий ведомственный бюллетень для отчета по начальству и оправдания жалования. Надо сказать, что к тому времени Потоцкий полностью отошел от антирусских настроений времен восстания Костюшко и перешел на прорусские позиции, разделявшие «русской партией» поляков (Потоцкие, Чарторыйские, Завадовские и др.).

Надежды на восстановление независимости Польши через автономию он связывал не с Наполеоном, а с Александром I. Отсюда стремление польского графа послужить царю на ниве антинаполеоновской пропаганды. Очевидно, посоветовавшись с Чарторыйским, Потоцкий изложил свой взгляд на характер издания «Journal du Nord» в специальном докладе новому министру иностранных дел А. Я. Будбергу, да так удачно, что уже в феврале 1807 г. был назначен главным редактором официоза.

Предложения Потоцкого шли в русле предыдущих идей Чарторыйского: русский официоз не должен ограничиваться лишь текущими репликами на выступления наполеоновских газет. «Journal du Nord» должен стать действительно «Anti-Moniteur» – крупной ежедневной газетой европейского уровня с сетью заграничных корреспондентов, «неким собранием мемуаров по истории Европы и России в начале века», – писал Потоцкий в своем докладе.

До создания сети заграничных корреспондентов пока дело не дойдет (она будет создана много позже, после разгрома Первой империи), но циркуляр Будберга 23 февраля 1807 г. уже возлагал на русские посольства задачу посылать в «Journal du Nord» все интересные сведения о наполеоновских публикациях по России.

Вообще надо отметить, что Потоцкий вооружил русскую антинаполеоновскую пропаганду идеями на много лет вперед. Ему, например, принадлежит тезис о необходимости «отделения» Наполеона от Франции (народа), он принимал участие в составлении первых листовок к французским солдатам еще в 1806 г., в которых говорилось: «Чуждая вашим интересам война

отрывает вас от очагов, семей и друзей. Тиран, чье ненасытное честолюбие не знает границ, привел вас в чужие страны, французская кровь льется во имя корон его родственников».

Позднее, в 1812–1814 гг., эти идеи станут лейтмотивом всей русской официозной печати, а также найдут отражение в антинаполеоновских листовках.

Пока же новый главный редактор деятельно взялся за дело. Уже с марта 1807 г. «Journal du Nord» начал выходить с подзаголовком – «газета нового плана». В мартовском-майском номерах основное внимание было уделено разоблачению политики Франции в Турции. Технология подачи материалов была такова: газета публиковала в отрывках либо доклад Талейрана императору из Варшавы от 23 января 1807 г., либо речь самого Наполеона в Сенате 29 января 1807 г. об укреплении франкотурецких связей, а Потоцкий писал к ним свои ядовитые комментарии. Затем эти материалы и комментарии из разных номеров газеты объединялись, переводились на русский язык и публиковались либо в русских журналах по частям, либо целиком отдельными брошюрами.

Большим подспорьем для Яна Потоцкого в его планах превратить официоз в крупную европейскую газету стала собственная типография «особенной экспедиции».

До 1806 г. пропагандистские брошюры на русском и немецком языках печатались главным образом в типографии Первого кадетского корпуса (ее директором был «газетный чиновник» фон Шредер) и типографии Сената (там также печатались два других официоза на русском языке – «Санкт-Петербургские ведомости» и «Сенатские ведомости»).

Хорошей французской типографии в Петербурге не было. И здесь Чарторыйский подсказал выход – по его рекомендации Александр I приказал выписать из Брауншвейга (Германия) целую типографию со всеми

машинами, шестью наборщиками и ее владельцем Алексисом Плюшаром, прижившимся в Брауншвейге французом. Выбор оказался как нельзя более удачным для обеих сторон – очень скоро Плюшар наладил образцовое типографское дело (настолько образцовое, что в 1808 г. власти передали ему в управление и вторую типографию – сенатскую), а власти, в свою очередь, не мешали ему «работать налево». Через несколько лет «левая» работа стала для Плюшара основной – ведь он специализировался на дорогих подарочных альбомах в отличном полиграфическом исполнении на французском языке». Выполнил Плюшар заказы и царской семьи. После 1815 г. он откроет при типографии книжную лавку и литературное кафе (по типу парижского «Cafe de paix» на площади Оперы), куда станут приходить будущий декабрист Рылеев, князь Вяземский, Кюхельбекер и Пушкин.

Увы, Потоцкому недолго удалось постоять у руля русской антинаполеоновской пропаганды – всего пять месяцев. В начале июля 1807 г. он неожиданно получает из Тильзита от своего куратора Будберга странное письмо: «Упразднить в наших периодических изданиях все, что направлено против французского правительства». Конечно, Потоцкий уже знал, что 14 июня 1807 г. при Фридлянде русская армия потерпела поражение. Но такое случалось и раньше – вспомним Аустерлиц 1805 г. И в страшном сне главному редактору «Journal du Nord» не могло присниться, что после еще одного, как считали в дворянской России, «частного» поражения Александра I пойдет не только на мир, но и союз с Наполеоном, тем более что как мы отмечали выше союзный договор в Тильзите был секретным и скрыт от общественного мнения как Франции, так и России.

Характерно, что и Наполеон направил из Тильзита 3 июля 1807 г. секретное предписание Фуше. «Следите, чтобы в печати ни прямо, ни косвенно не говорилось глупостей о России».

Фуше скрупулезно выполнил приказ «куратора», а вот Потоцкий ослушался. Он не только не задержал уже набранный июньский номер «Journal du Nord», но и выпустил его в продажу, за что сразу получил нагоняй от Будберга. И было за что – в только что вышедшем 24 номере русского официоза сравнивался текст французской конституции X года (4 августа 1802 г.), вводившей пожизненное консульство для Бонапарта, с текстом принятой на о. Таити 17 февраля 1807 г. аналогичной конституции, по которой бывшие рабы бывшей французской колонии вводили на своем острове режим бонапартизма. Как обычно, Потоцкий написал к материалу ядовитый комментарий относительно «белой» и «черной» тирании.

Когда же тильзитские переговоры закончились и их русские участники вернулись в Петербург, Потоцкий понял, что теперь от него требуется не ругать, а хвалить Наполеона. Но он не был послушным «газетным чиновником» типа Николая Греча, который тотчас развернулся на 180° и в своем новом журнале «Гений времени» (начал выходить в 1807 г.) стал публиковать статьи о «великом муже Наполеоне», ведущем Францию «к невиданной степени величия и силы».

В июле 1807 г. Потоцкий демонстративно подал в отставку и больше в петербургских «пропагандистских играх» участия не принимал.

Сам «Journal du Nord» остался – теперь его главным редактором стал Д. Н. Блудов.

Блудову в определенной мере удалось сохранить в 1807–1811 гг. «стиль Потоцкого»: его газета не стала рупором «союзной» тильзитской «дружбы». Показателем стали материалы об Испании, которые в «Journal du Nord» публиковал и комментировал будущий официальный историограф войны 1812 г. Д. П. Бутурлин (информация об антимонархическом восстании 17–23 марта 1808 г. в Мадриде и занятие его войсками Мюрата; «Таблица роста количества французских войск с 1808 по 1810 г. в Испании» и др. – все публикации с явно антинаполеоновскими комментариями Бутурлина).

Интерес к испанским инсургентам уже в 1808 г, на второй год тильзитского «союза» двух императоров, весьма показателен: дворянскому общественному мнению в России («Journal du Nord» читали, разумеется, не крепостные крестьяне) как бы давался сигнал – царь не сдался, он против «тирана» и за «народ», в конкретном случае – за испанский.

С началом войны 1812 г. испанская тема зазвучала уже в полную силу, вплоть до публикации текста русско-испанского союзного договора, заключенного 8/20 июля 1812 г. в Великих Луках.

С приближением «грозы 12-го года» семейство иноязычных изданий увеличивается – с начала 1811 г. в Москве начинают выходить «Московские ведомости» на немецком языке. Как и «Journal du Nord», его немецкий собрат уже в 1811 г. в изобилии перепечатывает

откровенно антинаполеоновские статьи (например, текста правительственного доклада Наполеону в конце 1811 г. о беспокойной обстановке внутри Франции и необходимости создания «внутренней армии» – полицейских соединений, что и было сделано французским императором весной 1812 г.).

И все же следует признать, что предвоенный опыт антинаполеоновской русской пропаганды 1808–1811 гг. был малоэффективным. 98 % населения эти газеты на иностранных языках читать не могло, да и в глухие медвежьи углы «Journal du Nord» или «Moscovische Zeitung» к мелкопоместным дворянам гоголевского типа не доходили. И прав был будущий декабрист А. Н. Муравьев, когда позднее вспоминал «Дух патриотизма без всяких особых правительственных воззваний сам собою воспылал».

В определенной степени такая малоэффективность объяснялась слабой литературной талантливостью «газетных чиновников», чаще всего подменявших серьезный анализ набором ругательств по адресу Наполеона, особенно, сразу после вторжения «Великой армии» в Россию. По существу, кроме Яна Потоцкого, Дмитрия Блудова латышского просветителя Г. Меркеля и, частично, Дмитрия Бутурлина в русской официозной контрпропаганде до войны не было талантливых публицистов.

И не случайно Александр I лично вмешался в «подбор кадров», пытаясь привлечь в свое «ведомство Фуше» перед самой войной таких корифеев литературы и публицистики, как писательница Жермена де Сталь и яркого консервативного публициста иезуита-католика и идейного врага Революции Жозефа де Мэстра (оба в это

время находились в эмиграции в России). Мадам де Сталь от сомнительной чести стать «казенной публицисткой» уклонилась, а вот де Мэстр (за 20 тыс. руб., почти в два раза больше, чем годовой бюджет «Journal du Nord») согласился.

5 марта 1812 г. состоялась важная встреча царя с публицистом. Речь шла об издании специальной газеты на польском и французском языках, ориентированной на Польшу. Задача была поставлена Александром I. Наполеон перед вторжением в Россию хочет разыграть «польскую карту», суля полякам не куцую автономию в рамках Саксонского Королевства (герцогство Варшавское с 1806 г.), а полную независимость с воссоединением вокруг Варшавы всех польских земель, отторгнутых в результате разделов XVIII в.

Де Мэстр согласился, и даже подготовил в мае 1812 г. проект царского манифеста о «восстановлении Польши» (создание Царства Польского в рамках Российской империи, что и будет осуществлено Александром I уже после разгрома империи Наполеона, в 1815–1830 гг.).

Царь отпустил деньги на новую газету и даже пригласил в нее 12 июня 1812 г. главного редактора, очередного «поляка на русской службе» (в 1810–1815 гг. члена Правительствующего Сената Российской империи) известного композитора (знаменитый полонез «Прощание с Родиной» 1794 г.) графа Михаила Огиньского (1765–1833 гг.).

Но вся операция сорвалась за десять дней до вторжения «Великой армии» – Наполеон упредил царя, объявив о «независимости» Польши, а 26 июня 1812 г. (уже когда французы вместе с поляками перешли

западную русскую границу) варшавский сейм декларировал «дружбу» с Наполеоном.

Не следует думать, что Наполеон покорно сносил все выпады русской официальной пропаганды в 1806–1807 гг. Это только 3 июля 1807 г., когда в Тильзите станет реальной не только перспектива мира, но и союза с Александром I, Наполеон прикажет Фуше не говорить «глупостей о России».

А накануне войны такие «глупости» публично говорились «газетными чиновниками» с обеих сторон.

К их числу со стороны наполеоновской пропаганды относится широкое использование так называемого «Завещания Петра Великого», дважды, в 1807 и 1812 гг., в тысячах экземпляров распространявшегося среди солдат и офицеров наполеоновской армии, а также среди местного населения.

История этого завещания вот уже три века вызывает бурные дискуссии среди историков.

подавляющее большинство русских историков всегда считали его фальшивкой, сочиненной недругами России для оправдания своей агрессии против нее. В подтверждение они ссылаются на факты использования этой фальшивки каждый раз, когда Россия либо конфликтовала, либо воевала с Западом.

Действительно, перепечатки «Завещания» на разных европейских языках появлялись каждый раз, когда назревал конфликт – в 1807 и 1812 гг. при войне с Францией, в 1863 г. – во время польского восстания, в 1914 и 1941 гг. – при войнах с Германией.

Наоборот, западные историки – сторонники подлинности «Завещания», не отрицая его

пропагандистского использования, в то же время считают его реальной программой внешней политики России как политики имманентно агрессивной.

В данном контексте мы оставляем в стороне дискуссионную проблему – подлинно или фальшиво «Завещание Петра Великого». Нас интересует, как этот истинный или мнимый текст использовался в интересах текущей наполеоновской пропаганды.

В самом начале 1807 г. на театр военных действий в расположение французских войск начали поступать огромные тюки, содержащие сотни брошюрок, на титуле которых значилось «De progres de la puissance ausse depuis son ongine Jusqu au commencement du XIX sciecle Par M. L.xxx. Paris, 1807».

Брошюрка была написана типичным языком «газетных чиновников» из «ведомства Фуше» и трактовала об извечной агрессивности «русских варваров», победа которых грозит цивилизованной Европе «азиатским порабощением».

Автором этой брошюрки был старейший чиновник «ведомства Фуше» Лезюр, а за основу своего сочинения он взял старый проект (1797 г.) польского полковника на службе Директории Михаила Сокольницкого (поляки активно служили в пропаганде и Франции, и России).

В 1863 г. библиотекарь отдела «Россика» Императорской публичной библиотеки в Петербурге рижский немец Генрих Беркгольц, внимательно проанализировавший тексты «Завещания» 1797, 1807, 1811 и 1863 гг., пришел к выводу, что к варианту 1807 г. (перепечатанному в 1811 и 1863 гг.) «руку

приложил» сам Наполеон, о чем прямо написал в своей брошюре-анализе.

И хотя аргументация Беркгольца не всегда убедительна, зная, что Наполеон лично правил главные пропагандистские издания (классический пример с панегириком «Сравнение между Цезарем, Кромвелем, Монком и Бонапартом» 1800 г. – привел в своих мемуарах Бурьенн, когда Наполеон лично правил корректуру рукописи, подготовленной его братом Люсьеном), такое предположение библиотекаря не кажется фантастическим.

Накануне похода в Россию (1811 г.) Наполеон вновь распорядился переиздать опус Лезюра, значительно его осовременив и включив в «Завещание» такие факты, которые при всем желании не могли иметь место при Петре I (упоминание о Тильзите, шведском короле Бернадотте и др). Английский разведчик и дипломат Роберт Вильсон в своем «Дневнике» писал, что в 1812 г. в оставленной французами Москве он видел целые нераспечатанные тюки с «Завещанием» образца 1811 г. на разных языках, так и не распространенном до конца среди солдат и офицеров Великой армии.

Но, судя по воспоминаниям и романам участника русской кампании Стендаля, брошюрка с «Завещанием» оказала свое воздействие на умонастроение участников кампании: «Эта война была неизбежна: Россия не прекращала расширяться со времен Петра Великого и угрожала Франции и Европе своими планами их порабощения».

В кампанию 1813–1814 гг. Наполеон вновь использовал «Завещание», включив отрывки из него в

свои бюллетени (см. например, бюллетень 3 мая 1813 г., после битвы при Лютцене).

Чем ответил Александр I на все эти ухищрения «ведомства Фуше» в 1806–1807 гг.?

Двумя основными акциями, о которых кратко говорилось выше.

Во-первых, указом от 12 декабря 1806 г. о создании (впервые после народного ополчения Минина и Пожарского в XVII в.) «временных ополчений или милиции» из дворян, купцов, мещан, государственных крестьян и казаков как «народного резерва» регулярной армии численностью в 612 тыс. чел. – в два раза больше, чем русская регулярная действующая армия на театре военных действий (указ 12 декабря 1806 г.). По сути, это была первая попытка придать кампании 1806/07 г. характер патриотической (отечественной) войны всего русского народа против «исчадия ада – Буонапартия». Правда, в отличие от 1812–1814 гг., в последний момент царь побоялся двинуть эту армаду бородатых мужиков на поля сражений в Пруссию, и эта «милиция» так провела всю войну в тылу, на своих сборных пунктах в глубине России.

Во-вторых, указом 18 декабря 1806 г. Святейшему Синоду, который со времен Петра I был в полном подчинении царю. К указу был приложен текст «анафемы» Наполеону, которую Синод неукоснительно утвердил и разослал по всем церковным приходам огромной империи.

И вот под Новый, 1807, год, с амвонов православных церквей понеслось: «Наполеон дерзает против Бога и России... Покажите ему, что он тварь,

совестью сожженная и достойная презрения... Не верьте ему, ниспровергайте его злодейства». «Анафема» завершалась призывом вступить в ополчение.

Нельзя недооценивать религиозно-идеологическую роль таких «анафем» в стране, где 90 % населения (крестьяне) были неграмотны и на десятки (а то и на сотни верст – в Сибири) приходской православный батюшка был единственным грамотеем. И все общение центральных властей с основным населением шло через церковь – там крестьяне узнавали об указах царя, об объявлении войн или заключении мира, о смерти одного царя и восшествии на престол другого.

Но и мелкопоместное провинциальное русское дворянство сочувственно встречало такие «анафемы». «Я не очень знаю, – писал один из них, – что говорится и делается в высшем кругу, но что касается до круга моих знакомых, то все они радуются решимости Государя, и все вообще готовы не токмо на какое пожертвование, но и на всякое самоотвержение».

Кстати, недооценка Наполеоном этой «пропагандистской» роли русской православной церкви и пренебрежение религиозными чувствами русских крестьян – грабежи церковей, размещение вместе с лошадьми там на постой своих солдат, особенно в соборах Кремля – сыграло, наряду с «анафемой» (а Синод издавал их еще дважды – в 1812 и 1815 гг., во время «ста дней») не последнюю роль в подъеме национально-освободительного движения в России, носившего, как и в Испании, во многом религиозный характер.

Это кажется тем более странным, что Наполеон хорошо понимал роль религии вообще как инструмента

контроля за настроением масс. Об этом понимании свидетельствует и его отказ от якобинской дехристианизации, и конкордат с папой римским 15 июля 1801 г., по которому французские епископы должны были приносить присягу верности Первому консулу (совсем как православные митрополиты русскому царю), а под сводами католических соборов начинать мессу ранее неведомой молитвой: «Боже, храни Республику. Боже, береги консулов». А изданный в годы Первой империи «Катехизис» вообще объявлял Наполеона наместником бога на земле, хотя до мая 1807 г. этот «наместник» приносил клятву на верность Республике и свои ордонансы подписывал так – «император в силу Конституции и милостью Божьей».

В этой «войне перьев» двух императоров уже на дальних подступах к войне 1812 г. и заграничным походам 1813–1814 гг. отчетливо проявились два подхода, две идеологические концепции, которым суждено будет сыграть определяющую роль в отношениях России и Запада весь XIX и начало XX в. – концепция нации (Наполеон) и концепции народа (Александр I).

Первая опиралась на единство крови, языка, культуры, вторая – на вероисповедание. Ведь в многонациональных империях того времени – Османской, Австрийской, Российской – юридически не существовало понятия национальность – его заменяло (причем в России – до Февральской революции 1917 г., хотя в переписи 1897 г. впервые и был введен необязательный вопрос: «какой вы национальности?») – вероисповедание (т. е. если православный – значит, русский).

И не случайно, победив Наполеона, Александр I попытался в 1814–1815 гг. на Венском конгрессе закрепить эту победу не только традиционными дипломатическими соглашениями с дележом территорий, но и – впервые в истории мировых международных отношений – новым политико-религиозным образованием – Союзом монархов и народов (идея графа С. С. Уварова), исповедующих все три ветви христианства (католицизм, протестантство и православие).

Как тогда казалось царю-идеологу, именно союз религий (а не наций-государств) избавит Европу и мир от новых революций и новых «бонапартов на коне». Но

этого не случилось – после 1815 г. развитие Западной и Восточной Европы (Евразии) пошло разными дорогами.

 Дуэль двух императоров завершилась с их смертью – дуэль европейских дипломатий продолжалась.

Краткая библиография

Абалихин Б.С. Отечественная война 1812 года на Юго-Западе России. – Волгоград, 1987.

Безотосный В.М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 г. – М., 1999.

Бескровный А.Г. Отечественная война 1812 года. – М., 1962.

Бессмертная эпопея. Сб. статей / Под ред. А. Л. Нарочницкого. – М., 1988.

Боботов С.В. Наполеон Бонапарт – реформатор и законодатель. – М., 1998.

Богданов А.П. Русская армия в 1812 году. – М., 1979.

Бокур Фернан Пленные Великой армии Наполеона в России в 1812–1814 гг. // 185 лет Отечественной войне 1812 года. Сб. статей. Самара, 1997.

Борисов Ю.В. Шарль Морис Талейран. – М., 1989.

Бородино. 1812 год. (Альбом) / Под ред. П. Л. Жилина. – М., 1987.

Бочоришвили К.Г. Французская гвардия при Наполеоне I // Сообщения Академии наук Грузинской ССР. – Тбилиси, 1982. – № 3 (105).

Вандаль Альбер. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время I империи, т. 1–3. Пер. с фр. – СПб., 1910–1913.

Васильев А.А. Роялистский эмигрантский корпус принца Конде в Российской империи // Великая Французская революция и Россия. – М., 1989.

Вейдер Бен. Блистательный Бонапарт – Блистательный Наполеон. Т. 1. / Пер. с англ. – М., 1995.

Вильсон Роберт Томас. Дневник и письма, 1812–1813 / Пер. с англ. – СПб., 1995.

Внешняя политика России XIX и начала XX в. Т. 1-УШ. 1801–1815 гг. – М., 1960–1972.

Военский КА. Последний из ветеранов Великой армии (Из личных воспоминаний и бесед с офицером армии Наполеона I, участником войны 1812 года) //журн. «Свет». – 1914. – Т. IV. – Июнь.

Герои 1812 года (серия ЖЗЛ). – М., 1987.

Гузевин Д.Ю., Гузевич И.Д. Петр Петрович Базен. – СПб., 1995.

Дневник Александра Чичерина, 1812–1813. – М., 1966.

Егоров А.А. Маршалы Наполеона. – Ростов н/Д, 1998.

Ермолов А.П. Записки А. П. Ермолова, 1798–1826. – М., 1991.

Жилин П.А. Фельдмаршал М. И. Кутузов. – М., 1987.

Захарова О.Ю. Я князь, коль мой сияет дух... (Страницы военной биографии М. С. Воронцова). – Подольск, 1997.

Злотников М.К. Континентальная блокада и Россия. – М.-Л., 1966.

Кавтарадзе А.Г. Генерал А. П. Ермолов. – Тула, 1977.

Казаков Н.Н. Наполеон глазами его русских современников // ННИ. – 1970. – № 3, 4.

Карцев Ю., Военский К. Причины войны 1812 г. – СПб., 1911.

Клаузевиц Карл. 1812 год. – М., 1937.

Куриев М.М. Герцог Веллингтон. – М., 1995.

Авицкий Н.А. Полководческое искусство Наполеона. – М., 1938.

Листовки Отечественной войны 1812 года. Сб. документов. – М., 1962.

Манфред АЗ. Наполеон Бонапарт. – М., 1971.

Мережковский Д.С. Наполеон. (Наполеон-человек. Жизнь Наполеона). – М.Д993.

Мищенко Т.К. Празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года // От Москвы до Парижа, 1812–1814 (Материалы научной конференции «185 лет Малоярославецкому сражению»). – Малоярославец, 1998.

Наполеон. Избранные произведения. – М., 1956.

Окунь С.Б. История СССР (Лекции, часть 2, 1812–1825). Л., 1978.

Отечественная война и русское общество, т. 1-УИ. – М., 1911–1912.

Понасенков Е.Н. Наполеоновские войны и русская кампания 1812 г. – М., 2002.

Погосян В.А. Павел I и Людовик XVIII // Французский ежегодник. 1980. – М., 1982.

Попов А.Н. Отечественная война, т. I. Сношения России с иностранными государствами перед войной 1812 г. – М., 1905.

Русские генералы в войнах с наполеоновской Францией в 1812–1815 гг. // Российский архив. Т. 7. – М., 1996.

Рустам. Моя жизнь рядом с Наполеоном. Воспоминания мамлюка Рустама Раза, армянина. – Ереван, 1997.

Сахаров А.М. Александр I. – М., 1998.

Сироткин В.Г. Отечественная война 1812 года. – М., 1988.

Сироткин В.Г., Козлов В. Т. Традиции Бородина: память и памятники. – М., 1989.

Собуль Альбер. Первая республика, 1792–1804 гг. / Пер. с фр. – М., 1974.

Стендаль. Жизнь Наполеона // Собр. соч.: В 15 т. Т. 11. – М., 1959.

Тарле Е.В. Наполеон. – М., Наркомат обороны СССР, 1939.

Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. – Соч., т. VII. – М., 1959.

Тарле Е.В. Талейран. – М., 1992.

Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. – М., 1988.

Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. – М., 1994.

Туган-Брановский Д.М. Наполеон и власть. – Балашов, 1993.

Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай: легенда и быль. – М., 1996.

Тюлар Жан. Наполеон, или Миф о спасителе / Пер. с фр. (серия ЖЗЛ). – М., 1996.

Тюлар Жан. Мюрат, или пробуждение нации / Пер. с фр. – М., 1993.

1812 год. Воспоминания воинов русской армии (Из собрания письменных источников ГИМа). – М., 1991.